

Буяров Д. В.
D. V. Buyarov

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ В 1980-е гг.

THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE XINJIANG UYGUR AUTONOMOUS REGION IN THE 1980-ies

Буяров Дмитрий Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры всемирной истории Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104; 8(4162)37-44-70. E-mail: buyarov_d@mail.ru.

Mr. Dmitry V. Buyarov – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of the World History, City of Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 675000, Blagoveshchensk, 104, Lenin St.; 8(4162)37-44-70. E-mail: buyarov_d@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается изменение демографической ситуации в СУАР в 1980-е гг. Анализируются демографические факторы развития национальных меньшинств, проживающих в регионе, и национальная политика КНР.

Summary. The paper deals with the changing demographics in Xinjiang in the 1980s. Analysis is provided of the demographic factors impacting the development of national minorities living in the region and the national policy of the People's Republic of China.

Ключевые слова: СУАР, демографическое развитие, национальные меньшинства, ханьцы, национальная политика.

Key words: Xinjiang, population development, ethnic minorities, the Han, national policy.

УДК 94(5)314.156

Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (СУАР) традиционно является одной из территорий с наибольшей долей национальных меньшинств в населении, уступая по этому показателю только Тибетскому автономному району. До сих пор в этих районах ханьцы (собственно китайцы) остаются в меньшинстве.

После образования СУАР в 1955 г. доля национальных меньшинств в численности населения района стала снижаться. К 1982 г. удельный вес ханьцев в провинции возрос до 40,4 %. До начала 1970-х гг. увеличение численности населения происходило преимущественно за счет механического прироста, но в 1970-80-е гг. этот процесс стал осуществляться так же и за счет естественного прироста, в том числе ханьского населения [3, 80, 84].

Динамика изменения численности населения Синьцзяна в 1980-е гг. (см. табл. 1), свидетельствует не только об увеличении количества ханьцев, но также и количественном росте представителей так называемых национальных меньшинств [5, 40; 6, 87-88].

Таблица 1

Изменение численности наиболее крупных этносов СУАР (тыс. чел.)

Национальность	1982 г.	1984 г.	1987 г.	1989 г.	1991 г.
Все население СУАР	13 082	13 441	14 063	14 542	15 280
Ханьцы	5284	5346	5430	5532	5769

Буяров Д. В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ В 1980-е гг.

Продолжение таблицы 1

Национальность	1982 г.	1984 г.	1987 г.	1989 г.	1991 г.
Уйгуры	5956	6170	6582	6827	7217
Казахи	904	964	1034	1087	1138
Дунгане	568	588	626	659	689
Монголы	118	121	190	136	142
Киргизы	113	119	131	138	144

В процентном соотношении увеличение численности ханьцев, в том числе за счет миграционных потоков, в сравнении с изменением численности национальных меньшинств, было не слишком значительным. В частности, рост уйгурского населения был в 2,5 раза выше, нежели ханьского. Однако увеличение численности собственно китайцев в Синьцзяне традиционно воспринималось очень болезненно со стороны именно уйгуров.

В конце 1980 г. состоялась 3-я Всекитайская научная конференция по народонаселению, посвященная демографическим проблемам. Многие участники конференции обратили особое внимание на ситуацию в СУАР. По их мнению, природные условия, особенности расселения и отдаленность района затрудняли ограничение рождаемости. Поэтому было предложено ограничиться политикой поздних браков и поздних рождений. Но подобная практика стала претворяться в жизнь гораздо позже, натолкнувшись на значительное недовольство со стороны неханьцев.

Практически все национальные меньшинства СУАР, составляющие более половины населения провинции, являются мусульманами. Религиозные же установки оказывают значительное влияние на развитие демографической ситуации. Одной из религиозно-репродуктивных установок ислама являются ранние браки, иногда даже близкородственные. В середине 1980-х гг. средний возраст вступления в брак среди уйгуров составлял 17 лет. В то же время нередкими были браки, когда девушкам было 14 лет и меньше. Доля состоящих в близкородственных браках в трех южных округах СУАР, где численно преобладают уйгуры, составляла по представителям этой национальности 17,7 %. Соответственно ранние браки ведут к ранним рождениям. Так, в 1986 г. рождаемость среди 15-19-летних уйгурок составляла 71 % [8, 17].

Одним из важных показателей демографического развития является уровень детской смертности. В 1980-е гг. детская смертность в национальных районах была выше, чем в целом по стране. Так в 1982 г. коэффициент детской смертности в Синьцзяне составлял 106 ‰, а на юге провинции он доходил до 150-200 ‰ [2, 78]. Но в целом стандартизированный коэффициент смертности уйгуров был ниже. В этот же период он составлял 11,12 ‰ [7, 67]. Повышенная смертность среди уйгурского населения, по сравнению с ханьцами, объясняется рядом причин. Во-первых, это недостаточно развитый уровень медицинского обслуживания. Значительная часть населения СУАР живет в отдаленных от городов районах. И хотя в 1980-е гг. национальные районы опережали среднекитайские показатели по количеству больничных коек и врачей на душу населения, это не сказывалось значительным образом на охране здоровья детей. Во-вторых, это более высокая рождаемость среди женщин национальных меньшинств, примерно в два раза выше, чем у ханьцев. Естественно, что более высокий уровень рождаемости неизбежно влечет за собой повышенную смертность рожениц и младенцев. В-третьих, это достаточно высокая стоимость медицинских услуг, которые могут себе позволить далеко не все уйгурские семьи.

Второй традиционной установкой мусульман является многодетность. Политика ограничения рождаемости, проводимая центральным правительством, всегда наталкивалась на неприятие со стороны китайских мусульман. Это объяснялось не только тем, что рождение детей воспринималось как «высшая благодать, посланная Аллахом», но и некоторыми соображениями экономической целесообразности. В значительной части уйгурских семей, занимавшихся традиционными видами хозяйства, дети с раннего возраста приучались к труду и использовались в качестве помощников. Тем не менее политика китайских властей способствовала определенному снижению рождаемости среди мусульман. Ханьские чиновники смогли подключить к пропаганде часть проповедников – ахунов, некоторые из которых, подавая пример, даже соглашались на стерилизацию. Определенную роль сыграли налоговые льготы, предоставляемые семьям, не нарушавшим демографическую программу. Результаты данной политики проявились уже к началу 1980-х гг. Так, например, в Урумчи коэффициент рождаемости уйгуров снизился к 1983 г. с 5,3 до 2,6. Но в то же время в 1980-е гг. наблюдался устойчивый рост уйгурского населения провинции, он составил 21 %, что не могло не вызывать серьезную озабоченность китайских властей. Суммарный коэффициент рождаемости в СУАР к 1987 г. составлял 3,75 [2, 69].

Политика ограничения рождаемости в Китае была закреплена на конституционном уровне. В статье 25 Конституции КНР говорится: «Государство осуществляет планирование рождаемости, с тем чтобы привести в соответствие рост населения страны с планами экономического и социального развития» [2]. С начала 1980-х гг. на крупные национальные меньшинства стала распространяться новая программа семейного планирования. Так в 1983 г. Постоянный комитет Совета народных представителей СУАР принял новую редакцию 9-й статьи Закона о браке КНР 1980 г. Она гласила: «Среди национальных меньшинств также необходимо осуществлять планирование рождаемости... планирование рождаемости для ханьцев и национальных меньшинств должно иметь различия. В отношении ханьцев оно должно осуществляться более строго, в отношении меньшинств необходимо допускать определенные послабления» [2, 57]. Во многом формулировка статьи носила декларативный характер. В 1986 г. партийный комитет СУАР, следуя в русле политики центрального правительства КНР по планированию рождаемости, потребовал, чтобы среди неханьских национальностей провинции началась более эффективная пропаганда планирования рождаемости. Вскоре от призывов перешли к практическим действиям. К 1987 г. в Синьцзяне почти 500 тыс. женщин, представительниц национальных меньшинств, подверглись различным мерам по ограничению рождаемости [4, 59]. Это составляло 30 % всех неханьских женщин, состоявших в браке. Однако новая демографическая политика не принесла желаемого эффекта и рождаемость в семьях национальных меньшинств оставалась достаточно высокой. Темпы увеличения неханьского населения не только не снизились, но даже несколько повысились.

В 1988 г. власти СУАР приняли «Временное положение по урегулированию рождаемости среди национальных меньшинств». Суть этого документа заключалась в следующем:

1. Установление условий для заключения брака и рождения детей. Так вводился возрастной ценз для вступающих в брак: для женщин – не ранее 18 лет, для мужчин – 20 лет. Также устанавливались ограничения по количеству детей в семье. Семьям, проживающим в городах, разрешалось иметь двух детей. Третий ребенок допускался при некоторых условиях: наличие недееспособных детей (инвалидов от рождения); при втором браке, если супруги имели по ребенку; если среди братьев только один имел ребенка; если один из супругов работал на шахтах или рудниках более трех лет и продолжал работать; если один из

супругов жил за пределами страны. Семьям, проживавшим в земледельческих и скотоводческих районах, разрешалось иметь трех детей и даже четвертого ребенка, если у них не было мальчиков.

2. Введение мер поощрения и наказания. Устанавливался определенный размер пособия по уходу за детьми для семей, соблюдавших правила планового деторождения. Для лиц, вступавших в поздний брак, предусматривались дополнительные отпуска. Кроме того, для ухода за больными детьми до 10 лет одному из работающих супругов предоставлялся оплачиваемый отпуск до 45 дней в год. В то же время лица, не соблюдавшие правила, подвергались финансовому наказанию. За первого лишнего ребенка в течение семи лет удерживалось 10 % заработной платы, а за каждого последующего ребенка сверх нормы еще по 5 %.

3. Установление предохранительных мер от беременности. Так, женщинам, сделавшим аборт, предоставлялся оплачиваемый отпуск, в случае неблагоприятных последствий после операции – оказывалась финансовая помощь. В то же время женщины, имевшие более трех детей в городах и четырех в сельской местности, ставились на особый учет [1, 185-187]. Как всегда контроль за выполнением этих правил стал приводить к перегибам и нарушениям.

На практике супружеские пары должны были ждать квоту на рождение ребенка в течение 3-4 лет после заключения брака. В противном случае на семью налагался штраф в размере 30 тыс. юаней. Достаточно часто женщин просто принуждали делать аборт. Например, в 1991 г. в Кашгарском округе было сделано 18 765 вынужденных абортов, причем более 50 % из них были подвергнуты уйгурские женщины [4].

Достаточно жесткие методы дали определенные результаты. Так, согласно официальным источникам, в 1990 г. под контролем чиновников находилось 77 % всех рождений, а к 2001 г. эта цифра составила уже 98 % [5]. Однако, по сообщениям зарубежных уйгурских информационных агентств, данные цифры не соответствуют действительности.

Во многом демографическая ситуация зависит от качества жизни населения, которое определяется развитием здравоохранения и образования. К 1978 г. число медицинских учреждений в национальных районах составило 14 %, а медицинского персонала – 11,3 % от общекайтайских показателей. Однако в отдельных районах количественные показатели были ниже средних. В начале 1980-х гг. китайские власти начинают стремиться переходить к укомплектованию медицинских учреждений профессиональным персоналом и отказу от использования «босоногих врачей», то есть лиц, не имевших специального медицинского образования. Также начинают создаваться специальные средние учебные заведения национальной медицины.

Тем не менее, собственно в 1980-е гг., в Синьцзяне не происходило существенных улучшений в области развития здравоохранения, в том числе не только в качественном, но и в количественном показателях. В следующее десятилетие наметились позитивные изменения. К 2001 г. в СУАР насчитывалось 7309 различных учреждений здравоохранения, из них 1357 больниц. При этом в среднем на каждые 10 тыс. чел. приходилось 35 больничных коек. Численность медицинских работников составила 97,5 тыс. чел. [1]. Однако из этого числа представители национальных меньшинств составляли лишь 33,6 тыс. чел.

Согласно официальным данным численность больничных коек и медицинских работников на тысячу человек населения в Синьцзяне превышает средний уровень по стране. Но реальные показатели не являются стопроцентными, что, кстати, не скрывается и китайскими властями. Так, например, плановая иммунизация охватывает лишь 85 % населения. Только 50 % женщин, проживающих в сельской местности, рожают в больницах. В городах

этот показатель составляет 90 %. Что касается детей, то систематическими мерами по охране здоровья охвачены 70 % в городе и 30 % в деревне [1].

Одним из факторов, влияющим на состояние здоровья и демографическую ситуацию в СУАР, является испытание ядерного оружия. С 1961 г. на полигоне Лобнор, расположенном в 800 км. от Урумчи, было проведено 46 ядерных взрывов, с суммарной силой взрыва в 20 млн т. С этого момента у местного населения стало наблюдаться увеличение раковых заболеваний, врожденных патологий и смертей от неизвестных болезней, обозначаемых «болезнь № 1» и «болезнь № 2», которые по подозрениям развиваются из-за разработок бактериологического оружия. Общие людские потери составляют порядка 200 тыс. чел. [4]. По данным японского профессора Гао Тяньчуна, самый крупный взрыв был произведен 17 ноября 1976 г., силой в 4 млн т. Хотя он был подземным, от «ядерной пыли» погибли 190 тыс. чел, а от излучения пострадали 1 млн 290 тыс. чел. В 1980 г. испытания стали проводиться на поверхности земли и в воздухе [3].

По мнению китайских властей, улучшает демографическую ситуацию система образования, которая способствует повышению «качества» населения. К 1980-м гг. уровень образования в национальных районах нельзя было считать удовлетворительным. Но к 2000-м гг. ситуация в автономном районе изменилась. Так, количество начальных школ увеличилось до 6220, средних – до 1929, число вузов выросло до 21, а количество студентов составило 110 тыс. чел. [1]. В 1989 г. в синьцзянских университетах обучались 17,5 тыс. студентов – представителей национальных меньшинств. Также для национальных меньшинств открывались специальные курсы [9, 31]. По официальным данным число неграмотных среди молодежи и людей зрелого возраста снизилось до 2 %.

По другим данным численность неграмотных была значительно выше. Среди национальных меньшинств на 1990 г. неграмотные мужчины составляли 15,4 %, а женщины – 19,4 % [10, 325]. Эти цифры, которые представляются более реальными и объясняются не только расселением национальных меньшинств в труднодоступных районах, их экономическим положением, но также и тем, что на образование на национальных языках выделяется недостаточно средств. Например, на ханьские школы расходуется 65 % образовательного бюджета, а 35 % выделяется на школы национальных меньшинств, которые составляют более половины населения провинции. В целом можно утверждать, что система образования в СУАР направлена на аккультурацию национальных меньшинств.

Демографическое развитие Синьцзяна в 1980-е гг. было сопряжено с рядом серьезных проблем. С одной стороны, центральное правительство КНР пыталось исправить те ошибки, которые были допущены в национальной политике в ходе «Культурной революции», завершившейся в 1976 г. Но, с другой стороны, изменения происходили крайне медленно, при недостаточном финансировании, в отсутствие реальной демократии и авторитарными методами. При этом далеко не всегда и не в полной мере учитывалась национальная специфика региона, в котором национальные меньшинства составляли более половины всего населения. Относительно дифференцированный подход правительства к демографическому развитию ханьского и неханьского населения СУАР не был комплексным и не решал всех проблем развития национальных меньшинств. Более того, поощрение китайской миграции, жесткие методы и политика аккультурации способствовали росту скрытого недовольства, периодически выражавшегося в народных волнениях. Таким образом, национальная политика КПК в СУАР в 1980-е гг. способствовала определенному росту латентной конфликтности, как одного из факторов синьцзянского сепаратизма.

Буяров Д. В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ В 1980-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдумасаров, А. А. СУАР КНР: основы политики плановой рождаемости / А. А. Абдумасаров // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы докладов. – Ч. III. – М., 1991. – С. 184-192.
2. Дикарев, А. Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики / А. Д. Дикарев. – М.: Восточная литература, 1996. – 176 с.
3. Сыроежкин, К. Л. Этносоциальный фактор развития Синьцзяна / К. Л. Сыроежкин // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – № 2. – С. 80-88.
4. Мао Вэньчжун. Сянь цзэдуань Синьцзян шаошу миньцзу жэнькоу цзэнчжан дэ чжэнцэ дуньинь (Движущие мотивы политики в отношении роста населения национальных меньшинств в Синьцзяне на современном этапе) // Чжунго шаошу миньцзу. – 1993. – № 6. – С. 53-65.
5. Синьцзян няньцзянь 1986-1993 (Ежегодник Синьцзяна). – Урумчи, 1993. – 325 с.
6. Синьцзян тунци няньцзянь 1990 (Статистический ежегодник Синьцзяна). – Пекин, 1990. – 380 с.
7. Цянь Цзяньмин, Чжан Цян. Чжунго шаошу миньцзу сыван фэньси (Анализ смертности среди национальных меньшинств КНР) // Жэнькоу яньцзу. – 1990. – № 1.
8. Чжан Тяньлу. Чжунго ды цзунцзяо юй шаошу миньцзу жэнькоу цзай шэньчань (Религии Китая и демографическое воспроизводство национальных меньшинств) // Жэнькоу яньцзу. – 1990. – № 6.
9. Dillon, M. Zinjiang: Ethnicity, Separatism and Control in Chinese Central Asia. – University of Durham, 1995. – 185 p.
10. Hannum E., Yu Xie. Ethnic Stratification in Northwest China: Occupational differences between Han Chinese and national minorities in Xinjiang, 1982-1990 // Demography. – Washington. – 08.1998. – P. 323-333.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белая книга «История и развитие Синьцзяна» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/72393.htm>.
2. Конституция КНР 1982 г. // Законодательство Китая // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution_ch1.
3. Хун Фэн. Более чем за 30 лет от секретных ядерных испытаний в Китае погибло не менее 700 тысяч человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/23229/4/>.
4. Cao Changqing. Between the abortion knife and nuclear testing // Taipei Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uyghuramerican.org>.
5. Ethnic women in Xinjiang have new concept of birth control // State Family Planning Commission of China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sfpc.gov.cn>.

Гореликов А. И.
A. I. Gorelikov

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОСВЕЩЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

KEY TRENDS OBSERVED IN THE WAY THE SOVIET STATE'S IMPLEMENTATION OF NATIONAL POLICY ON INDIGENOUS PEOPLES WAS COVERED IN THE REGIONAL HISTORIOGRAPHY

Гореликов Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681003, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей 15-71; 8(4212)53-14-37. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Mr. Andrei I Gorelikov – PhD in History, Assistant Professor at the Department of Historical and Archival Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Khabarovsk Region (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681035, Russia, Khabarovsk's region, Komsomolsk-on-Amur, 15-71, Pervostroiteley Pr; 8(4212)53-14-37. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Аннотация. В статье на основе отечественной историографии проводится анализ реализации государственной национальной политики в отношении коренных народов Дальнего Востока советского периода.

Summary. On the basis of available national historiography sources, the paper examines implementation of the state national policy on indigenous peoples of the Far East during the soviet period.

Ключевые слова: государство, национальная политика, коренные народы, историография.

Key words: state, national policies, indigenous peoples, historiography.

УДК 94:39(571.6)

Тема истории реализации государственной национальной политики в отношении коренных малочисленных народов советского периода продолжает оставаться актуальной проблемой научной мысли и общественной дискуссии. Разработка концепции развития данных народов в условиях модернизируемой России XXI в. придает особую актуальность задаче комплексного изучения проблемы.

Одной из характерных тенденций в исторической науке последних лет стало значительное повышение интереса исследователей к опыту реализации национальной политики советским государством на переходных этапах коренных народов от традиционного к индустриальному обществу. Очевидно, что распад СССР, глубокое реформирование сегодняшней Российской Федерации актуализировали многие аспекты национальной политики, обусловив востребованность исторического опыта взаимоотношений власти и малочисленных народов. В этом направлении, по мнению Л. И. Галлямовой, прослеживается тесная связь с общемировыми тенденциями, поскольку глобальные последствия распада империй и крупных государств в XX в. заставили под новым углом зрения посмотреть на проблемы государства, поставить вопрос о наиболее оптимальных формах государственного устройства, национальной и региональной политики [15, 8].

Гореликов А. И. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОСВЕЩЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКИМ ГОСУ-ДАРСТВОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ НАРО-ДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИСТО-РИОГРАФИИ

Последние десятилетия российских реформ демонстрируют интенсивный поиск стратегии развития малочисленных народов в условиях рыночной экономики. Основы концепции национально-правовой политики в отношении этих народов в начале XXI в. рассматривались в Совете Федерации «Основные направления социально-экономической политики развития Севера России и их правовое обеспечение», проведены парламентские слушания Федерального закона «Об основах государственной политики РФ в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», конференция в Российской академии государственной службы при Президенте РФ на тему «Русский Север в системе геополитических интересов России» и т.д.

Практический опыт решения Советским государством политических, экономических, социокультурных задач по вовлечению малочисленных народов в социалистическое строительство, безусловно, остается предметом осмысления в историческом познании.

В формировании дальневосточной историографии исследуемой проблемы выделяются два основных периода: советский – 1920 – 1980-е гг. и современный – 1990-е гг. по настоящее время. Учитывая обширность темы, в данной статье ставится задача проанализировать самые заметные публикации, выделить наиболее характерные тенденции проблематики и методологии рассматриваемой темы.

Исторический подход к разработке истории реализации государственной национальной политики в отношении коренных малочисленных народов был тесно связан с фундаментальными проблемами строительства социализма, в ходе которого решалась задача преодоления отсталости окраинных народов. Исключительно важное теоретико-методологическое значение имел ленинский тезис об «интернационализации хозяйственной, политической и духовной жизни при социализме» [24, 318]. На его основе формировалась объяснительная целостная концепция «некапиталистического пути развития отсталых народов».

Ведущей тенденцией отечественной историографии советского периода, по справедливому замечанию основателя отечественной школы научной истории академика И. Д. Ковальченко, являлось полное проникновение марксистской методологии в историческую науку [19, 4].

Усилия авторов первых исследовательских публикаций (А. Е. Скачко, П. Г. Смидович, К. Я. Лукс, Е. Д. Кантор, В. Г. Богораз-Тан и др.) были направлены на осмысление и показ переустройства традиционного образа жизни коренных народов [7; 18; 25; 30; 31; 32]. Обобщенный исторический опыт первых десятилетий реализации национальной политики конкретизирует знания об особенностях перехода коренных народов от традиционного к индустриальному обществу. Особенно актуальным в свете современности является высказанное предположение А. Е. Скачко о необходимости установления тесной связи научно-исследовательской работы с проводимыми административными мероприятиями для решения экономических и общественно-политических задач, непосредственная и живая связь науки с практикой [31, 7-8]. В данной работе впервые в отечественной историографии был сформулирован один из важнейших принципов национальной политики о необходимости согласования интересов аборигенных народов с интересами промышленных предприятий относительно эксплуатации естественных богатств в местах проживания аборигенного населения [31, 17].

Либерализация общественно-политической жизни страны второй половины 1950-х – 1980-е гг. создала благоприятные перспективы для исследования этнической проблематики. Подлинному повороту к целенаправленной систематической работе по изучению исторического развития коренных малочисленных народов послужило создание в 1954 г. в составе Дальневосточного филиала СО АН СССР Отдела истории и археологии, реорганизованного в 1971 г. в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Дальнейшая научная разработка проблемы связана со становлением региональной исторической школы, хронологически совпавшей с распространением «теории развитого социализма» и усилением политических установок по ее внедрению в исторические разработки [13, 14].

С различной степенью полноты в трудах М. А. Сергеева, В. Г. Балицкого, В. А. Зибарева, М. Е. Бударина, А. В. Смоляк, В. Н. Увачан, В. И. Бойко, Б. М. Русугбу и других получила освещение реализация национальной политики в отношении малочисленных народов Дальнего Востока [4; 8; 9; 11; 17; 28; 29; 33; 36].

В формировании отечественной историографии национальной государственной политики в отношении малочисленных народов немаловажный интерес представляет проведенный З. П. Соколовой анализ постановлений партии и правительства по осуществлению национальной политики в отношении малочисленных этносов 1935-1968 гг. [34]. Национальную политику в отношении коренных народов Севера З. П. Соколова предлагала рассматривать, прежде всего, как историко-партийную. Изучение решений партии и правительства, подчеркивает автор, показывает такую сторону деятельности партии как фактическое проведение национальной политики в жизнь, как повседневную работу по обеспечению всестороннего развития народов Севера [34, 66]. Сущность государственной политики патернализма, по мнению З. П. Соколовой, отражается в специальных решениях партии и правительства, которые можно условно разделить на три группы: 1) решения общего характера, затрагивающие комплекс проблем по всему Крайнему Северу; 2) решения по отдельным вопросам (развитие охотничьего хозяйства, рыболовства, оленеводства); 3) решения, направленные на оказание помощи в развитии хозяйства и культуры отдельных регионов [34, 67-68].

На рубеже XX – XXI вв. в отечественной историографии произошла смена теоретико-методологических ориентиров. Не отрицая достижений советской историографии, дальневосточные исследователи развивают малоизученные направления государственного строительства, особенности реализации национальной политики. В контексте исследуемой проблемы представляют интерес монографии А. С. Ващук, С. В. Бобышева, В. И. Куприяновой, А. Ф. Старцева и других, в которых авторы рассматривают национальную политику в отношении коренных малочисленных народов как связующее звено между задачами хозяйственного освоения территорий проживания малочисленных народов и изменений их социальной структуры, общественно-политических, экономических и культурных преобразований [6; 14; 23; 35].

Новым явлением в региональной историографии последних лет стало обращение исследователей к опыту реализации национальной политики советским государством. Исследовательский интерес к истории национальной политики советского периода в отношении коренных малочисленных народов реализован в ряде диссертационных работ: О. В. Барзак-ковской, А. И. Гореликова, Т. А. Колпаковой, А. В. Ахметовой, Н. А. Месштыб [3; 5; 16; 20; 26]. Авторами данных исследований рассматривается государственная национальная политика на различных исторических этапах в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока, реконструируется целостная картина жизнедеятельности народностей, позволяющая анализировать направленность и сущность модернизационных трансформаций перехода коренных народов от традиционного к индустриальному обществу.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на стабильность научного интереса к отдельным этапам реализации национальной политики, не решены задачи целостного анализа проблемы 1917 – 1991 гг. Обращаясь к изучению этого периода, исследователи ограничиваются либо обнародованием документов, в течение долгого времени недоступных для изучения, либо переосмыслением и новой интерпретацией известных фактов, сосредоточивают свое внимание на практических вопросах.

Отмечена тенденция сближения позиций историков и правоведов в разработке актуальных аспектов правового обеспечения реализации государственной национальной политики в отношении коренных народов. В этом русле осуществлены исследования В. Г. Абдулатипова, С. П. Быстрицкого, Н. Б. Вахтина, Ю. Д. Петрова, В. А. Кряжкова и др. [1; 2; 10; 12; 22; 27]. В частности, В. А. Кряжков рассмотрел различные модели самоуправления, принял попытку обоснования концепции многовариантного развития коренных народов в рыночной экономике [21].

Гореликов А. И. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОСВЕЩЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКИМ ГОСУ-ДАРСТВОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ НАРО-ДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИСТО-РИОГРАФИИ

В целом анализ историографии темы показывает, что история реализации государственной национальной политики в отношении малочисленных народов советского периода принадлежит к числу важнейших направлений исторической науки. В многочисленных трудах исследователей, посвященных историческому развитию коренных народов Дальнего Востока, так или иначе, затрагиваются отдельные аспекты проблемы. Проведенное автором исследование подтверждает, что изучение проблемы в основном развивается в русле актуальных тенденций российской историографии. В рамках общей смены приоритетов обозначился переход к переосмыслению и освещению сложного и неоднозначного периода перехода коренных народов от традиционного к индустриальному обществу. Реализация национальной политики в отношении коренных народов в советский период радикально изменила жизнеустройство традиционных обществ. Эти процессы отразили институциональные, социально-экономические, политические, культурные и правовые перемены, обеспечивались государством административными и юридическими регуляторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулатипов, Р. Г. Национальная политика Российской Федерации: от концепции к реализации / Р. Г. Абдулатипов, В. А. Михайлов, А. А. Чичановский. – М.: Славянский диалог, 1997. – 111 с.
2. Абдулатипов, Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России / Р. Г. Абдулатипов. – М.: Славянский диалог, 2000. – 656 с.
3. Ахметова, А. В. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1960 – 1980-е гг.) : автореф. на соискание ученой степени канд. истор. наук / Ахметова Анна Валинуровна. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2006. – 26 с.
4. Балицкий, В. Г. От патриархально-общинного строя к социализму / В. Г. Балицкий. – М.: Мысль, 1969. – 222 с.
5. Барзаковская, О. В. Политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Приамурья, Приморья и Северного Сахалина (ноябрь 1922 – конец 1930-х гг.) : автореф. на соискание ученой степени канд. истор. наук / Барзаковская Олеся Владимировна. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2005. – 28 с.
6. Бобышев, С. В. Комитеты Севера Восточной Сибири и Дальнего Востока / С. В. Бобышев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 176 с.
7. Богораз-Тан, В. Г. Религия как тормоз социалистического строительства среди малых народов Севера / В. Г. Богораз-Тан // Советский Север. – 1932. – № 1. – С. 5-13.
8. Бойко, В. И. Социальное развитие народов Нижнего Амура / В. И. Бойко. – Новосибирск: Наука, 1977. – 297 с.
9. Бойко, В. И. Социально-экономическое развитие народностей Севера: Программа координации исследования / В. И. Бойко. – Новосибирск: Наука, 1988. – 318 с.
10. Быстрицкий, С. П. Традиционное природопользование на Нижнем Амуре / С. П. Быстрицкий. – Хабаровск: Приамурское географическое общество, 2001. – 138 с.
11. Бударин, М. Е. Путь малых народов крайнего Севера к коммунизму / М. Е. Бударин. – Омск: Западно-сибирское кн. изд-во, 1968. – 476 с.
12. Вахтин, Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации / Н. Б. Вахтин. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1993. – 95 с.
13. Вашук, А. С. История Дальнего Востока в советский период: концепции 60 – 90-х гг. XX в. / А. С. Вашук // Вестник ДВО РАН. – 1996. – № 2. – С. 12-17.
14. Вашук, А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х гг. XX в.) / А. С. Вашук. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 212 с.
15. Галлямова, Л. И. Изучение истории российского Дальнего Востока второй половины 19 – начала XX в. на современном этапе / Л. И. Галлямова // История Дальнего Востока России (вторая половина 19 – XX в.) в освещении отечественной и зарубежной историографии. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 7-29.
16. Гореликов, А. И. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока в условиях советской модернизации 1930-х гг.: автореф. на соискание ученой степени канд. истор. наук / Гореликов Андрей Иванович. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2004. – 25 с.

17. Зибарев, В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917 – 1932 гг.) / В. А. Зибарев. – Томск: Томский ун-т, 1968. – 334 с.
18. Кантор, Е. Д. Проблемы оседания малых народов / Е. Д. Кантор // Советский Север. – 1931. – № 5. – С. 12-17.
19. Ковальченко, И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах / И. Д. Ковальченко // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1. – С. 3-33.
20. Колпакова, Т. А. Политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1945 – 1960-е гг.) : автореф. на соискание ученой степени канд. истор. наук / Колпакова Татьяна Александровна. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2006. – 24 с.
21. Кряжков, В. А. Правовые основы развития народов Севера / В. А. Кряжков // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: независимый экспертный доклад. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – С. 124-131.
22. Кряжков, В. А. Статус коренных малочисленных народов России. Правовые акты / В. А. Кряжков. – М.: Юридическая литература, 2002. – 911 с.
23. Куприянова, В. И. Управление национальными отношениями / В. И. Куприянова. – Хабаровск: ДВАГС, 2003. – 200 с.
24. Ленин, В. И. Тезисы по национальному вопросу: в 55 т. Т. 23 / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1969. – С. 314-322.
25. Лукс, К. Я. Проблемы создания письменности у туземных народов Севера / К. Я. Лукс // Советский Север. – 1930. – № 1. – С. 24-33.
26. Месштыб, Н. А. Народы Нижнего Амура: социальные, экономические и культурные трансформации в постсоветский период : автореф. на соискание ученой степени канд. истор. наук / Месштыб Нина Александровна. – М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 2008. – 28 с.
27. Петров, Ю. Д. Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная практика / Ю. Д. Петров. – М.: Академия, 1998. – 192 с.
28. Русугбу, Б. М. Малые народности Приамурья в 1959 – 1965 гг. / Б. М. Русугбу. – Хабаровск: Книжное изд-во, 1976. – 222 с.
29. Сергеев, М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера / М. А. Сергеев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 571 с.
30. Скачко, А. Е. Десять лет работы Комитета Севера / А. Е. Скачко // Советский Север. – 1934. – № 2. – С. 54-57.
31. Скачко, А. Е. Пять лет работы Комитета Севера / А. Е. Скачко // Советский Север. – 1930. – № 1. – С. 5-37.
32. Смидович, П. Г. Работа комитета Севера и его перспективы / П. Г. Смидович // Советская Азия. – 1926. – № 3. – С. 28-33.
33. Смоляк, А. В. Основные пути развития экономики, культуры и быта за годы советской власти у народов бассейна Нижнего Амура и Сахалина / А. В. Смоляк // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. – М.: Наука, 1971. – С. 314-341.
34. Соколова, З. П. Постановления партии и правительства о развитии хозяйства и культуры народов крайнего Севера (юридические акты 1935 – 1968 гг.) / З. П. Соколова // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. – М.: Наука, 1971. – С. 66-116.
35. Старцев, А. Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.) / А. Ф. Старцев. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 444 с.
36. Увачан, В. Н. Путь народов Севера к социализму / В. Н. Увачан. – М.: Мысль, 1971. – 391 с.

Гринкруг Л. С., Василенко В. С., Буховцева О. В.
L. S. Grinkrug, V. S. Vasilenko, O. V. Buhovtseva

РОЛЬ КУРАТОРА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВУЗА И РАБОТОДАТЕЛЕЙ¹

THE ROLE OF A CURATOR IN THE INTERACTION OF A UNIVERSITY AND EMPLOYERS²

Гринкруг Лев Соломонович – кандидат технических наук, доцент, ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия» (Россия, Биробиджан). E-mail: rectorat@dvgsu.ru.
Mr. Lev S. Grinkrug – Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Rector of the Far Eastern State Academy for Humanities and Social Studies” (Russia, Birobidzhan). E-mail: rectorat@dvgsu.ru.

Василенко Валентина Сергеевна – научный сотрудник лаборатории моделирования системы взаимодействия вуза с внешней средой научно-образовательного Центра исследований и инноваций федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия» (Россия, Биробиджан). E-mail: vvs.jar@mail.ru.
Ms. Valentina S. Vasilenko – researcher, Laboratory of Modeling of the Interaction between the University and Environment, Center for Research and Innovation, the Far Eastern State Academy for Humanities and Social Studies (Russia, Birobidzhan). E-mail: vvs.jar@mail.ru.

Буховцева Ольга Васильевна – аспирант кафедры педагогики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия» (Россия, Биробиджан). E-mail: Luxurygrase@mail.ru.
Ms. Olga V. Buhovtseva – PhD Candidate, Department of Education, the Far Eastern State Academy for Humanities and Social Studies (Russia, Birobidzhan). E-mail: Luxurygrase@mail.ru.

Аннотация. В статье представлен обзор проблем, связанных с организацией взаимодействия вуза и работодателей. Описана роль куратора в организации такого взаимодействия, оценена результативность участия кураторов в реализации взаимодействия вуза и работодателей для эффективной социализации студентов и их успешного трудоустройства.

Summary. The paper reviews a range of problems associated with the organization of interaction of a university and employers. The role of a university's curator in the management of this interaction is described, the impact of the curators' participation upon the implementation of the interaction of a university and the employers for effective socialization of students and their successful employment is estimated.

¹ Работа подготовлена в рамках реализации проекта № 3.2.1/10880 «Разработка инновационной модели государственно-общественной системы управления взаимодействием вуза с внешней средой» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 гг.)».

² The paper is part of the project № 3.2.1/10880 «Development of an Innovative Model of State and Public System of Management of External Relations of a Higher Education Institution» of the analytical departmental special-purpose program titled «Development of the Scientific Capacity of the Higher Education System (years 2009-2011)».

Ключевые слова: внутренняя среда, вуз, куратор, работодатель, социализация, профессионализация, специалист, студент, трудоустройство.

Key words: internal environment, university, curator, employer, socialization, professionalizing, professional, student, employment.

УДК 37.014

Каждая сознательная личность стремится к тому, чтобы обеспечить себе достойное будущее. В начале жизненного пути человека эту миссию выполняют его родители. По мере взросления она переходит непосредственно в руки развивающегося индивида. Уже при поступлении в вуз абитуриент, осознавая или не осознавая ответственность за свое дальнейшее существование, начинает самостоятельно выстраивать индивидуальную линию жизни. От начинающего студента зависит, станет ли он компетентным специалистом, который после окончания вуза сможет найти достойную, интересную и высокооплачиваемую работу. Это достижение отчасти обеспечивается выполнением следующих предпосылок:

- как студент вольется в новый студенческий коллектив;
- как его воспримут преподаватели;
- какими будут его достижения за время обучения в вузе;
- с каким набором сформированных компетенций он покинет стены вуза.

Все это включено в один длительный и сложный процесс социализации – активное воспроизводство индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду [1, 265]. Важная роль в процессе социализации студента принадлежит людям, сопровождающим образовательный процесс:

1) работникам вуза:

- преподавателям, организующим учебную деятельность студентов;
- сотрудникам, организующим воспитательную деятельность в вузе на протяжении всего процесса обучения;
- кураторам, сопровождающим студентов во время обучения, в том числе на самом сложном – первом – курсе;

2) работодателям, участвующим в ознакомлении студентов с особенностями их предстоящей профессиональной деятельности, формировании необходимых профессиональных компетенций во время прохождения производственной практики, а также содействующим дальнейшему трудоустройству молодых специалистов.

В идеале, в стенах вуза осуществляется целенаправленное обучение и воспитание студента, то есть происходит социально контролируемая социализация [6, 24]. Вуз и внешняя среда выступают в качестве факторов социализации студентов, обеспечивая возвращение профессионально мобильных специалистов, обладающих качественной профессиональной подготовкой.

Зачастую одно или сразу несколько звеньев выпадают из единой цепи, что отмечают многие авторы.

1) Недостаточность вклада вуза в социализацию студентов.

Слабый вклад преподавателей и служб вузов в социализацию студентов отмечают многие исследователи. Так, Т.А. Соколова указывает на то, что преподаватель обычно не в состоянии охватить весь процесс формирования профессиональных, нравственных качеств студентов [10, 69]. Е. Бойчук замечает, что в демократических странах воспитание студентов не является отдельной, важной задачей руководства и коллективов высших учебных заведений [2, 173].

Кураторы вузов, в свою очередь, должны выполнять очень важную функцию – они являются посредниками между администрацией вуза и студентами, между работодателями и вузом, между студентами и работодателями [5, 280]. Фактически, кураторам отводится наи-

более значительная роль в личностном становлении, воспитании и развитии будущего специалиста. Несмотря на это, существуют огромные недопустимые пробелы в их деятельности: на сегодняшний день кураторство во многих российских вузах носит формальный характер, в литературе отсутствует полная концепция эффективного взаимодействия куратора со студентами, на практике преобладает слабое влияние куратора на профессионально-личностное развитие будущих специалистов. О.А. Нестерова обращает внимание на то, что в деятельности кураторов академических групп существует ряд противоречий, среди которых – формальное наличие кураторов и слабое владение ими спецификой кураторской деятельности, ее особенностями, целями, задачами, а также содержанием и формами работы со студентами, направленными на их профессиональное становление и развитие [7, 56]. И.А. Ильева, Т.А. Леонченко считают, что в настоящее время «отсутствуют ... теоретические и практические разработки оптимального вхождения в социум молодежи под воздействием кураторов» [5, 280].

2) Недостаточность вклада работодателей в социализацию студентов.

В настоящее время работодатели не принимают активного участия в формировании мотивации студентов к будущей профессии, в развитии их профессиональных компетенций: отсутствует налаженная система управления взаимодействием работодателей и вуза, способствующая социализации студентов, отсутствует согласованность между потребностями рынка профессионального труда и возможностями высших учебных заведений, в части подготовки кадров, что, несомненно, оказывает негативное влияние на эффективность вхождения личности в новую социальную среду, на качество подготовки студентов к профессиональной деятельности.

Опыт зарубежных стран (в первую очередь – Европы) показывает, что налаживание социального партнерства между учреждениями профессионального образования и работодателями – дело крайне сложное. Профессиональное образование не может эффективно развиваться, будучи в изоляции от тех структур, для которых оно готовит специалистов. Р.Н. Федосова и В.А. Юрга обращают внимание на то, что в настоящее время отсутствует необходимая взаимосвязь в цепочке: государство – высшая школа – работодатели и, как следствие, недостаточен уровень профессиональной подготовки выпускников; зачастую имеет место смена в процессе реальной трудовой деятельности специальности, полученной в вузе [12, 87].

В.А. Русановский, А.В. Якунина отмечают, что большинство организаций сегодня не рассчитывают, что полученное в вузе образование позволит молодому специалисту незамедлительно включиться в работу. Выпускник вуза воспринимается сегодня скорее как исходный материал для подготовки полноценного специалиста, при этом объем базовых знаний, полученных выпускниками, как правило, не вызывает особых нареканий [9, 44]. Это подтверждается результатами социологического опроса 2000 студентов Уральского государственного университета, проведенного Е.Е. Федоровой в 2007 г.: подавляющее большинство студентов (84,6 – 89,3 %) находятся на среднем уровне сформированности профессиональной компетентности; низкий уровень диагностирован у 13 студентов (10,7 – 14,8 %) в каждой группе; высокий уровень компетентности выявлен менее чем у 1 % студентов [11, 71].

Позитивным примером активного взаимодействия вузов с внешней средой в советское время являлось тесное сотрудничество вузов с предприятиями промышленности, широкое участие последних в практической подготовке студентов, в проведении совместных научных исследований [3, 33]. И сейчас для молодых специалистов, еще в период обучения, должны быть предусмотрены варианты эффективного применения формируемых в вузе профессиональных компетенций, но, к сожалению, в настоящее время такие возможности практически отсутствуют. Порой сами работодатели формально относятся к выполнению возложенных на них функций. Приходя на практику, студенты подчас с трудом «выуживают» из организации информацию для написания отчета по практике [9, 45]. Т.И. Власова и Н.Г. Попов указывают на то, что в России на сегодняшний день не сформирована культура общения между работодателями и работниками образования.

Налаживание системного взаимодействия работодателей и вуза позволит привлечь к реализации образовательных задач интеллектуальные, организационные, материальные ресурсы предприятий, тем самым повышая качество подготовки специалистов, их конкурентоспособность на рынке труда.

Немаловажная роль в организации взаимодействия вуза с работодателями может принадлежать кураторам вуза, при условии реализации ими в своей деятельности следующих принципиальных подходов:

- встречи кураторов с первокурсниками необходимо проводить регулярно, причем не только в промежутках между занятиями и при подготовке и участии в различных мероприятиях, но и еженедельно – в специально отведенное для кураторских часов время;

- встречи должны быть содержательными – тематическими, то есть, помимо обсуждения посещаемости и успеваемости студентов, необходимо во время каждой встречи передавать те знания, которые им пригодятся во время обучения в вузе (например, это могут быть встречи, посвященные изучению правил внутреннего распорядка вуза, прав и обязанностей студентов и т.д.);

- необходимо создавать среду, способствующую профессионализации студентов. В качестве одного из эффективных способов подготовки студента к его будущей профессиональной деятельности может быть названо регулярное проведение тестов на самопознание (например: «Решительный ли Вы?», «Лень раньше нас родилась», «Умеете ли Вы быть счастливым?», «Вы сама доброта» и др.);

- наличие кураторских часов – хорошая возможность сформировать у студентов навыки работы в коллективе, становления межличностных взаимодействий с помощью специальных игр и упражнений, которые куратор может проводить как самостоятельно, так и совместно с психологом (к таким упражнениям могут быть отнесены «Имена прилагательные», «Откровенный рассказ о себе», «Коллективный рисунок», «Найди похожих», «Сто вопросов сокурснику» и др.);

- необходимо регулярное проведение диагностических исследований для выявления личностных особенностей первокурсников, их мотивации, стремлений, интересов и увлечений (диагностика принятия других по шкале Фейя, методика изучения мотивов учебной деятельности А.А. Реана, В.А. Якунина, методика диагностики самооценки Ч.Д. Спилбергера, диагностика социальной эмпатии Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова и др.). Важно увидеть то положительное, что есть в личности каждого студента, содействовать их самоутверждению, создавая благоприятные условия для развития способностей, положительных качеств и мотивации молодых людей. Кроме того, кураторам необходимо уметь правильно оценивать уровень развития студенческих групп, чтобы применять адекватные методы и приемы воспитательной работы со студентами;

- эффективной формой работы кураторов с группами является просмотр и обсуждение фильмов на определенную тему (ответственное отношение к учебе, самооценка и ее влияние на индивидуальный процесс обучения, мотивы выбора профессии, самоидентификация в юности и др.);

- совместный поиск решений потенциальных проблем в студенческой среде, организуемый на кураторских часах, может помочь молодым людям обрести опыт поведения в стандартных и нестандартных ситуациях (это может быть рассмотрение проблем, связанных с отношениями в студенческой группе, с проживанием в общежитии, с подготовкой к семинарским занятиям и др.). Необходимо сформировать у студентов навыки самостоятельного поиска выхода из трудных ситуаций;

- деятельность кураторов должна быть нацелена на обеспечение успешности будущей трудовой деятельности студентов. Этому могут способствовать регулярное проведение профессионально-ориентированных дискуссий («Как стать профессионалом?», «Что я знаю о

своей профессии?» и др.), участие в организации и проведении регулярных встреч студентов с работодателями и т.п.

Для качественной подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности недостаточно проводить работу в данном направлении только на первом курсе. Это связано с тем, что в начале обучения студенты, как правило, осваивают лишь основы выбранной профессии, а все необходимые профессиональные компетенции должны быть сформированы на старших курсах, под руководством опытных кураторов-наставников (менторов – опытных и уважаемых наставников, руководителей) [4, 81]. Особенности работы кураторов-наставников рассматривали Л.В. Волосович [4], Г.М. Рудакова [8], но в целом особенности работы кураторов в данном направлении слабо представлены в современной литературе.

К основным функциям менторов могут быть отнесены:

- оказание студентам помощи в овладении специальностью;
- содействие их профессиональному становлению;
- помощь в дальнейшем трудоустройстве посредством взаимодействия с работодателями региона.

Выбор кураторов-наставников не должен быть случайным, необходимо серьезно подходить к решению данного вопроса, отбирая из числа профессорско-преподавательского состава компетентных докторов и опытных кандидатов наук для эффективной профессионально-направленной работы со студентами.

К кураторам-наставникам могут прикрепляться студенты старших курсов, а также студенты магистратуры. Наставническая деятельность предполагает организацию кураторами регулярных встреч студентов с ведущими представителями тех предприятий, в которых они могли бы работать после окончания вуза. Встречи могут проводиться как в стенах высшего учебного заведения, так и на территории соответствующего учреждения в форме бесед, дебатов, различных мероприятий, способствующих профессиональной ориентации студентов. Менторы должны принимать активное участие во взаимодействии вуза с работодателями посредством организации прохождения студентами старших курсов обучения практики, которая должна позволить студентам больше узнать об особенностях их предстоящей профессиональной деятельности, способствовать формированию положительной мотивации для дальнейшего обучения. В свою очередь представители организаций будут иметь возможность оценить потенциал будущих выпускников.

Существуют и другие эффективные формы организации кураторами-наставниками взаимодействия вуза с работодателями:

- проведение среди студентов старших курсов конкурсов с участием в качестве членов оценочной комиссии работодателей. Критериями победы может быть уровень сформированности профессиональных компетенций будущих специалистов. Участие в конкурсах создает возможность для студентов продемонстрировать свои знания и навыки в решении конкретных практических проблем;
- организация конференций и семинаров с ведущими специалистами предприятий и организаций с привлечением студентов всех курсов обучения и т.п.

Частично принцип работы кураторов-наставников нашел свое применение при переходе на двухуровневую систему образования. Руководители магистратур нацеливают магистрантов на активную учебную и научную деятельность, организуют встречи с потенциальными работодателями, оказывают всестороннюю поддержку формирования профессиональных компетенций студентов магистратуры, а также способствуют их дальнейшему трудоустройству.

Качественно организованная кураторская деятельность в вузе должна способствовать повышению эффективности взаимодействия работодателей со студентами:

- студенты, благодаря успешному развитию мотивации к профессиональной деятельности, будут стремиться формировать свои общекультурные и профессиональные компетенции в полном объеме;

– работодатели будут готовить для себя высококвалифицированные кадры, ориентированные на особенности работы на конкретном предприятии, обладающие не только необходимыми знаниями, но и опытом, полученным в ходе прохождения студентами различных видов практик.

Трудоустроившись после получения диплома, молодые специалисты не будут тратить время на длительную адаптацию к особенностям работы, к новому коллективу, а сразу смогут приступить к выполнению своих профессиональных обязанностей. Таким образом, в процессе обучения в вузе, молодые люди должны стать профессионалами, личностями с высокими культурными, гражданскими и нравственными качествами. Этим требованиям всегда стремилось соответствовать российское образование [10, 89].

Невозможно продуктивно выстроить образовательную деятельность вуза без его интеграции с внешней средой, без многоаспектного взаимодействия вуза с работодателями, так как внешняя среда оказывает огромное влияние на образовательный процесс в вузе. Системное взаимодействие вуза и работодателей является необходимым элементом жизнедеятельности высшего учебного заведения, обеспечения его функционирования и развития. При активизации трех сил: вуза, работодателей и непосредственных потребителей услуг вуза, будут созданы все условия для успешной социализации выпускников, которые станут активными субъектами на рынке профессионального труда, способными сделать правильный выбор маршрута собственной профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Г. М. Социальная психология: учеб. для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 363 с.
2. Бойчук, Е. Мы и Европа – различие подходов к воспитанию молодежи / Е. Бойчук // Народное образование. – 2003. – № 9 (№ 1332). – С. 172-176.
3. Власова, Т. И. Взаимодействие туристского вуза с работодателями как важнейшее условие обеспечения качества образования и трудоустройства выпускников / Т. И. Власова, Н. Г. Попов // Сервис в России и за рубежом. – 2008. – № 2. – С. 31-40.
4. Волосович, Л. В. Роль института «наставников» в организации практики студентов педагогических колледжей Канады / Л. В. Волосович // Среднее профессиональное образование. – 2008. – № 5. – С. 81-82.
5. Ильяева, И. А. Социологическая интерпретация подходов к обучению работе куратора студенческой группы / И. А. Ильяева, Т. А. Леонченко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 12. – С. 279-283.
6. Мудрик, А. В. Социализация человека: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / А. В. Мудрик. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 304 с.
7. Нестерова, О. А. Технология деятельности куратора академической группы / О. А. Нестерова // Среднее профессиональное образование. – 2009. – № 3. – С. 56-59.
8. Рудакова, Г. М. Технология подготовки магистрантов к научной и педагогической деятельности. итоги тринадцати лет / Г. М. Рудакова // Наука и образование: электронное научно-техническое издание. – 2010. – № 10. – С. 1-7.
9. Русановский, В. А. Построение эффективной системы высшего образования: опыт Бельгии и целесообразность его использования в России / В. А. Русановский, А. В. Якунина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – № 1. – С. 43-48.
10. Соколова, Т. А. Роль куратора академической группы в формировании личности студента / Т. А. Соколова // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. – 2007. – № 1. – С. 69-72.
11. Федорова, Е. Е. Проблемы адаптации студентов к профессиональной деятельности в вузе / Е. Е. Федорова // Педагогика. – 2007. – № 3. – С. 71-76.
12. Федосова, Р. Н. Модель взаимодействия государства, вузов и работодателей при подготовке современных специалистов / Р. Н. Федосова, В. А. Юрга // Вестник Финансовой академии. – 2006. – № 1-2. – С. 87-92.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ**

**PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF A SYSTEM OF FURTHER EDUCATION
WITHIN AN EDUCATIONAL INSTITUTION**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8(4217)53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor in Education, Professor, Provost for Educational Work at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; 8(4217)53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8(4217)27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor at the Department of Education Studies and Professional Education Psychology at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 48/1 Vokzalnaya Street, ap. 21, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; 8(4217)27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Аннотация. В статье представлен анализ педагогических исследований, посвященных осмыслению особенностей функционирования дополнительного образования в условиях образовательного учреждения; раскрыты цели и задачи; выделены традиционные и современные социальные функции дополнительного образования. Взаимодействие дополнительного и основного образования рассматривается в качестве необходимого условия развития ключевых компетентностей обучающихся.

Summary. The paper presents a review of pedagogical research devoted to the comprehension of peculiarities of functioning of further education within an educational institution; goals and objectives are disclosed; traditional and modern social functions of further education are highlighted. The interaction between further and the basic higher education is considered as a necessary precondition for the development of key competences in students.

Ключевые слова: образование, дополнительное образование, система образования, ключевые компетентности, социальная компетентность, коммуникативная компетентность.

Key words: education, further education, educational system, key competences, social competence, communicative competence.

УДК 159.5 (07)

Современные педагоги определяют назначение образовательного учреждения как социального института, в котором каждый обучающийся должен раскрыться как уникальная, неповторимая индивидуальность. Это адаптивное многопрофильное учреждение, в котором через организацию единой для всех, но разнородной образовательной среды создаются усло-

вия для внутренней дифференциации каждого учащегося на основе изучения его личностных проявлений; определения внутренней образовательной траектории, способствующей проявлению познавательных интересов и потребностей, лично значимых ценностей и жизненных установок. Как показывают исследования, современное образовательное учреждение может выполнить свою миссию только совместно с системой дополнительного образования, являющегося полноправным партнером основного образования, частью общей системы образования.

В контексте нашего исследования это положение усиливается тем, что дополнительное образование обладает особым потенциалом в развитии социальной и коммуникативной компетентностей личности. Смысл дополнительного образования состоит в расширении социально-коммуникативного пространства обучающегося за счет его добровольного вхождения в соответствующие сферы деятельности и развития на этой основе социальной и коммуникативной компетентности. Поэтому функционирование на базе образовательного учреждения системы дополнительного образования может рассматриваться в качестве необходимого условия развития ключевых компетентностей обучающихся.

Практика показывает, что дополнительное образование в пространстве общеобразовательного учреждения не может существовать изолированно. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения форм взаимодействия основного и дополнительного образования.

В педагогической теории представлен опыт сотрудничества в воспитательной работе школ и учреждений дополнительного образования. Примерный перечень форм такого взаимодействия приводит В.А. Караковский:

- “привлечение педагогов школ к работе учреждений дополнительного образования (руководителями детских объединений, методистами, консультантами, а также в качестве участников конференций, смотров, конкурсов и т.д.);
- привлечение педагогов дополнительного образования к воспитательной работе школ (в качестве инструкторов, руководителей различных программ и т.д.);
- создание совместных детских объединений определенной профильной направленности;
- организация на базе школ филиалов учреждений дополнительного образования;
- подготовка и проведение массовых мероприятий; совместное участие детей и взрослых в праздновании знаменательных дат и событий (День города, Праздник двора (улицы), Неделя памяти, посвященная Дню Победы; фестивали детского творчества; народные гулянья в национальные праздники; спортивные эстафеты, туристско-краеведческие слеты и т.д.);
- проведение летних походов, экспедиций, создание лагерей труда и отдыха, профильных лагерей;
- совместная экспериментальная работа по конкретным проблемам воспитания, образования;
- подготовка методических пособий, составление совместных семинаров, курсов по подготовке педагогов-воспитателей, повышению педагогического мастерства;
- совместные общественно полезные дела по улучшению окружающей жизни (города, района, улицы...)” [цит. по 3, 17].

Этот опыт может быть перенесен и на другие образовательные учреждения, например, осуществляющие профессиональную подготовку учащихся.

В настоящее время, в связи с очередным проектом реформирования образования - переходом школы на 12-летнее обучение и принятием Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования – возникла новая волна обсуждения содержания и структуры дополнительного образования в общеобразовательном учреждении.

Анализ педагогической литературы, диссертационных исследований и опыта передовых школ России позволил исследователю Т.И. Черноусенко утверждать, что дополнитель-

ное образование в образовательном учреждении представляет собой совершенно иное явление, нежели традиционная внеклассная и внешкольная деятельность. Долгое время наряду с системой основного образования существовали кружки, секции, факультативы, набор воспитательных мероприятий, работа которых, как правило, никак не связывалась друг с другом. В настоящее время появилась возможность выстроить целостное образовательное пространство [4, 59]. Эта идея базируется на том, что особенности школьного дополнительного образования во многом похожи с характеристиками деятельности учреждений дополнительного образования детей, но существует и ряд отличительных черт:

- создание широкого общекультурного и эмоционально-окрашенного фона для позитивного восприятия ценностей основного образования и более успешного освоения его содержания;
- осуществление «ненавязчивого» воспитания, благодаря включению детей в лично-ностно значимые творческие виды деятельности, в процессе которых происходит «незаметное» формирование нравственных, духовных, культурных ориентиров подрастающего поколения;
- ориентация школьников, проявляющих особый интерес к тем или иным видам деятельности (художественной, технической, спортивной и др.), на реализацию своих способностей в учреждениях дополнительного образования детей;
- компенсация отсутствия в основном образовании тех или иных курсов, которые необходимы школьникам для определения индивидуального образовательного пути, конкретизации жизненных и профессиональных планов, формирования важных личностных качеств [там же, 60].

Таким образом, в общеобразовательном учреждении дополнительное образование детей является той сферой, которая, обладая самоценностью, ориентирована на создание единого образовательного пространства, формирование у школьников целостного восприятия мира, на гармонизацию требований по реализации образовательного стандарта и создание условий для развития индивидуальных интересов и удовлетворения потребностей личности. Дополнительное образование является необходимым компонентом современного общего образования. Его отсутствие вряд ли может быть компенсировано использованием других источников общего образования. Можно полагать, что для ряда учащихся дополнительное образование на отдельных этапах процесса общего образования является не только необходимым, но и ведущим его компонентом [3, 38].

Представленные положения позволяют говорить о качественно иной (по сравнению с «пересечением» интересов школы и учреждений дополнительного образования и взаимным «обменом» идеями, средствами их реализации, кадрами и т.д.), высшей формой взаимодействия основного и дополнительного образования – интеграции, «посредством которой происходит объединение частей (общего и дополнительного образования) в определенный тип целостности (дополнительное образование)» [5, 48]. Е.Б. Евладова [3] в своих работах ориентирует педагогов-практиков на то, что именно взаимопроникновение этих двух сфер образования может обеспечить целостность системы, её многообразие и развитие.

Т.И. Черноусенко [5] в качестве основы разрабатываемой модели школьного дополнительного образования определяет интеграцию всех видов деятельности: учебной, внеклассной, внеурочной, внешкольной, воспитательной. Нам представляется, что данная идея может быть вполне применима к задаче развития социальной и коммуникативной компетентности учащихся средствами дополнительного образования, поскольку последнее, как мы уже отмечали, напрямую направлено на формирование данных видов компетентностей и предполагает многообразие форм реализации.

Анализ нормативно-правовых документов, регламентирующих функционирование системы дополнительного образования, материалов научно-практических конференций, изучение теоретических работ, определяющих ключевые ориентиры этого вида образования,

позволяют выделить ряд концептуальных положений, лежащих в основе становления системы дополнительного образования в общеобразовательном учреждении: основные цели, задачи, приоритеты в организации, функции.

Под дополнительным образованием в системе общеобразовательного учреждения автор понимает специально организованный процесс развития способности личности к самостоятельному решению проблем в различных сферах жизнедеятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт ребенка. Таким образом, основная цель дополнительного образования состоит в оказании педагогической поддержки обучающимся в их социальном самоопределении, в практической подготовке к жизни и профессиональной карьере в условиях социальных перемен [5, 65], т.е. в развитии социальной компетентности учащихся.

Самоопределение и самореализация достигается путем установления и поддержания отношений с другими людьми, т.е. коммуникативной компетентностью. Умение общаться – основа самореализации личности. Контактность, способность выслушивать и принимать во внимание взгляды других людей, дискутировать и защищать свою точку зрения, устанавливать и поддерживать контакты и т.п. обеспечивают успешность в познавательной, общественной и других видах деятельности. Следовательно, развитие коммуникативной компетентности включается в целевой ориентир дополнительного образования общеобразовательного учреждения.

Приоритетные задачи дополнительного образования сформулированы в Концепции лаборатории проблем дополнительного образования детей Института общего среднего образования РАО [1]. Опираясь на этот источник, а также на исследования Е.Б. Евладовой, А.В. Скачкова, Ф.Н. Страчковой, М.О. Чекова и других [2; 3 и др.], можно сформулировать следующие задачи развития социальной и коммуникативной компетентности обучающихся средствами дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях:

- изучение интересов и потребностей обучающихся в дополнительном образовании детей;
- определение содержания дополнительного образования детей, направленного на развитие социальной и коммуникативной компетентностей, его форм и методов работы с детьми с учетом их возраста, вида учреждения, особенностей его социокультурного окружения;
- формирование условий для создания единого образовательного пространства в развитии социальной и коммуникативной компетентностей учащихся;
- расширение видов социальной деятельности и общения в системе дополнительного образования детей для наиболее полного удовлетворения интересов и потребностей обучающихся в объединениях по интересам;
- создание условий для привлечения к занятиям в системе дополнительного образования детей большего числа обучающихся среднего и старшего возраста;
- создание максимальных условий для освоения обучающимися общественных ценностей, воспитания уважения друг к другу, умения прислушиваться к Другому, развития толерантности;
- обращение к личностным проблемам обучающихся, формирование их нравственных качеств, творческой и социальной активности;
- приобщение воспитанников к общечеловеческим ценностям, формирование у них адекватного этим ценностям поведения;
- развитие способности подбирать и использовать адекватные ситуации речевые средства (вербальные и невербальные);
- формирование умения выражать свои мысли;
- формирование самосознания, осознание собственного «Я»;
- помощь ребенку в самореализации.

Совокупность представленных задач позволяет выделить наряду с традиционными (лично-образующей; социально-адаптационной; психотерапевтической; профилактической; учебно-информационной и др.) новые социальные функции школьного дополнительного образования [2, 49]:

- социального диалога и партнерства детей и взрослых;
- социально-педагогической поддержки взросления;
- развития творчества и самореализации подрастающего поколения в социально значимых формах;
- поддержки рождающихся из самой жизни и социального общения форм, образцов, путей самоопределения;
- социально-воспитательной активизации личностных ресурсов.

Выполняя названные функции, дополнительное образование детей расширяет воспитательные возможности образовательного учреждения и его культурное пространство, способствует самоопределению в личностной, социокультурной, профессиональной областях, включению их в различные виды творческой деятельности, позитивному отношению к ценностям образования и культуры, созданию опыта межличностного и делового общения, развитию нравственных качеств и коммуникативной сферы обучающихся.

Таким образом, дополнительное образование общеобразовательного учреждения – это особое образовательное пространство, в котором субъективно задается множество отношений, осуществляется социальная образовательная деятельность различных систем (государственных, общественных, смешанных) по развитию индивида и его самоопределению и самореализации. Последнее становится возможным благодаря реализации целевого ориентира дополнительного образования – развитию социальной и коммуникативной компетентностей обучающихся.

Реализуя функции общеобразовательной поддержки, личностного и профессионального самоопределения, социального диалога и партнерства детей и взрослых, активизации личностных ресурсов, дополнительное образование общеобразовательного учреждения расширяет возможности приобретения социального и коммуникативного опыта ребенка, является временем творческого освоения новой информации и осмысления, формирования новых социальных умений и способностей. Внешнее образовательное и временное пространство способствуют формированию социальных интересов и потребностей детей в ходе обретения ими опыта взаимодействия, защищают, поддерживают и создают условия для развития личности с учетом ее индивидуальных способностей, мотивов, ценностных ориентаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Система дополнительного образования детей: Концепция лаборатории проблем дополнительного образования детей института общего среднего образования РАО / В. А. Горский, А. Я. Журкина, Л. Ю. Ляшко, В. В. Усанов // Дополнительное образование. – 2000. – № 1.
2. Дополнительное образование детей: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. О. Е. Лебедева. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 256 с.
3. Евладова, Е. Б. Развитие дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях / Е. Б. Евладова, Л. А. Николаева. – М., 1996. – 133 с.
4. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 528 с.
5. Черноусенко, Т. И. Моделирование системы дополнительного образования (на примере инновационного образовательного учреждения): дисс. ... канд. пед. наук / Т. И. Черноусенко. – Ставрополь, 2003.

Горобец О. Б.
O. B. Gorobets

**КРОССКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ФИЛИАЛА
ЗАО «ГРАЖДАНСКИЕ САМОЛЕТЫ СУХОГО»)**

**CROSS-CULTURAL INTERACTION BETWEEN THE RUSSIANS AND THE FRENCH
(BASED ON A SURVEY OF PERSONNEL WORKING AT THE KOMSOMOLSK-ON-
AMUR BRANCH OF JSC "SUKHOI CIVIL AIRCRAFT")**

Горобец Ольга Борисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27. E-mail: olborgor@yandex.ru

Ms. Olga B. Gorobets – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue. E-mail: olborgor@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности кросскультурного взаимодействия французских и российских коммуникантов в ходе их совместной работы над проектом «Суперджет-100» в Комсомольском-на-Амуре филиале ЗАО «Гражданские самолёты Сухого».

Summary. The paper discloses the peculiarities of cross-cultural interaction between Russian and French members of personnel during the process of collaborative work upon the project “Superjet -100” at Komsomolsk-on-Amur Branch of JSC “Sukhoi Civil Aircraft”.

Ключевые слова: кросскультурный контакт, межкультурная коммуникация, коммуникативное поведение, коммуникативные особенности.

Key words: cross-cultural contacts, intercultural communication, communicative behavior, communicative peculiarities.

УДК 811.133.1

Процесс глобализации неуклонно охватывает всё большие территории и проникает во всё более отдалённые уголки планеты. При этом экономическая глобализация отнюдь не подразумевает культурную гомогенность. «Идея культурных гетерогенностей и различий все более выдвигается на передний план уже не только учеными, но и осознается широкой общественностью, выступающей за глобальный мир под знаком признания различий» [4, 10]. В этой связи особенно актуальным становится исследование кросскультурных контактов, возникающих в процессе экономической глобализации, с целью определения механизмов адаптации к инокультурной среде и формирования кросскультурной компетенции.

Известно, что осуществление транснациональных экономических проектов как нельзя более эффективно продвигает процесс экономической глобализации, способствует всесторонней интеграции стран и народов.

Процесс интеграции проявляется и в постоянно расширяющемся привлечении иностранных инвестиций и специалистов в экономику Дальнего Востока. Всё значительней, в частности, становится присутствие французских капиталовложений и франкоязычных специалистов в малых дальневосточных городах. Так, наряду с проектом «Суперджет-100», осуществляемом в Комсомольском-на-Амуре филиале ЗАО «Гражданские самолёты Сухого»

Горобец О. Б.

КРОССКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ФИЛИАЛА ЗАО «ГРАЖДАНСКИЕ САМОЛЕТЫ СУХОГО»)

совместно с «SAFRAN», в городе Амурске корпорации «AIR LIQUIDE» и ООО «Полиметалл» предприняли строительство кислородной станции для Гидрометаллургического завода.

Такие проекты объединяют не только международные корпорации, города и предприятия, но и отдельные инокультурные личности. С точки зрения межкультурной коммуникации, подобное объединение представляет собой сложноорганизованный многоуровневый кросскультурный контакт, обладающий целым рядом специфических черт.

В частности, специфичность данному контакту могут придавать социокультурные и территориальные условия его осуществления. В этом смысле кросскультурная коммуникация, реализующаяся в региональном, до недавнего времени закрытом городе, представляет особый исследовательский интерес. Именно к таким городам, недавно вступившим на путь глобализации, относится, например, город Комсомольск-на-Амуре.

Как мы уже указывали, интеграция Комсомольска-на-Амуре в АТР и мировое экономическое и культурное пространство не вызывает сомнения и ведёт, в свою очередь, к изменению социокультурного статуса города и всей его коммуникативной сферы [2]. Исследование динамики этих изменений – интереснейшая и актуальнейшая задача для лингвиста, специалиста по межкультурной коммуникации.

Так, например, нами было предпринято исследование особенностей кросскультурных контактов на примере профессиональной и межличностной коммуникации французских и российских специалистов, работающих в Комсомольске-на-Амуре над реализацией транснационального проекта «Суперджет-100».

В рамках этого исследования мы провели анкетирование российских и французских контактных с целью выяснения их представлений друг о друге, как о коммуникативных партнёрах. Нами было проанкетировано 14 респондентов (по 7 с каждой стороны), находящихся в постоянном и долговременном контакте между собой. Несмотря на немногочисленность исследуемой группы (объясняющуюся объективно небольшим количеством задействованных в проекте специалистов), ответы респондентов, по нашему мнению, являются вполне релевантными и создают адекватную картину кросскультурного контакта в целом.

Интервьюируемая аудитория представляет собой группу специалистов (инженеров, механиков, менеджеров, одного переводчика) в возрасте от 24 до 52 лет. Подавляющее большинство респондентов (с русской стороны – 71,4 %, с французской – 85,7 %) вступили в иноязычную коммуникацию два и более года тому назад. У многих коммуникантов были проблемы общения, однако со стороны русских такие проблемы возникали у 71,4 % опрошенных, а со стороны французов – лишь у 28,5 %. Причём все русские назвали причиной возникновения таких проблем недостаточное знание языка общения, а французы к данному фактору добавили «разницу в культуре общения и поведения». Характеризуя уровень общительности своих инокультурных партнёров, русские назвали французов «довольно общительными» (57,1 %), а французы русских – «общительными» (57,1 %).

Данный блок характеристик демонстрирует схожие позиции всех коммуникантов. Небольшой процент (28,5 %) французов, признавших наличие проблем в коммуникации, объясняется, на наш взгляд, тем, что значительная часть проинтервьюированных французов относится к топ-менеджменту и имеет в своём распоряжении переводчиков. Более того, эта часть респондентов никогда не пыталась общаться с русскими напрямую ни на русском, ни на каком-либо другом языке. Таким образом, именно квалифицированный перевод и ограниченная профессиональной деятельностью коммуникация обеспечили в данном случае её кажущуюся беспроblemность.

Следующая группа вопросов, конкретизирующая представления коммуникантов друг о друге, позволила «нарисовать» довольно пёструю картину.

Так, из двадцати предложенных коммуникативных черт русские приписали французам следующий набор: весёлые (85,7 %), отзывчивые (57,1 %), раскованные (57,1 %), галантные (42,8 %), обидчивые (42,8 %); французы – русским: любопытные (71,4 %), весёлые (57,1 %), неулыбчивые (42,8 %).

Поставленные перед выбором из двух противоположных черт, русские описали французов как людей, проявляющих в общении открытость и откровенность либо редко (57,1 %), либо всегда (42,8 %); готовых болтать о пустяках, но – ни о чём серьёзном (85,7 %); однако при этом демонстрирующих при общении широкий кругозор и образованность (71,4 %); умеющих держать дистанцию (100 %); обладающих прекрасным чувством юмора (100 %); избегающих конфликтов (85,7 %); всегда мыслящих позитивно (100 %); прагматичных и рациональных (100 %).

Французы же оценили русских как людей, всегда проявляющих открытость и откровенность в общении (71,4 %); готовых болтать о пустяках, но – ни о чём серьёзном (100 %); не показывающих в общении ни широкого кругозора, ни образованности (57,1 %); умеющих держать дистанцию (71,4 %); имеющих своеобразное чувство юмора, непонятное французам (57,1 %); избегающих конфликтов (85,7 %); склонных к пессимизму и апатии (71,4 %); прагматичных и рациональных (71,4 %).

Как мы видим, русские более единодушны в своих оценках – здесь мы имеем стопроцентный результат по четырём позициям, тогда как французы проявили такое единение только по одной позиции. Примечательно, что обе стороны выделили схожие характеристики у своих коммуникативных партнёров: и французы, и русские готовы болтать о пустяках, но – ни о чём серьёзном; умеют держать дистанцию; прагматичны и рациональны; избегают конфликтов. Однако респонденты по-разному оценили уровень открытости друг друга. Если французы признали, что русские всегда открыты и откровенны в общении (71,4 %), то русские не смогли прийти к единому мнению в оценке уровня коммуникативной открытости французов и почти поровну разделились на два противоположных лагеря: одни (42,8 %) оценили французов как всегда открытых, а другие (57,1 %) – как редко проявляющих открытость и откровенность в общении.

Ещё большее расхождение во мнениях мы наблюдаем в оценке интеллекта и чувства юмора друг друга. Русские отмечают широкий кругозор и образованность французов, высоко ценят их чувство юмора и позитивный настрой, тогда как французы отказывают русским в этих качествах.

Сравнивая результаты нашего опроса с данными других исследований [1; 3; 5 – 7], мы можем отметить, что, в целом, коммуниканты оценили друг друга в соответствии с устоявшимися стереотипами. Так, широко признана открытость и откровенность русских в личных вопросах, любопытство и готовность вмешиваться в дела других, раздавать советы и делать замечания, рефлексировать и впадать в апатию по любому поводу. За французами же закрепились слава галантных мужчин, остроумных и легких собеседников, открытых всему новому. Они, действительно, всегда настроены позитивно, прагматичны и рациональны, активны и деятельны.

Вразрез с общепринятым мнением вступает характеристика русских как прагматичных и рациональных людей. Здесь мы склонны объяснить данную оценку узостью сферы общения наших коммуникантов, которая в большинстве случаев либо ограничивается служебными отношениями, либо находится под их значительным влиянием.

Отвечая на вопрос о том, какие коммуникативные черты они более всего ценят, русские выделили у французов отзывчивость (71,4 %) и умение избегать конфликтов (57,1 %); французы же наиболее высоко оценили в русских любознательность/любопытство (57,1 %). При ответе на вопрос о том, какие качества им более всего не нравятся, русские решительно отметили у французов самодовольство (71,4 %), а французы не продемонстрировали никакой общей тенденции, дав русским такие разнообразные характеристики, как индивидуализм, обидчивость, самодовольство, неулыбчивость, мрачность.

Несмотря на это, и русские, и французы выказали удивительное единодушие в оценке своего опыта инокультурного общения. Обе стороны со стопроцентным результатом признали этот опыт интересным и обогащающим. Причём обе стороны также с одинаковым резуль-

Горобец О. Б.

КРОССКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ФИЛИАЛА ЗАО «ГРАЖДАНСКИЕ САМОЛЕТЫ СУХОГО»)

татом (57,1 %) отметили, что данный опыт общения изменил их представления друг о друге. Однако только 28,5 % русских респондентов указали, что их представления о французах улучшились, тогда как среди французов эта цифра оказалась гораздо выше (57,1 %).

Как мы видим, респонденты искали друг в друге близкие их собственному национальному менталитету качества (русские – отзывчивость, неконфликтность (терпение), а французы – любопытство/любопытность), что свидетельствует о стремлении сторон идти на контакт, о поиске общих объединяющих коммуникативных черт. Что же касается отрицательно оцениваемых характеристик, то отмеченное русскими самодовольство, по данным других исследований, входит в набор негативных характеристик французов, к которым обычно относят «самодовольство, болтливость, холодность, упрямство, агрессивность, иногда – неискренность» [7, 190]. Однако, на наш взгляд, отмеченное русскими самодовольство является в данном случае оборотной стороной регламентированности французской коммуникативной культуры. Французское коммуникативное поведение, в отличие от русского, предполагает довольно строгое соблюдение социальных и лингвистических норм и правил, соответствующих каждой отдельной коммуникативной ситуации [1; 3]. Отступление от этих правил допустимо только в близком, дружеском общении, поэтому неудивительно, что французы ведут себя с той сдержанностью, которую русские принимают за самодовольство. Ведь современная российская культура общения, прошедшая стадии разрушения и перестройки, находящаяся под значительным влиянием западного этикета, отличается бессистемностью, отсутствием жёстких правил коммуникативного поведения и допускает гораздо больше вольностей, чем французская. «Пониженная этикетность речевых норм» вполне обоснованно относится к доминантным чертам русского коммуникативного поведения [6, 300].

Следует отметить, что при широком разбросе мнений французов о негативных коммуникативных чертах русских (индивидуализм, обидчивость, самодовольство, неулыбчивость, мрачность), нельзя не высказать сомнение по поводу индивидуализма. Считается, что русский менталитет исконно отличается коллективизмом, соборностью, общинностью [5; 6; 7]. Однако «коллективизм, который действительно свойственен русским людям, отнюдь не исключает индивидуализма» [5, 123]. По нашему мнению, такая противоречивость под влиянием новых экономических условий, социального расслоения и появившегося духа конкурентности постепенно утрачивается, уступая место проявлениям индивидуализма. Однако на сегодняшний день, как нам кажется, всё ещё рано говорить об индивидуализме как о типичной черте русского человека. Мрачность же и неулыбчивость, напротив, не без основания относятся к подобным чертам. Здесь нельзя не упомянуть о кардинально разном отношении к улыбке в большинстве западных (да и восточных) культур и в русской коммуникативной культуре. Если для француза улыбка – это обязательный атрибут обычной вежливой коммуникации, то для русского – проявление обоснованной радости, открытая демонстрация симпатии. Русские, действительно, скупы на улыбку. Недаром в России говорят: «Смех без причины есть признак дурачины». Для русской улыбки, обычно, нужны «веские основания». Просто вежливую, ничего не значащую улыбку мы с оттенком неодобрения называем «дежурной», а «бытовую неулыбчивость» считаем вполне естественной.

Что же касается обидчивости русских, то здесь можно поспорить. «На обиженных воду возят», «Кто старое помянет, тому глаз вон» – вот только некоторые пословицы и поговорки, отражающие отношение русских к обидчивости. Кроме того, в личных беседах с французскими респондентами приходилось слышать: Как вы, русские, после многочисленных споров и конфликтов на работе можете, как ни в чём ни бывало, отправиться выпивать вместе с коллегами?! В то время как для русских желание разделить рабочие и личные отношения является естественным и необходимым. Сглаживание производственных конфликтов на неформальном уровне – одно из условий успешной работы, которая, как известно, бесконфликтной не бывает.

По поводу самодовольства, также отмеченного французами, мы склонны скорее согласиться с авторитетным мнением известной исследовательницы русского национального характера А. В. Павловской, которая утверждает, что «русской культуре свойственно отсутствие самодовольства, самоудовлетворения, сопровождающееся повышенной самокритикой» [5, 62]. Кроме того, как нам кажется, именно отсутствие самодовольства коррелирует с почти единодушно (71,4 %) признанной самими французами склонностью русских к пессимизму и апатии, а с этим утверждением мы, как и многие другие исследователи [1; 5; 6], согласны.

Вообще надо признать, что французские респонденты в ответах на вопросы оказались менее склонны к обобщениям, чем их русские коллеги. При этом французы проявили тонкость и прозорливость в наблюдениях за отдельными личностями.

Комментируя последний блок ответов, можно также отметить, что для русских респондентов реальный кросскультурный контакт во многом развенчал идеализированные представления о французах, сформированные общим пиететным отношением к иностранцам и, в особенности, к европейцам, тогда как для французов, наоборот, живая коммуникация частично опровергла навязываемый французскими СМИ негативный образ россиян.

В целом, русские более позитивно оценивают французов и проявляют больше единодушия и прямоты в своих оценках. Французы же оказались осторожнее в выражении своего мнения. В отдельных случаях разбросанность их оценок свидетельствует, на наш взгляд, как о ярко выраженном индивидуальном восприятии респондентов, так и об объективной противоречивости русского характера. Об индивидуализме французов точнее и остроумнее всего выражаются сами французы. Например, Пьер Данинос, который написал: «La France est le seul pays du monde où, si vous ajoutez dix citoyens à dix autres, vous ne faites pas une addition, mais vingt divisions» [8, 27]. «Франция – единственная в мире страна, где, если вы прибавляете десять граждан к десяти другим, то вы не складываете, а разделяете на двадцать» (Перевод наш – О.Г.). Неудивительно поэтому, что на семь французов, принявших участие в нашем опросе, приходится, как минимум, пять различных точек зрения на русский характер. Кроме того, следует признать, что русский характер действительно противоречив. Загадочность русской души – это совсем не миф, а отражение той противоречивости, нелогичности и иррациональности, которой так «славится» русская жизнь, и которую так трудно бывает понять иностранцам, например, французам с их картезианским мышлением.

Обобщим результаты нашего опроса в следующей таблице.

Коммуникативные черты	Русские, по мнению французов	Французы, по мнению русских
ОБЩИЕ ЧЕРТЫ	Весёлые (57,1 %) Готовы болтать о пустяках, но – ни о чём серьёзном (100 %) Всегда проявляют открытость и открытость в общении (71,4 %) Умеют держать дистанцию (71,4 %) Избегают конфликтов (85,7 %) Прагматичные и рациональные (71,4 %)	Весёлые (85,7 %) Готовы болтать о пустяках, но – ни о чём серьёзном (85,7 %) Всегда проявляют открытость и открытость в общении (42,8 %) Умеют держать дистанцию (100 %) Избегают конфликтов (85,7 %) Прагматичные и рациональные (100 %)
РАЗЛИЧНЫЕ ЧЕРТЫ	Любопытные (71,4 %), Неулыбчивые (42,8 %) Не показывают в общении ни широкого кругозора, ни образованности (57,1 %) Обладают непонятным чувством юмора (57,1 %) Склонны к пессимизму и апатии (71,4 %)	Отзывчивые (57,1 %), Раскованные (57,1 %), Галантные (42,8 %), Обидчивые (42,8 %) Самодовольные (71,4 %) Показывают при общении широкий кругозор и образованность (71,4 %) Обладают прекрасным чувством юмора (100 %) Всегда мыслят позитивно (100 %)

Горобец О. Б.

КРОССКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ФИЛИАЛА ЗАО «ГРАЖДАНСКИЕ САМОЛЕТЫ СУХОГО»)

Как мы видим, русские и французы обнаружили друг в друге много общего и заинтересовано отнеслись к различиям. И хотя качества, которые нам приписывают другие, иногда становятся для нас настоящим сюрпризом, нельзя отрицать, что взгляд со стороны полезен.

Таким образом, в ходе франко-русского кросскультурного контакта выяснилось, что французы и русские в глазах друг друга обладают целым рядом общих коммуникативных черт и характеристик, которые объединяют данных инокультурных коммуникантов. Выделенные в ходе анкетирования различия в восприятии друг друга наглядно демонстрируют трудности взаимопонимания и особенности коммуникативного поведения респондентов. В общем, можно утверждать, что предпринятое кросскультурное исследование позволяет лучше понять коммуникантам не только друг друга, но и самих себя. В процессе такого контактирования формируется кросскультурная компетенция, так необходимая для успешного взаимодействия инокультурных партнёров в любом виде деятельности. Кросскультурная компетенция позволяет не только осознавать ценность иной культуры, но и строить своё взаимодействие с ней, руководствуясь принципами толерантности и плюрализма.

В дальнейшем предполагается качественно и количественно расширить рамки нашего исследования. В частности, следующим его этапом станет сверка полученных результатов, в ходе которой респонденты должны будут оценить справедливость высказанных о них противоположной стороной суждений. Следует особо отметить, что на данный момент нами не были выявлены особенности кросскультурного контакта, связанные с его региональной спецификой. Мы предполагаем, что такие особенности объективно существуют, но могут быть раскрыты только с помощью более широкого сравнения и сопоставления, которое мы также планируем провести в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованивская, М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских / М. К. Голованивская. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 376 с.
2. Горобец, О. Б. Динамика интеграции Комсомольска-на-Амуре в АТР и мировое социокультурное пространство / О. Б. Горобец // Материали за 7-а международна научна практична конференция, «Ключови въпроси в съвременната наука», 2011. Том 30. Филологични науки. — София: «Бял ГРАД-БГ» ООД. — С. 40-42.
3. Ермакова, Р. А. Стереотип французского поведения в русском сознании / Р. А. Ермакова // Русское и французское коммуникативное поведение: сб.; под ред. И. А. Стернина. Вып.1. — Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. — С. 97-101.
4. Жукова, Т. В. Проблемы кросскультурной коммуникации студенческой молодёжи: автореф. дис. ... канд. социол. наук по спец. 22.00.06 / Жукова Т.В. — М., 2009. — 19 с.
5. Павловская, А. В. Россия и русские / А. В. Павловская. — М.: Центручебфильм, 2010. — 336 с.
6. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — 3-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 328 с.
7. Сухарёв, В. А. Психология народов и наций / В. А. Сухарёв, М. В. Сухарев. — Д.: Сталкер, 1997. — 400 с.
8. Daninos, P. Les carnets du major W.Marmaduke Thompson. Découverte de la France et des français. — Paris: Hachette, 1956, ex. № 5302. — 158 p.

Макарова Е. Н.
E. N. Makarova

ПОЗИЦИЯ ИНТОНАЦИОННОГО ЦЕНТРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

INTONATION NUCLEUS PLACEMENT AND THE SPEAKER'S COMMUNICATIVE INTENTION (IN THE SPEECH OF AMERICAN SPEAKERS OF ENGLISH)

Макарова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета (Россия, Екатеринбург), докторант очной формы обучения кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: makarovayn@mail.ru

Ms. Elena N. Makarova – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Business English, the Urals State Economic University (Russia, Yekaterinburg), Doctoral Candidate at the Department of Phonetics and Methods of Foreign Language Teaching at St.Petersburg State University. E-mail: makarovayn@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментально-фонетического исследования места интонационного центра высказывания в английской речи носителей американского варианта английского языка. Дан анализ его нормативных сдвигов, а также приведены данные аудиторского эксперимента, подтверждающие изменение коммуникативного намерения говорящего во фразах с различной позицией интонационного центра.

Summary. The paper reports on experimental phonetic research of nucleus placement in the native speech of American speakers of English. The analyses of nucleus shifts is given. The results of a perceptual experiment prove that there is a change of speaker's communicative intention in utterances with different nucleus location.

Ключевые слова: интонационный центр, информационная структура высказывания, смещение интонационного центра, коммуникативное намерение говорящего, аудиторский анализ.

Key words: intonation nucleus, information structure of a sentence, nucleus shifts, speaker's communicative intention, perceptual analysis.

УДК 81.34

Эффективность речевой коммуникации, как на родном, так и иностранном языке, зависит от множества факторов. Важность произносительных характеристик для её успешного осуществления трудно переоценить. Интонационные средства играют ведущую роль в точной передаче смысловой стороны высказывания и выражении коммуникативного намерения говорящего. Вследствие того, что отношение к собеседнику в первую очередь проявляет себя посредством используемых партнером по общению интонационных контуров, употребление некорректных интонационных моделей может привести не только к непониманию, но и к отрицательному восприятию говорящего в целом [4]. Самым значимым элементом интонационного контура является интонационный центр. Синонимами понятия «интонационный центр» в русскоязычной лингвистической литературе часто выступают термины «главное ударение», «ядро», «ядерный тон», «слог, несущий ядерный тон», «главное фразовое ударение». Под «интонационным центром» принято понимать «ударный слог выделенного слова, который определяет основное движение тона в синтагме и делит синтагму на предударную и заударную части» [1, 290].

Макарова Е. Н.

ПОЗИЦИЯ ИНТОНАЦИОННОГО ЦЕНТРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Исследования фонетических и фонологических особенностей английской речи остаются в центре внимания лингвистов по причине ведущей роли английского языка в качестве средства общения в межнациональных сообществах. Для англоязычных лингвистических источников, посвященных интонационным исследованиям, также характерно большое разнообразие употребляемых терминов, используемых в качестве синонимов понятия «интонационный центр»: «nucleus», «intonational nucleus», «accent», «main accent», «sentence accent», «main phrasal stress», «intonational centre», «nuclear stress», «sentence stress», «nuclear pitch accent», «intonation nucleus placement», «tonic syllable», «primary accent», «primary stress». Как показал анализ литературы, существуют три значимых критерия при определении отнесенности слова или одного из его слогов к категории главноударного. Во-первых, оно, как правило, является последним ударным элементом интонационной группы. Так, в определении, предложенном А. Краттенденом, интонационный центр – это «...that pitch accent (usually the last) which generally stands out as the most prominent in each of the typical tonal sequences within intonation groups» [2, 80]. Д. Ноулз приводит схожее описание рассматриваемого отрезка интонационного контура, выделяя в качестве основного позиционный фактор: «the last accent is by definition the nucleus» [5, 58]. Во-вторых, в понимании большинства интонологов, интонационный центр является наиболее фонетически выделенным звеном синтагмы, на котором происходит движение ядерного тона: «A tonic syllable is one which is prominent but on which there is also major pitch movement» [6]. И, наконец, в-третьих, интонационный центр английского высказывания, как правило, совпадает с информативным ядром высказывания и, как следствие, входит в зону его фокуса. К. Гуссенховен выражает общепринятое мнение, относя именно эту составляющую понятия «интонационный центр» к категории главных: «On the level of the sentence the nucleus, more generally, accent, is seen as the major realization of the universal concept of focus» [3, 385]. Схожую позицию занимает Дж.Уэллс, подтверждая принадлежность слога, несущего ядерный слог к элементам высказывания, находящимся в фокусе: «It indicates the focused part of the material» [7, 7].

Изучение нормативных позиций интонационного центра в английском высказывании представляет интерес не только в аспекте дальнейшего развития теории и практики английской интонации. Исследования подобного рода важны и с точки зрения совершенствования методики преподавания английского языка в качестве иностранного. Важность определения нормативных позиций интонационного центра и возможных вариантов его сдвига в лингвометодическом аспекте подтверждает практика преподавания английского языка в русской аудитории. Материалом для исследования послужили предложения на английском языке, относящиеся к коммуникативным типам утверждения, представляющие собой, как правило, четко структурированные простые двусоставные предложения, окруженные контекстом (вопросо-ответная структура). Экспериментальный материал можно разделить на следующие категории.

Во-первых, это предложения, содержащие слова с низким семантическим весом (something, somewhere и подобные) в финальной фразовой позиции. Для таких высказываний характерен сдвиг интонационного центра влево, несмотря на их принадлежность к категории нейтральных: Any problem? – I *saw** somebody.

Во-вторых, экспериментальные предложения составили фразы, выбор главноударного слова в которых (его сдвиг влево с финальной позиции) достаточно жестко определяет контекст. Одна из лексических единиц, упомянутая во фразе-стимуле, повторялась в реплике-ответе. По правилам распределения фразовых акцентов в английском языке её принадлежность к категории «данное» связана с невозможностью выступать в качестве интонационного центра в нейтральной речи: Where did you go to school? – I was at a *number* of schools.

*Интонационный центр высказывания выделен в тексте курсивом

Третья группа состоит из высказываний с маркированным эмфатическим фокусом, в частности, содержащих усилительные наречия «really», «much», «never», «awfully», «very», «too», «incredibly» и «extremely» в их составе. Предложения, входящие в эту группу, являются, пожалуй, наиболее сложными для представления каких-либо предварительных прогнозов: I am so sorry, Mommy. – Are you *really* sorry?

Четвёртая категория фраз представляет собой высказывания, содержащие предлог и местоимение, занимающие финальную позицию. Предложения такого рода, как показывает практика преподавания английского языка в русской аудитории, являются одними из самых сложных для интонирования носителями русского языка. В английской речи главноударным в этих случаях, как правило, бывает предлог: Is she with Tom? – Yes, she is *with* him.

В первом этапе фонетического эксперимента по записи исследуемого материала на английском языке приняли участие шесть дикторов-американцев. Все испытуемые проживают в г. Сан-Антонио (штат Техас). Возраст дикторов от 26 до 45 лет, их речь не имеет ярко выраженной региональной окраски. Все дикторы имеют высшее университетское образование, не являются билингвами, не имеют специальной фонетической подготовки. Среди них двое мужчин и четверо женщин.

До начала чтения дикторами экспериментального материала он был предложен им для ознакомления (просмотра и чтения про себя). Заданность языковой структуры исследуемых предложений, необходимая для решения поставленных в работе задач, исключала возможность использования в рамках эксперимента спонтанной речи. Информантам было предложено прочесть исследуемый материал в парах в естественной для них манере. Запись чтения участников эксперимента проходила в лаборатории факультета языков и лингвистики Техасского университета в г. Эль Пасо на записывающее устройство Zoom H2 stereo digital recorder. Задачей данного этапа эксперимента было выявить вариантность места интонационного центра в исследуемом материале. Все полученные данные, записанные в рамках предложенного дикторам контекста, были прослушаны автором исследования. Целью слухового анализа явилось определение позиции главноударного слова.

13 фраз, составивших 16 % от общего количества предложенного для прочтения дикторам материала, были прочитаны дикторами-американцами со смещениями интонационных центров в рамках предложенного дикторам контекста. Оставшиеся 84 % экспериментальных предложений были прочитаны с ожидаемой позицией места главного ударения. Несмотря на незначительное количество вариантов со смещёнными интонационными центрами, представляется необходимым и интересным рассмотреть различия между полученными реализациями, зафиксированными в речи дикторов-носителей американского варианта английского языка. Для выяснения возможных причин такой нестандартной акцентуации было решено прибегнуть к аудиторскому анализу с участием трёх аудиторов-американцев, профессиональных лингвистов.

Четыре из тринадцати примеров относятся к категории высказываний, содержащих лексические элементы с низким семантическим весом в их составе в финальной фразовой позиции. Несмотря на ожидаемый сдвиг интонационного центра влево на глагол, который, как правило, имеет место при интонировании фраз такого рода, дикторы-американцы выбрали именно эти лексические элементы в качестве главноударных, реализуя интонационный центр на финальном фразовом элементе. Представляется целесообразным привести все полученные примеры такого рода, обозначив для удобства вариант с ожидаемым местом ударения, взятый из пособия по английской интонации, эталонным вариантом (ЭВ), а вариант со смещённым местом интонационного центра, полученный в ходе проведения данного эксперимента, возможным вариантом (ВВ):

- Are they coming to see us?
- ЭВ: Sarah *said* something.
- ВВ: Sarah *said something*.

Макарова Е. Н.

ПОЗИЦИЯ ИНТОНАЦИОННОГО ЦЕНТРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Интересно отметить, что четыре диктора из шести (ДА1*, ДА2, ДА5 и ДА6) предпочли возможный вариант произнесения эталонному варианту.

- Where is the present?
- ЭВ: They didn't *bring* anything.
- ВВ: They didn't bring *anything*. (ДА2, ДА4 и ДА6).

Следующие примеры:

- It's a secret?
- ЭВ: I won't *tell* anyone.
- ВВ: I won't tell *anyone*. (ДА2, ДА3)
- Can't you just keep quiet?
- ЭВ: I've got to *tell* someone.
- ВВ: I've got to tell *someone*. (ДА1, ДА5 и ДА6).

Все шесть дикторов хотя бы однажды сместили интонационный центр в читаемых фразах на финальный лексический элемент – слово с низким семантическим весом. Данные аудиторского эксперимента (после обработки данных которого было возможно задать аудиторам уточняющие вопросы) позволили интерпретировать подобные реализации следующим образом.

В первом из рассмотренных примеров

- Are they coming to see us?
- ЭВ: Sarah *said* something.
- ВВ: Sarah said *something*

эталонный вариант с интонационным центром на глаголе, реализованный всего двумя дикторами из четверых, был назван всеми тремя аудитором более естественным и ожидаемым в рамках предложенного контекста. По мнению аудиторов, говорящий в таком случае лишь выражает идею возможности самого визита. Сдвиг интонационного центра в крайнюю правую позицию, по мнению аудиторов, снижает вероятность посещения, ставя такую возможность под сомнение.

В следующем случае

- Where is the present?
- ЭВ: They didn't *bring* anything.
- ВВ: They didn't bring *anything*

первое высказывание с главноударным глаголом также признано аудитором наиболее естественным и нейтральным, тогда как возможный вариант с интонационным центром на слове «anything» несёт негативный оттенок и подразумевает вопрос «Зачем они вообще пришли в таком случае?». Таким образом, сдвиг места интонационного центра определяет коммуникативное намерение говорящего.

Изменение коммуникативного намерения участника диалога видно и из следующего примера:

- It's a secret.
- ЭВ: I won't *tell* anyone.
- ВВ: I won't tell *anyone*.

Эталонный вариант, по оценкам аудиторов, является простым обещанием, тогда как изменение позиции главноударного слова превращает его в настоящую клятву, синонимичную фразе «Я понимаю, какой это большой секрет».

Последний из полученных в чтении дикторов-американцев примеров

- Can't you just keep quiet?
- ЭВ: I've got to *tell* someone.
- ВВ: I've got to tell *someone*

*ДА – диктор-американец

позволяет также говорить об изменении отношения говорящего к предмету разговора. При достаточно нейтральной констатации факта в эталонном варианте возможный вариант, по мнению auditors, равноценен признанию говорящего о невозможности больше хранить в тайне то, что он знает и готовности поделиться располагаемой информацией с любым. Аудиторы дали для этого случая такой комментарий: «I can't keep this secret any more. I want to tell somebody and anyone will do».

Так называемые эталонные варианты представляют собой, по оценке auditors, нейтральные варианты произнесения (констатацию факта и обещание). Сдвиг интонационного центра, в том числе при сохранении конфигурации ядерного тона, либо свидетельствует об ином отношении говорящего к обсуждаемому, либо привносит в высказывание иной смысловой оттенок. Несмотря на немногочисленность примеров такого рода, их анализ подтверждает подвижность места интонационного центра в английском языке, позволяет лучше понять его функциональную значимость и оценить последствия его сдвига с тех позиций, которые принято считать нормативными.

Вторая группа высказываний со смещением интонационных центров состоит из двух предложений с наречиями-интенсификаторами в их составе. Как и в предыдущем случае, эта группа довольно малочисленна:

- Have you ever heard of Dick and Bessie Buxter?
- ЭВ : No, I've never *heard* of them.
- ВВ: No, I've *never* heard of them.

Второй пример:

- The price was good, wasn't it?
- ЭВ: It was much *cheaper* than I expected.
- ВВ: It was *much* cheaper than I expected.

По мнению auditors-американцев, высказывание с интонационным центром на глаголе «heard» равнозначно вопросу «А кто это такие?» (“Who are they?”). При смещении интонационного центра на наречие «never», выполняющее в данном высказывании усилительную функцию, высказывание равнозначно клятве. Аудиторы предположили, что для такой позиции интонационного центра говорящему должны были задать такой вопрос, по крайней мере, несколько раз. Вместе с тем, два диктора-американца (ДА1 и ДА2) предпочли в своём чтении именно этот вариант распределения фразового ударения.

Во втором примере всего один диктор (ДА4) выбрал в качестве интонационного центра лексический элемент «much». Однако все три аудитора сочли его возможным, хотя и менее типичным и ожидаемым в рамках данного контекста. Если высказывание «It was much *cheaper* than I expected» было расценено аудиторами как фраза, выражающая согласие с собеседником, в возможном варианте «It was *much* cheaper than I expected» кроме согласия говорящий подчёркивает, что он ожидал снижения цены, но не на столько.

Третья группа возможных вариантов со смещёнными интонационными центрами включает четыре предложения с предлогом и местоимением, находящимися в конце фразы. Интонационный центр в нейтральной речи в таких высказываниях будет реализован на предлоге при любом порядке слов. Эталонные варианты полностью подтверждают данное утверждение:

- Do you support Jane?
- ЭВ : Yes, I am *for* her.
- Is she with Tom?
- ЭВ: Yes, she is *with* him.
- That's Mary.
- ЭВ: Who is she *with*?
- This is my friend.
- ЭВ: Who is he *with*?

Макарова Е. Н.

ПОЗИЦИЯ ИНТОНАЦИОННОГО ЦЕНТРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

По результатам эксперимента один диктор (ДА3) реализовал интонационный центр на местоимении («Yes, I am for *her*») в первом из приведённых примеров. Три диктора (ДА2, ДА4, ДА6) реализовали в речи возможный вариант с главноударностью местоимения «*him*»:

- ВВ: Yes, she is with *him*.

В двух последних примерах, наоборот, произошли смещения интонационного центра высказывания с финальной позиции:

- ВВ: Who is *she* with? (ДА1, ДА2)

- ВВ: Who is *he* with? (ДА1, ДА2).

Во всех случаях, по оценкам аудиторов, выбор местоимения в качестве главноударного слова привносит в ситуацию идею контраста, противопоставления с кем-либо. Минимальный контекст, в котором были предложены для прочтения фразы, как считают аудиторы, допускает выбор местоимения в качестве главноударного слова. Если сопоставление с кем-либо обсуждалось собеседниками ранее, то привнесение контраста в таком случае будет вполне уместным. Вместе с тем, эталонные варианты были названы в качестве предпочтительных во всех приведённых в этой группе примерах.

Наконец, четвертая группа, включающая возможные варианты, содержит три фразы, в которых сдвиг интонационного центра также явился неожиданным. Это вопросо-ответные единства с предсказуемым соотношением понятий «данное» и «новое» и ожидаемым главноударным элементом в качестве «нового»:

- ОВ: Oh, good! Breakfast in bed.

- ЭВ: Do you *like* breakfast in bed?

- I play golf rather well.

- ЭВ: You *think* you do.

- And this is Tommy's effort.

- ЭВ: It's rather *good* for a six-year-old.

Возможные варианты в первых двух случаях демонстрируют подвижность интонационного центра для цели выражения противопоставления:

- ВВ: Do you *like* breakfast in bed? (ДА1)

- ВВ: *You* think you do. (ДА4, ДА5, ДА6)

Аудиторы прокомментировали первый возможный вариант с главноударным местоимением «*you*» так: «Я никак не ожидал, что ты любишь завтракать в постели». По их мнению, говорящий выражает крайнюю степень удивления, что в рамках данного контекста, предполагающих близкое знакомство собеседников, звучит странно. Однако гипотетически такая ситуация возможна, и в таком случае интонационный центр на местоимении будет вполне оправдан.

Во фразе «*You think you do*» (вместо эталонной «*You think you do*») говорящий подразумевает следующее: «На самом деле не так хорошо ты и играешь». Смещение главноударности на местоимение усиливает скептицизм автора по поводу спортивных успехов: «Это твоё мнение, но вряд ли с ним кто-то согласен». Местоимение в данном случае противопоставляет игрока в гольф другим.

Пример с возможным вариантом местоположения интонационного центра на числительном «*six*» представляется очень интересным. При составлении экспериментального материала единство «*six-year-old*» отождествлялось с именем собственным «Tommy». Именно поэтому главноударность числительного в данном случае казалась маловероятной. Два диктора (ДА4, ДА5), однако, выбрали именно эту часть речи в качестве интонационного центра.

Если в эталонном варианте, по оценкам аудиторов, участник беседы выражает одобрение увиденному:

- ЭВ: It's rather *good* for a six-year-old,

в возможном варианте с главноударным числительным:

- ВВ: It's rather good for a *six*-year-old

говорящий действительно удивлён такими успехами, и шестилетний ребёнок продемонстрировал умения, типичные для детей более старшего возраста.

Несмотря на немногочисленность приведённых примеров, изучение вариантности в реализации интонационного центра в английской речи дикторами-американцами представляет несомненный интерес как для лингвистов, так и лиц, изучающих английский язык в качестве иностранного. Полученные результаты способствуют лучшему пониманию использования этого элемента интонационного контура в английской речи для выражения тонких смысловых оттенков. Важность проведённого анализа возможной вариантности в постановке интонационного центра высказывания представляется необходимой для получения достоверных результатов на последующих этапах экспериментальной работы. Так как оставшиеся высказывания (84 %) были прочитаны всеми дикторами одинаково, с точки зрения места в них интонационного центра, при дальнейшем сопоставлении английских и русских высказываний по позиции главноударного слова именно они могут быть приняты за условные эталоны произнесения при изучении сдвигов интонационного центра в английской речи русских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брызгунова, Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка / Е. А. Брызгунова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 306 с.
2. Cruttenden A. Intonation. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 214 p.
3. Gussenhoven C. Focus, mode and the nucleus. *Journal of Linguistics*, 1983.19. 2. - pp. 377-417.
4. Jilka M. The contribution of intonation to the perception of foreign accent. Doctoral Dissertation, Arbeiten des Instituts für Maschinelle Sprachverarbeitung (AIMS) Vol. 6(3), University of Stuttgart. 2000. – 206 p.
5. Knowles G. From text to waveform: Converting the Lancaster/IBM Spoken English Corpus into a speech database// Clive Souter and Eric Atwell (eds.), *Corpus-Based Computational Linguistics*. Amsterdam: Rodopi, 1993. - pp.47–58.
6. Ranalli J. M. Discourse Intonation: To Teach or not to Teach? Birmingham: University of Birmingham. Retrieved May 14, 2004, from <http://www.cels.bham.ac.uk/resources/essays/Rannali4.pdf>
7. Wells J. *English Intonation: an Introduction*. Cambridge University Press, 2006. – 286 p.

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

ГЕНЕРИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ФОРМ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ
СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

A. A. Shuneyko, I. A. Avdeenko

**ГЕНЕРИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ФОРМ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ**

**SPEECH FORM GENERATION AS IMPLEMENTATION OF SCENARIOS
OF INFORMATION&SPEECH EVENTS**

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue; 8-4217-529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language Studies, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov St. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. На этапе генерирования речевых форм в рамках определенного сценария отбираются и гипотетически апробируются языковые средства, способные в нужном русле повлиять на коммуникативную ситуацию и состояние информационного пространства. Каждый сценарий характеризуется собственными принципами отбора речевых форм.

Summary. At the stage of speech form generation in the frames of a definite scenario, the language devices are chosen and hypothetically tested which can rig the communicative situation and the state of the information space. Each scenario is characterized by its own mode of speech form selection.

Ключевые слова: сценарии информационно-коммуникативных событий, генерирование речевых форм, участник, информационное пространство, коммуникативное пространство

Key words: information and speech events' scenario, speech form generation, participant, information field, communicative space.

УДК: 804.0:801.1

Пятым этапом реализации любого сценария [1 – 7] является генерирование речевых форм. Общая природа этого этапа у всех сценариев такова: инициатор внутренне генерирует возможные речевые формы и прогнозирует характер их воздействия на коммуникативное пространство, внутренне или внешне репетирует последующие речевые действия.

На этом этапе происходит внутренняя вербализация состояния картографированного и смоделированного коммуникативного пространства. Направления, маркеры, реперы, каналы получают вербальные формы намерений. Поскольку речевые формы существуют в сложной системе, подключение к ресурсам языка продуцирует дополнительные возмущения ин-

формационного и коммуникативного пространства, включая в сценарий еще одну систему соизмерения. На этом этапе язык становится еще одним полноправным участником сценария, который оказывает влияние на других и испытывает влияние на себе. При этом вербальные формы, продуцируемые объектами информационного пространства, гипотетически взаимодействуют. Поток гипотез существует внутри информационного объекта, поэтому эти гипотезы трудно поддаются внутренней проверке и кумулятивно умножаются, одновременно с чем происходит отсев, развитие тех или иных гипотез, и некоторым образом (в основном с опорой на собственные внутренние представления о целесообразности, непротиворечивости, о том как всё в той или иной степени удачно сложится) отбирается одна или круг вероятных гипотез. Таким образом, диалог существует еще до его воплощения и ход его протекания может существенно влиять на коммуникативные установки, корректировать карты, модели, себя, представления о собеседнике, а также заполнять информационную недостаточность, переводя гипотетические ответы в единственно возможные и тем завершая сценарий. На этом этапе совмещаются адекватность понимания ситуации и уровень языковой компетенции: может быть адекватное понимание, но неумение сказать, либо неадекватное понимание при наличии блестящего красноречия, либо (в идеале) адекватное понимание и развитая языковая способность, но нередко случаи неадекватного понимания и косноязычия.

В поле действия сценария вовлекается арсенал языковых средств, которые соотносятся с характеристиками ситуации и в результате проверки оптимальности сочетания отбраковываются или намечаются к использованию. Критерии такого отбора обычно субъективны, предположения о возможных действиях собеседника могут в разной степени соответствовать действительности, но, как правило, иллюзорны. Тем не менее на этом этапе осуществляется вербальное взаимодействие с неким образом собеседника. Поскольку участники этого процесса проектируют словесную сторону коммуникации вне реального взаимодействия, на этом этапе возможно образование противоречий, конфликтов, установок на предвзятую коммуникацию. Интенсивность этого взаимодействия зависит от множества факторов, среди которых – острота потребности инициатора в совершении операций с информацией и актуальность инициатора как участника коммуникативного пространства.

Особенности этого процесса для конкретных сценариев проявляются следующим образом.

Сценарий допроса

Специфика сценария допроса состоит в том, что инициатор строит внутренний диалог с воображаемым собеседником. Он генерирует не только и не столько свои вопросы, сколько возможные ответы на них. Вследствие этого инициатор становится заложником собственных ответов. Он подбирает оптимальные пути получения этих ответов. Учитывая то, что инициатор не знает, какой из ответов он услышит в реальности, он вынужден ориентироваться на некоторый ряд возможностей, которые заставляют его подгонять вопросы под возможные ответы, а ответы – под возможные вопросы. При широком спектре ответов он пытается найти универсальный вопрос, а при едином ответе, соответственно, широкий спектр вопросов. Таким образом, действия инициатора на этом этапе сводятся к поиску соответствий между двумя неопределенными областями или неопределенной и определенной областями.

Этот поиск соответствий может осуществляться различными способами: соотношением семантически и типологически сходных форм, конкретизацией этих форм или их размытием. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится монотематичной, алгоритмичной и, как следствие, клишированной.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор многократно прокручивает в сознании одни и те же вопросы и ответы, что называется, находится в плену вопроса.

Генерируемые речевые формы не отличаются разнообразием. Они сводятся к однотипным вопросительным конструкциям или их последовательностям со строгим взаимодействием элементов: Где вы были? Что вы там делали? Кто это может подтвердить? Кем он вам

приходится? Кто мог там быть? Куда ты дел бриллианты убиенной тобою тещи? и т.п. В этом смысле сложно и витиевато построенные вопросы свидетельствуют о реализации сценария провокации. Кроме того, в состав генерируемых форм входят речевые формы оценки ответа.

Сценарий отчета

Специфика сценария отчета состоит в том, что инициатор стремится максимально охватить имеющуюся у него по данному вопросу информацию, осветить все тематическое поле, связанное с тем, о чем он собирается говорить. Это актуализирует для него большой объем мусора и второстепенных фактов. В результате этого инициатор оказывается заложником внутренней организации этого тематического поля и его ассоциативных связей. При этом некоторые формальные ограничения (время, формат) требуют от него сообщать информацию избирательно.

Отсев информации может осуществляться различными способами. Инициатор может брать за основу прямолинейную логику организации сообщения или кружение в ассоциациях. Сложность же внутренней организации информации и зависимость инициатора от этой организации приводит к тому, что избранный путь используется непоследовательно: в логику включаются те или иные ассоциации, а ассоциации независимо от него выстраиваются в логическую цепь.

Вследствие действий инициатора его внутренняя речь становится монотематичной, но эта монотематичность задана в очень широких границах. Поэтому ему очень сложно найти подступ к теме, что, в частности, приводит к генерированию всевозможных адекватных или произвольных оправданий (Я вынужден буду сократить. Я не знаю с чего начать. Я планировал сообщить другое, но сейчас понял, что нужно сказать вот что).

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что на этом этапе он выбирает одну из двух возможностей: сообщить информацию максимально сжато без всяческих комментариев (как данность) либо выстраивать сложную систему мостов и подходов, которые топят суть информации в череде оговорок и уточнений. В подавляющем большинстве случаев удержать равновесие между этими возможностями не удается.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить констатации (Волга впадает в Каспийское море. Доверие к банкам в России как было, так и остается) и номинативы (Вот это реальность. Это важная и очень ценная информация), а также вербальные средства выражения последовательности изложения (Кстати... Далее... К тому же... При этом... Вот...).

Сценарий миротворчества

Специфика сценария миротворчества состоит в том, что на этом этапе инициатор производит отбор и гипотетическую апробацию языковых средств, способных так или иначе повлиять на разрешение конфликта. Ориентируясь не на предмет конфликта, а на сам конфликт, инициатор стремится подобрать формы, максимально комфортные для всех участников конфликта, в этом состоит двойственный характер генерирования речевых форм: с одной стороны, он должен оставаться над схваткой, а с другой – не может не присоединиться к одной из сторон. В результате он вынужден отбирать нейтральные по отношению к предмету спора речевые формы и одновременно актуализировать чрезвычайную необходимость успокоения.

Это может осуществляться различными способами: запугивать нежелательными последствиями ссоры и рисовать светлые перспективы примирения; нивелировать или, напротив, преувеличивать значимость тех или иных аспектов спора; прямо отвергать противоречия или залатывать их допущениями; оценивать степень правоты сторон или утверждать бессмысленность подобной оценки. Вследствие этих действий внутренняя речь инициатора становится биполярной, он так или иначе раздваивается и между сторонами конфликта, и между

тем, что хорошо и плохо, и между тем, что есть и что будет. Однако между полюсами намечается некий центр, который положительно оценивается обеими сторонами.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что он ищет точки соприкосновения, способы устранения биполярности, актуализирует речевые формы, не допускающие оценок хорошо/плохо, правильно/неправильно, в том числе задающие принципиально иную систему координат (Может, лучше чаю попьём? Да оба вы умны, но Перельман умнее).

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить формы прямого и косвенного речевого подталкивания, актуализации совместных действий и присоединения (давайте), фиксации желательной или принципиально альтернативной реальности.

Сценарий провокации

Специфика сценария провокации состоит в том, что на этом этапе инициатор производит отбор и гипотетическую апробацию языковых средств, способных активировать реагента, подтолкнуть его к нужным инициатору действиям. Инициатор подбирает речевые формы, лишаящие реагента покоя и находящиеся в семантическом поле желаемого действия.

Это может осуществляться различными способами: прямым указанием на действие, также прямым указанием на желательность или необходимость действия и озвучиванием информации, прямым следствием из которой является действие. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится центрированной на желательном действии и шире – на предикативной сфере. Генерируемые речевые формы так или иначе сводятся к побуждению, имплицативно предполагают выполнение реагентом нужного инициатору действия.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор перестает видеть возможность невыполнения реагентом необходимого ему действия: вся масса генерируемых форм, направленных на обеспечение успеха провокации, создает у инициатора иллюзию гарантированного успеха. Поэтому он не ищет каких-либо новых, оригинальных способов побуждения.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: повторяющиеся императивы, модальные операторы необходимости, условные и причинно-следственные конструкции, в том числе с компонентами запугивания нежелательными следствиями бездействия, вопросы с явной императивной семантикой (А кто у нас сегодня дежурит?), констатации желаемого действия как совершенного (Ты пойдешь и принесешь...).

Сценарий самонавязывания

Специфика сценария самонавязывания состоит в том, что инициатор актуализирует систему социальных стереотипов успешности. Он концентрируется на этой системе и переводит её на себя вне зависимости от того, соответствует ли он данным стереотипам. Общая семантика речевых форм состоит в констатации наличия у себя признаков, положительно оцениваемых в рамках коллектива. При этом элементы констатации связаны по принципу тематически неограниченного нанизывания. Повествование инициатора преимущественно ориентировано на перечисление действий, а не состояний, признаков: ему важно представить себя в качестве активного субъекта информационного пространства. Следует отметить, что в центре представлений о социальной успешности лежит материальный план (квартира, машина, дача, яхта, ремонт), фокусом которого являются деньги. Однако инициатор этого сценария не заботится о том, чтобы внешние проявления как-то соответствовали его рассказу (он может рассказывать о выигрыше миллиона, будучи одетым в лохмотья).

Это может осуществляться различными способами: противопоставлением признакам неуспешности, присоединением к эталонам стереотипа, доказательством и демонстрацией соответствующих стереотипам атрибутов. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится предельно эгоцентричной, строится и вращается вокруг одного только «я». В силу этого у внутренней речи нет ни начала, ни конца. Даже если остановить её внешнее вербальное выражение, генерирование речевых форм во внутренней речи не прекращается.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор начинает считать себя исключительным эталоном успешности, полностью соответствующим её стереотипам, и утрачивает способность адекватного восприятия коммуникативной ситуации.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: повествовательные конструкции типа «А я...», «А у меня...»; речевые формы, обеспечивающие возможность продолжения такого же типа поведения (перечислительную интонацию, интригующие заявления, отсылки к последующим и предшествующим элементам текста), которые не позволяют оборвать его на полуслове, а также речевые формы, структура и семантика которых позволяет сконцентрировать на себе внимание и вовлечь реагента в коммуникативный процесс исключительно как слушателя; оценочную лексику, причем то, что относится к другим людям, эксплицитно или имплицитно оценивается как посредственное, ординарное или низкокачественное, плохое, дешевое, а то, что относится к самому инициатору, – как неординарное, хорошее, качественное, дорогое; фактическую четкость (указывается марка автомобиля и каждого из аксессуаров, цена квартиры и её интерьера, не только год и месяц, но и день, и час совершения положительного поступка, подробный перечень свидетелей с комментариями их ценности). У самонавязывателей со стажем, как правило, есть коронная зацепка, позволяющая переключить внимание на себя («Вот когда я лежал в психбольнице...», «Прилетаю я как-то на Таити...», «А вот в моей молодости...»), или знание актуальных для собеседника тем, больных, слабых мест постоянных собеседников (тема армии в институте, успех собеседника, о котором всегда можно напомнить). Одним из распространенных способов самонавязывания является рассказ об акте самонавязывания, совершенном в адрес инициатора актуальными существами или предметами (известными людьми, пришельцами, рыбами, компьютером и т.д.).

Сценарий отпугивания

Специфика сценария отпугивания состоит в том, что инициатор актуализирует набор стереотипов нежелательного продолжения контакта и переносит этот набор на себя. Общая семантика речевых форм сводится к демонстративному отрицанию у себя признаков, которые лежат в основе общения в группе или контактного взаимодействия как такового. Отбираемые речевые формы в рамках этого сценария диссонируют (контрастируют) с принятыми в данном коллективе, в данной ситуации («Ваши эти фонемки и морфемки» на круглом столе по вопросам лингвистики, «Мы будем бандитов мочить в сортирах» из уст президента с экрана телевизора и т.п.).

Это может осуществляться различными способами: рассказами о своих прошлых злодеяниях или констатациями своих опасных признаков («Сколько я порезал, сколько перерезал», «У меня дракон и я собираюсь его применить»). Коммуникативной функцией этих форм является создание состояния тревожности и установки на подчинение. Эту функцию могут выполнять и нейтральные формы, которые в определенном контексте приобретают пресуппозиции отрицательных признаков, силы и значительности говорящего («Куда спешишь, пацанчик? Ты чего такой шустрый?»).

Вследствие этих действий его внутренняя речь становится антиномичной, противопоставленной эталонам, в рамках которых находится реагент. Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор заражается описанием, заданным генерируемыми речевыми формами, внутренне становится тем, кто категорически противопоставлен нормам.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: широкое использование вербальных и прямо выраженных угроз, сформулированных с использованием форм будущего времени и фиксирующих общую семантику нежелательности и опасности контакта с говорящим. Эти угрозы, как правило, не детализированы и предполагают широкий спектр интерпретации («Я всё маме расскажу», «Я устрою вам такое, что мало не покажется», «Не потерплю! Разорю!», «Я тебя научу свободу любить», «Ты у меня на лекарства работать будешь», «Вы кровавыми слезами умоетесь», «Узнаете, кто здесь главный»,

«Мы будем бандитов мочить в сортирах», «Я вам покажу кузькину мать» и т.д.); указания на опасные признаки инициатора (Ты меня не зли, я и так злой); использование каскадов вопросов, так или иначе выражающих угрозу («Ты что такой борзый? А? Не слышу! Повтори, если не жалко! Что-что ты сказал? Ты понимаешь, кому ты это говоришь? Тебя, что не учили, как со старшими разговаривать? Я сейчас тебя быстро научу!» и т.д.); мантрообразные, заклинательные формулы и слова, коннотации которых в сознании представителей данного языкового коллектива в данный отрезок времени тесно и однозначно связаны с семантическими комплексами тревоги, опасности, страха («Зайдите ко мне!», «Стоять!», «В глаза смотреть!», партия, ЕГЭ, КГБ, черная рука, «Один мальчик пошел ночью через парк», «В одном черном-черном доме есть черная-черная дверь»).

Сценарий состязания

Специфика сценария состязания состоит в том, что инициатор эксплицирует актуальную для него иерархию в таком виде, в котором он занимает более высокое положение. При этом он обращает особое внимание на типы, характер взаимодействия между ступенями этой иерархии. Его интересуют, в первую очередь, пути перехода с одного этажа на другой. Суть действий инициатора сводится к переименованию компонентов и отношений иерархии, с точки зрения желаемого им положения.

Это может осуществляться различными способами: путем устранения, перемещения компонентов вверх или вниз, переосмысления функций, ролей, приписыванием или акцентированием существенных для иерархии признаков. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится оценочно поляризованной: то, что связано с победой инициатора, оценивается как реальное, закономерное, безусловно положительное, а то, что не соотносится с его победой – как нереальное, случайное, отрицательное. При этом сама иерархия представляется не как перспективная, желательная, возможная в будущем, а как существующая в прошлом и настоящем. Таким образом, несмотря на соревнование, речь здесь преимущественно ретроспективна.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что он создает некорректный сопоставительный портрет, смысл которого сводится к формуле «любой хуже меня».

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить:

- 1) оценочные средства и сравнительные конструкции, при этом положительные оценки относятся к сфере инициатора, а отрицательные – к сфере конкурента: «У меня много опыта», «Он в сравнении со мной ничего не значит»; 2) противопоставления с положительной или более высокой оценкой себя: «Я это могу, а ты нет», «Я окончил институт, а его выгнали»; 3) констатацию безвыходности ситуации для реagenta, его полной бесперспективности: «Ты никогда этого сделать не сможешь», «Тебе это не дано»; 4) перетолковывание, установление связи любой информации с нужной иерархией, при этом инициатор не обязательно заботится о логичности этой связи: «Мою победу предсказывал Нострадамус», «Я родился в Рязани, а рязанские всегда выигрывают», «Ты на прошлой неделе десять рублей потерял, поэтому куда тебе руководить»; 5) речевое давление на собеседника, перебивание его: «Да замолчи уже», «Все устали тебя слушать», «Сколько можно об одном и том же»; 6) апелляцию к слушателям, перетягивание их на свою сторону, что предполагает положительную оценку слушателей: «Посмотрите, люди добрые, какой это человек», «Вы, как просвещенные люди, интеллектуальный цвет, можете меня оценить по достоинству»; 7) прямые или косвенные оскорбления и унижения, клевету: «С тобой, уродом, никто не разговаривает», «Кто бы говорил...»; 8) дискредитацию ранних состояний иерархии: «И этот человек когда-то...», «Что мы имели? Разброд и шатание»; 9) игнорирование нежелательной информации: «Это к делу не относится»; 10) использование средств обострения противопоставления, путем подчеркивания антонимии и гиперболизации: «Я всё для вас делаю, а они ничего»; 11) приписывание себе функции арбитра: «Я всё решил. Так и будет», «Здесь я устанавливаю правила»; 12) номинации награды или финального результата, которые выполняют функции магического заклинания, выдают желаемое за действительное и внедряют в сознание инициатора и окружаю-

щих, что соревнование уже выиграно: «На месте президента я ...», «Эта медаль предназначена для меня», «Меньше, чем первое место, меня не устраивает».

Сценарий подчинения

Специфика сценария подчинения состоит в том, что инициатор эксплицирует актуальную для него иерархию в таком виде, в котором он занимает более низкое положение. Инициатора интересует не характер взаимодействия элементов иерархии, а характер собственного взаимодействия с иерархией и тем, что находится вне неё. Он стремится устранить несоответствие между высокими требованиями иерархии и утратой (неимением) способности им следовать.

Это может осуществляться различными способами: самоустранением, переосмыслением своей функции, демонстрацией несоответствия занимаемому месту, перетаскиванием других элементов на собственное место. Суть всех этих действий едина – экспликация информации о необходимости понижения своего статуса. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится эгоцентричной со знаком минус. Он генерирует речевые формы, в которых отрицается наличие у него свойств, необходимых иерархии.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор накапливает отрицательные характеристики в отношении себя и проецирует их на требования иерархии таким образом, что признаки собственного несовершенства превращаются в признаки совершенства иерархии, даже если у иерархии таких признаков никогда не было. Так инициатор убеждает себя в несоответствии занимаемому месту всё больше и больше.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить:

- 1) оценочные средства и сравнительные конструкции, при этом отрицательные оценки относятся к сфере инициатора, а положительные – к сфере предполагаемого заместителя своей нынешней функциональной роли: «У него много опыта, больше сил, он лучше разбирается в проблеме», «Я в сравнении со ним ничего не значу»;
- 2) противопоставления с положительной или более высокой оценкой других: «Я это сделать не смогу, а он сделает», «У него три высших образования, а у меня два»;
- 3) констатации безвыходности ситуации для инициатора, её полной бесперспективности: «Я никогда этого сделать не смогу», «Мне этого уже не дано»;
- 4) негативные оценки перспективы сохранения нынешних отношений: «Если я останусь, вам всем будет хуже»;
- 5) подчеркивание завышения оценки инициатора со стороны других: «Вы слишком хорошего мнения обо мне»;
- 6) репрезентацию прошлых заслуг как неактуальных: «Да когда это было? То-то, что давно», «Когда-то я что-то, может быть, и мог, а теперь...»;
- 7) стереотипные конструкции: «Все рано или поздно уходят», «Всё проходит, всё меняется»;
- 8) пассивное речевое поведение, право слова передается другому (с разной степенью настойчивости): «Что вы меня спрашиваете?», «Сколько можно меня спрашивать? Я ничего толкового уже не скажу», «Да решайте сами, наконец!»;
- 9) апелляции к слушателям, за счет которых производится перетягивание их на свою сторону, что предполагает положительную оценку слушателей: «Посмотрите, люди добрые, на что я похож», «Вы, как просвещенные люди, интеллектуальный цвет, видите, что я не справляюсь»;
- 10) игнорирование своих позитивных, востребованных в иерархии качеств: «Это к делу не относится», «Так получилось случайно», «Это не моя заслуга»;
- 11) средства обострения противопоставления путем подчеркивания антонимии и гиперболизации: «Мне сто лет в обед», «Все мои силы уже потрачены»;
- 12) приписывание обстоятельствам функции арбитра: «Здесь уже ничего не поделаешь», «Время диктует свои правила»;
- 13) номинации желаемого результата, которые выполняют функцию магического заклинания, выдают желаемое за действительное: «Моё дело – бумажки перекладывать», «Я только с капустой справляюсь», «Наконец-то я обрету свободу». Композиционно речь строится как некорректный сопоставительный портрет: инициатор принижает себя и выпячивает других, отдельных людей или обстоятельства. Если инициатор реализует модель преемничества, его речь содержит максимальное число упоминаний имени преемника, выполняющее магическую функцию: это имя используется к месту и не к месту, часто сопровождается цитацией. Инициатором продуцируются фразы, смысл

которых сводится к подведению итогов: «Мной много сделано», «Много хорошего было в нашей работе». Прощальную речь инициатор готовит с обязательным использованием извинений: «Если что-то не так, простите меня».

Сценарий создания

Специфика сценария создания состоит в том, что тема, соответствующая генерируемым речевым формам, не достаточно определена, не до конца сформировалась, что приводит к их вариативности, размытости выражаемого содержания. Инициатор вынужден ходить вокруг да около, не зная точно, рядом с чем он ходит. Он потенциально захватывает в свой арсенал речи большое количество языковых возможностей, изначально базируется на огромном спектре тематических планов. Сам процесс генерирования в силу этого постоянно замедляется, потому что мысль «я скажу то-то и то-то» часто сталкивается с мыслью «а если я скажу неправильно».

Но эта же неопределенность играет роль катализатора и требует продолжения попыток, в результате которых из совокупности неопределенных утверждений выбираются такие, которые в его представлении являются более определенными. При генерировании речевых форм инициатор оказывается между двух огней: он точно не знает, что он должен сказать, но уверен в необходимости речи. Изначально размытый семантический план ставит его перед необходимостью привлечения каких-то конкретных реалий, которые уравнивали бы неопределенность. В этот момент он обращается к общеизвестным жизненным категориям, притягивает сравнения.

Следствием обращения к жизненному опыту, совмещенному с неясностью эталона, который позволяет оценить адекватность генерируемых речевых форм выражаемому содержанию, становится создание притч, стихов, высказываний афористического характера, соответствующих иным (эстетическим, риторическим и др.) эталонам. Нужно подчеркнуть, что само по себе писание стихов, притч, проповедей и т.п. не означает, что автор является инициатором данного сценария. С другой стороны, инициатор может опираться на эталоны аксиом и формулировать законы, основанные не столько на логике, сколько на вере и убежденности.

Таким образом, не зная точно, что он хочет сказать, инициатор хватается за всё подряд и тем самым отражает внедрение зарождающейся темы в структурированные единицы информационного пространства. Однако при всей широте тематического разброса у инициатора есть сдерживающий фактор. Им является страх сказать что-либо уже известное или присоединиться к тем концепциям, против которых он выступает. Этот страх еще больше затрудняет речь, потому что учесть всю сумму уже сказанного никто не в состоянии. Общий смысл действий инициатора сводится к тому, чтобы выразить нечто малопонятное, ранее не высказанное.

Это может осуществляться различными способами. Он может либо попытаться максимально отвлечься от существующих вербальных стереотипов, поместить себя в подобие вербального вакуума, либо, наоборот, попытаться учесть и задействовать их максимально большое количество. Вследствие этих действий его внутренняя речь становится фрагментарной и разорванной. Он пытается найти некую опору, но не знает, где ее искать.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что инициатор оказывается заложником семантической неопределенности и никак не обозначенного своего места в ней.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: 1) начальную семантическую размытость высказываний, уводящую в дурную бесконечность интерпретации, афористичность; 2) отсутствие строгой логики в связи между единицами, замещение её ассоциативными, эстетическими связями; 3) элементы противопоставления норме; 4) ориентацию на универсального адресата (стремление говорить для всех без учета потенциального количества слушателей, то есть изначально не учитывается, будет речь предназначена одному человеку или миллиону); 5) семантические повторы с перефразированием;

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

**ГЕНЕРИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ФОРМ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ
СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ**

б) нетривиальные, алогичные сочетания слов; 7) совмещение прямого и переносного значения, употребление слов в слабых семантических позициях, когда значения, в которых они используются, не определены контекстами; 8) отсутствие внимания к этикетным формулам; 9) постоянное использование абсолютных категорий (подлинный человек, истинная вера); 10) полностью неопределенный модальный план во временном, пространственном, соотносимом с реальностью представлении; 11) отсутствие внимания к композиции, формальным средствам выражения метатекстовых связей; 12) отсутствие внимания к формальному выражению авторского «я» и к эгоцентрическим словам, фиксирующим говорящего; 13) общую концентрацию на семантическом поле «созидание»; 14) активное использование средств вовлечения и присоединения (мы с вами).

Сценарий уничтожения

Спецификой сценария уничтожения является то, что инициатор изначально находится в ситуации противоречия: он должен сделать так, чтобы об уничтожаемом объекте картины мира не осталось никакой информации, но для этого он вынужден о нем говорить. Основное из следствий этого противоречия – избегание прямых номинаций стираемого объекта. Кроме того, оказавшись в рамках редуцированной картины мира, он вынужден использовать ограниченный набор языковых средств и тем. Суть действий инициатора сводится к выталкиванию некоего фрагмента информации за пределы коммуникативного пространства.

Это может осуществляться различными способами, но основными являются следующие: замалчивание, негативное перефразирование и очернение.

Вследствие этих действий его внутренняя речь становится клишированной, однотипной и зацикленной на одном предмете. Выход за пределы этих рамок приобретает характер немотивированного провала, необъяснимого с точки зрения действительного положения вещей. Инициатор не может посмотреть на свою картину мира со стороны, поэтому оказывается лишен возможности просчитать реакцию на сказанное им – он целиком убежден в правильности средств, которые отбирает, а возникающее при этом непонимание воспринимает агрессивно, как проявление вредного воздействия уничтожаемого объекта. Инициатор оказывается заложником семантической определенности, что, в свою очередь, порождает примитивизацию средств. Он лишен возможности использовать поэтические изыски.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к отсеканию естественно сложившихся связей уничтожаемого объекта с другими, которое ориентирует инициатора строго на синхронию. Он отсекает от себя все потенциальные возможности обращения к тем сферам, которые могут разрушить созданную им узкую картину мира. Поэтому он не может обращаться к прошлому, в том числе к своему жизненному опыту, не может делать выводы из результатов предшествующих коммуникативных событий. В этом смысле он бьется как птица, сидящая в им самим созданной клетке.

Инициатору не с чем сравнить генерируемые речевые формы, поэтому эталоном становится исключительно собственная убежденность. В лучшем случае он может гипотетически апробировать речевые формы только на себе (повышают ли они его собственную убежденность), а поскольку он заранее убежден, то каждой эффективной, с этой точки зрения, речевой формой он еще больше поработается. Он оказывается в жестком плену личного речевого опыта, полностью теряет мобильность, способность к адекватному переключению и возможность реагировать на окружающий речевой контекст.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: 1) начальную семантическую конкретность, заставляющую толочься на одном месте; 2) примитивную строгую логику; 3) стремление к соблюдению нормы (он думает не «а верно ли я сказал, с точки зрения истины», а «правильно ли я сказал, с точки зрения нормы»); 4) отсутствие ориентации на адресата (он ставит себе прямые вопросы, на которые сам и отвечает); 5) постоянные буквальные повторы или повторы с примитивным перефразированием; 6) тривиальные, устойчивые сочетания слов; 7) стремление к исключительно прямому значению слов; 8) повышенное внимание к этикетным формулам; 9) постоянное использование

абсолютных категорий (подлинный человек, истинная вера); 10) полностью определенный модальный план во временном и пространственном отношении (здесь и сейчас); 11) отсутствие внимания к композиции, формальным средствам выражения метатекстовых связей; 12) постоянное формальное выражение авторского «я» и стремление к эгоцентрическим словам, фиксирующим говорящего; 13) трансформированное, искаженное или перифрастическое наименование уничтожаемого объекта; 14) общую концентрацию на семантическом поле «разрушение»; 15) отсутствие средств вовлечения и произвольное использование средств отторжения.

Сценарий эксперимента (игры)

Специфика сценария эксперимента состоит в том, что инициатор вынужден рассматривать свой и чужой предшествующий речевой опыт как отрицательный эталон, а также искать причины, которые уже не позволяют применить ранее считавшиеся эффективными речевые формы. Поиск этих причин совмещается с переделыванием речевых форм в новые.

Это переделывание может осуществляться различными способами: произвольной перетасовкой, переразложением, внедрением одной формы в другую, разрушением иерархий, изменением контекста. Здесь могут быть представлены все способы деформации. Инициатор осуществляет насилие над речевыми формами.

Вследствие этих действий его внутренняя речь становится калейдоскопичной. Она постоянно непоследовательно, хаотично трансформируется, сохраняя свою относительную целостность лишь под влиянием энергетически перенасыщенной темы, которая притягивает к себе причудливые комбинации различных речевых форм и их фрагментов. В таком состоянии инициатор не может ничего сгенерировать последовательно: семантический центр в виде доминирующей темы свободно дрейфует в пространстве иных тем. Но доминирующая тема является залогом того, что вся совокупность возможностей не распадается на отдельные части.

Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что слова, связанные с доминирующей темой, выражающие её признаки, разбрасываются в стороны других тем. Тем самым предопределяется использование этих слов при экспликации иных тем. Сама же отнесенность этих слов к одной теме обеспечивает монотематичность речи при всей широте охвата и случайности взаимодействий. С дугой стороны, такое разбрасывание ослабляет связь этих слов друг с другом и способствует дальнейшему избавлению от стереотипов.

Хаотичное перемешивание случайных компонентов неподвластно контролю со стороны инициатора, притом, что семантический центр, то, что является предметом эксперимента, задает именно инициатор. Наиболее причудливые из хаотично складывающихся комбинаций инициатор фиксирует в памяти. Из этих комбинаций инициатор может составлять различные по объему наборы, которые объединяются тождеством центральной темы, но, в сущности, представляют собой именно набор снимков, сделанных инициатором в процессе перемешивания.

Получаемые речевые формы могут быть различными – от официальных до художественных, но ни одна из них не будет последовательной и полной. Все эти формы носят следы хаотичного взаимодействия. Поскольку прошлые представления его не интересуют, а то, что может получиться, ему не известно, он выпадает из времени и замирает в синхронии. Тем не менее он соотносит генерируемые речевые формы с тем, что было на момент начала сценария.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: 1) аномальную сочетаемость слов; 2) отсутствие формальной логики; 3) отсутствие четкой последовательности; 4) тенденцию к противопоставлению норме; 5) выпадение из коммуникативного контекста; 6) отсутствие ориентации на адресата; 7) постоянные буквальные или трансформированные повторы; 8) приписывание словам несвойственных им значений и смыслов; 9) отсутствие этикетных формул или использование их не впопад; 10) неопределенный модальный план во временном и пространственном отношении; 11) отсутствие внима-

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

ГЕНЕРИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ФОРМ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

ния к композиции, формальным средствам выражения метатекстовых связей; 12) формальную невыраженность авторского «я» и отсутствие эгоцентрических слов.

Сценарий мимикрии

Специфика сценария мимикрии состоит в том, что инициатор отбирает речевые формы, способные служить маской для реальных событий, свойств, отношений. Он устанавливает соответствие между тем, что друг с другом не связано, и ищет пути взаимозамены.

Это может осуществляться различными способами: перебором возможных вариантов или подгонкой определенных речевых форм, но в любом случае инициатор стремится сделать так, чтобы зазор между реальностью и способом её выражения и интерпретации был незаметен.

Вследствие этих действий его внутренняя речь становится энантиосемичной. Она выражает одновременно нечто и нечто противоположное, принципиально иное. Такое состояние внутренней речи инициатора приводит к тому, что он раздваивается между двумя реальностями: действительной и сконструированной самостоятельно.

Среди конкретных особенностей генерируемых речевых форм можно отметить: 1) подмену смысла речевых единиц; 2) использование туманных категорий; 3) замалчивание информации, способной дезавуировать подмену; 4) расстановку акцентов; 5) актуализацию путей отступления и речевых реакций на возможную блокировку; 6) использование слов и оборотов, подчеркивающих действительность того, что говорится (несомненно, нельзя возразить).

В заключение следует подчеркнуть, что хотя характер продуктивности, разнообразия генерируемых человеком речевых форм зависит от его речевых способностей, в любом случае учет специфики речевых форм, генерируемых в рамках различных сценариев, помогает человеку вести себя адекватно ситуации, значительно облегчает задачу поиска средств выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Сценарии информационно-коммуникативных событий (общее определение) / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № I-2(1). – С. 58-64.
2. Шунейко, А. А. Целевые установки сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № II-2(2). – С. 86-98.
3. Шунейко, А. А. Предпосылки реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № III-2(3). – С. 93-97.
4. Шунейко, А. А. Участники сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № IV-2(4). – С. 76-89.
5. Шунейко, А. А. Втягивание участников как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № I-2(5). – С. 55-61.
6. Шунейко, А. А. Ориентация как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № II-2(6) – С. 46-53.
7. Шунейко, А. А. Моделирование как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № III-2(7). – С. 57-64

Бурашников Д. Ю.
D.Yu. Burashnikov

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ КУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ГОРОДОВ: БЛАГОВЕЩЕНСКА (РОССИЯ), ХЭЙХЭ (КНР)

INTERACTION OF TWO CULTURES IN BORDER CITIES: BLAGOVESHCHENSK (RUSSIA), HEIHE (PRC)

Бурашников Дмитрий Юрьевич – преподаватель БКСК, аспирант кафедры истории Дальневосточного государственного аграрного университета (Россия, Благовещенск); 675009, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Амурская, 106, кв.1.

Mr. Dmitriy Yu. Burashnikov – teacher, City of Blagoveshchensk Construction and Utilities College, PhD Candidate at the Department of History, the Far Eastern Agricultural University (Russia, Blagoveshchensk); 675009, the Amur Region, city of Blagoveshchensk, 106, Amurskaya st., apt. 1

Аннотация. В статье изложены основные исторические этапы взаимодействия двух приграничных городов России (Благовещенск) и Китая (Хэйхэ) в XX веке. Рассматривается специфика социокультурного диалога между российской и китайской сторонами.

Summary. The paper reviews the main stages in the history of interaction of two border cities: Russia's Blagoveshchensk and China's Heihe in the 20th century. An outline of the current stage of the Russian-Chinese social cultural dialogue is presented.

Ключевые слова: взаимодействие, культура, диалог, обмен, сотрудничество, приграничный.

Key words: interaction, culture, dialogue, exchange, cooperation, border.

УДК 341.232.7:911.375

В настоящее время возросло значение всесторонних связей России и Китая как близкого соседа России и крупнейшего государства мира. При большом количестве научных работ, в которых рассматриваются отдельные аспекты взаимодействий России и Китая в XX веке, нет системного освещения взаимосвязей двух национальных культур, которое бы позволило дать ключ к пониманию взаимодействия национальных культур двух государств. В статье предпринимается попытка выявить основные формы, репрезентирующие культурное сотрудничество в пространстве приграничных городов (Благовещенск, Хэйхэ).

Культурный обмен – неизбежный продукт экономического, политического, социокультурного развития, необходимый для выживания и развития любой цивилизации. Лу Лэй в автореферате «Взаимодействие национальных культур России и Китая в XX веке» отмечает, что в процессе взаимодействия различных культур происходит рациональный отбор, позволяющий в максимальной степени сохранять национальные культурные особенности, впитывать все полезное из чужих культур, изучать традиции народов, создавать условия для гармоничного развития взаимоотношений между ними [3, 18]. Поэтому целесообразно рассмотреть аспекты межкультурных взаимодействий двух соседних стран, выявить основные формы диалога между двумя приграничными городами.

Следует выделить и описать основные модели исторически складывающегося культурного взаимодействия между приграничными городами Благовещенском и Хэйхэ в XX веке на государственном и региональном уровнях: модель равносторонних связей, конфронта-

Бурашников Д. Ю.

**СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ КУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ГОРОДОВ:
БЛАГОВЕЩЕНСКА (РОССИЯ), ХЭЙХЭ (КНР)**

ционную модель и модель добрососедских отношений. Хронологические рамки первой модели равносторонних связей двух империй определяются серединой XIX – первыми десятилетиями XX века. «С первых лет основания Благовещенска его население активно устанавливало торгово-экономические связи с китайским населением деревни Сахалян (ныне – Хэйхэ), которая с конца XIX века фактически выросла до уровня города. Там специально для поставок в Благовещенск строились и развивались ремесленные производства и спиртоводочные заводы. Десятки тысяч китайцев переселялись на русский берег в поисках работы: более 30 тысяч было занято на приисках, около 10 тысяч занимались ремеслами и торговлей в Благовещенске. Наличие льготного таможенного обложения (принцип порто-франко) с практически беспошлинным ввозом продукции через границу открывало широкие возможности для предпринимателей и торговцев провинции Хэйлунцзян сбывать свои товары на российских рынках. Бесперебойно работала Благовещенская таможня, тысячи китайских мигрантов беспрепятственно получали проходные свидетельства за очень небольшую плату (50 коп.). К концу XIX века между российским Дальним Востоком и китайской провинцией Хэйлунцзян сложились добрососедские отношения. Приграничное население имело возможность беспрепятственно перемещаться в ту или иную сторону через границу, что способствовало осуществлению не только экономических, но и культурных связей, сотрудничества двух приграничных городов» [5, 58]. Модель конфронтационных отношений двух односистемных государств в условиях «холодной войны» (1960 – 1990 годы) обуславливается жестким идеологическим и политическим противостоянием между странами, вплоть до вооруженных столкновений, и началом нормализации отношений в результате перехода к реформам в России и КНР. Процесс становления модели добрососедских отношений двух государств (1990 – настоящее время) обусловлен распадом СССР и созданием СНГ. В этот период активизировалось стремление к взаимовыгодному сотрудничеству двух государств, которые проявляли политическую волю к превращению конструктивных партнерских отношений в стратегическое партнерство в XXI веке. Эта модель взаимодействия России и Китая – основа приграничного сотрудничества в экономическом и социокультурном пространстве городов Дальнего Востока.

Распад СССР, политическая и экономическая либерализация в России послужили толчком к резкой активизации людских потоков между РФ и КНР. Поток мигрантов был практически не контролируемым, он определялся следующими факторами: открытием границ без соответствующей регламентации порядка их пересечения; несовершенством правовой базы, регулирующей различные формы предпринимательства в России и их налогообложение; ростом безработицы в приграничных районах Китая; принятием Россией положения о безвизовом порядке пересечения границы гражданами КНР. В настоящее время осуществляется активное сотрудничество России с КНР, расширяются связи между приграничными городами в области предпринимательства, торговли, строительства, образования, а также активизируются связи в области культуры и искусства.

Хэйхэ получил статус города в феврале 1993 года, когда городской совет решил аннулировать район Хэйхэ провинции Хэйлунцзян и создал район города Хэйхэ. Город расположен на севере провинции и занимает территорию в 68 тыс. квадратных километров с населением 1.75 млн. человек. Расположен он на русско-китайской границе, разделен с Благовещенском рекой Амур. Это молодой город, развивающийся быстрыми темпами. В докладе мэра города Чжан Цзинчуань на «Неделе провинции Хэйлунцзян в Гонконге» отмечалось, что «история торгово-экономических отношений между двумя городами насчитывает более 100 лет. В истории всестороннего сотрудничества двух регионов приграничные города стали пионерами по пяти основным направлениям: возобновили российско-китайские торговые отношения; создали маршруты приграничного туризма; начали развивать технико-экономическое сотрудничество, международные каналы радиосвязи; стали выполнять операции по международным финансовым расчетам» [2, 2], следовательно, обозначили наиболее перспективные и взаимовыгодные направления сотрудничества.

Транспортно-географическое положение Амурской области и всего Дальнего Востока благоприятствует развитию связей с КНР. Граница Приамурья и Китая протянулась на 1234 километра, а областные центры Благовещенск и Хэйхэ находятся на самой границе между Россией и Китаем. Оба города располагают инфраструктурой, обеспечивающей внешнеэкономическую и социокультурную деятельность. Уникальность их местоположения заключается в том, что они расположены точно напротив друг друга и являются самыми значимыми и многофункциональными приграничными городами.

Сравнивая современный социокультурный потенциал двух городов, мы пришли к выводу, что Благовещенск обладает более высоким потенциалом, который обеспечивается наличием четырех высших учебных заведений, в то время как в городе Хэйхэ – пока только одно высшее образовательное учреждение – педагогический институт. Сеть учреждений культуры и искусства Благовещенска в настоящее время образуют областной Дом народного творчества, 472 клубных учреждения, областные библиотека, театр драмы, Амурский театр актера и куклы, филармония, краеведческий музей, два парка культуры и отдыха, центр по сохранению историко-культурного наследия области. Так как городу Хэйхэ всего 16 лет (со дня присвоения ему статуса города, в то время как Благовещенск в 2006 году отметил 150-летний юбилей со дня своего основания), в нем еще слабо развита структура городских учреждений социокультурного обслуживания, за исключением рабочих клубов, кино, выставочного зала.

Следует рассмотреть специфику диалога культур приграничных городов на современном этапе их развития, так как именно культурное взаимодействие во многом определяет принципы стратегического партнерства между странами. В конце 2000 года в рамках регулярных встреч глав правительств двух стран была образована Российско-китайская комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта [3, 20]. Она признала, что в области образования одним из важных направлений является пропаганда изучения русского и китайского языков, создание центров китайского языка в России и русского – в Китае. Так, например, на территории города Благовещенска существует сеть учебных учреждений по обучению китайскому языку. В программы вузов города (АМГУ, ДальГАУ) включено изучение китайского языка как одного из иностранных языков, а при педагогическом университете существует «школа Конфуция», в которой готовят специалистов-переводчиков. В свою очередь, образование, полученное в России, становится с каждым годом все более популярным среди китайской молодежи. Россия привлекает китайских студентов высоким качеством обучения и относительно невысокой платой. Кроме того, расходы на проживание в России, по сравнению, например, с США и другими западными странами, не так высоки.

Впервые в истории двухсторонних отношений подписан план российско-китайских спортивных обменов, который предусматривает взаимное участие стран в соревнованиях, проведение совместных учебно-тренировочных сборов. В 2006 году по приглашению управления образования города Хэйхэ команда школьников города Благовещенска участвовала во Вторых открытых Всеазиатских легкоатлетических соревнованиях школьников. В рамках соревнований прошел и международный педагогический семинар по обмену опытом преподавания физической культуры. Состоялся Международный турнир детской футбольной лиги, в котором приняли участие 10 команд из разных городов России и Китая. Детские команды из городов Шанхая, Даляня, Хабаровска, Читы, Комсомольска-на-Амуре, Биробиджана, Шимановска, а также сборная районов Амурской области и две команды из Благовещенска («Юность» и «Амур») боролись за победу [1, 29].

В процессе развития культурных связей между двумя странами существует и ряд проблем. На фоне ведущих западных стран, правительства которых направляют ежегодно десятки миллионов долларов на реализацию культурных, образовательных и информационных программ сотрудничества с Китаем, Россия явно отстает. За государственный счет проводятся всего одно-два мероприятия в год, а основной формой российско-китайского диалога в

Бурашников Д. Ю.

**СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ КУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ГОРОДОВ:
БЛАГОВЕЩЕНСКА (РОССИЯ), ХЭЙХЭ (КНР)**

области культуры остаются гастролы. Ежегодно в Китае выступают художественные коллективы, специализирующиеся в основном в области легкого жанра – варьете, цирк и т. д. Из «высоких» форм искусства преобладают балетные труппы и ансамбли классической музыки [3, 21].

В системе культурных связей можно выделить традиционные, событийные и уникальные – единственные в своем роде.

Традиционные – это сложившиеся культурные связи, которые периодически репродуцируются в течение определенного промежутка времени. К ним можно отнести обмены различного рода делегациями двух стран. Например, на праздновании Дня защиты детей в течение пяти лет 600 российских и китайских школьников имеют возможность провести день со своими сверстниками, познакомиться с условиями жизни в другой стране (за последние пять лет в этом мероприятии приняли участие более 8 тысяч детей) [1, 27].

К событийным связям можно отнести гастрольную деятельность театров, филармонических, хореографических и других коллективов как со стороны России, так и со стороны Китая. Они реализуются прежде всего в каком-либо «событии», к которому необходимо готовиться заранее, на него нужно настраиваться. Набирает силу взаимодействие русского и китайского танцевального искусства (гастрольные выступления, открытие совместных русско-китайских балетных школ).

Уникальные связи – это связи, единственные в своем роде. К ним можно отнести кинофестиваль «Амурская осень», проходивший в Благовещенске, в котором была задействована и китайская сторона. Российские артисты театра и кино имеют возможность побывать в соседнем Китае и познакомиться с его культурными особенностями. Приграничное сотрудничество с Китаем способствует развитию взаимоотношений между культурными и просветительскими учреждениями. На постоянной основе обмениваются опытом работы учителя, работники детских дошкольных учреждений. Ежегодно российские и китайские художники имеют возможность несколько дней поработать в соседних городах, проводить международные выставки на сопредельных территориях.

В 2005 году деятельность управления культуры Администрации Амурской области по линии межкультурных связей с Китаем осуществлялась по следующим направлениям:

- поддержка и пропаганда классических видов искусства;
- выявление и поддержка молодых дарований;
- стимулирование народного творчества;
- сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия;
- библиотечное и музейное обслуживание населения;
- развитие межрегиональных и международных культурных связей;
- разработка и реализация правовых, организационных мер, направленных на сохранение и развитие культуры и искусства.

Последние формы свидетельствуют о том, что администрацией области большое внимание уделяется проблемам культуры и искусства, а также сотрудничеству именно в этом направлении с китайской стороной.

В 2006 году активно развивались международные отношения в сфере культуры между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян. В рамках года России в Китае состоялся ряд мероприятий: IV Открытый российский кинофорум «Амурская осень», международная научно-практическая конференция «От диалога культур – к гражданскому обществу», международный фестиваль «Амур – река дружбы», цикл выставок работ юных художников «Пусть всегда будет солнце», выставка предметов декоративно-прикладного творчества «Искусство Китая», обменные гастролы и др. Творческие коллективы и солисты Амурской областной филармонии приняли участие в праздниках, фестивалях, концертных программах в Китайской Народной Республике. Налажены прочные связи между Амурским областным училищем культуры и учебными заведениями культуры и искусства г. Хэйхэ. В ходе обмена деле-

гациями двух стран состоялись творческие встречи, были организованы совместные концерты, проведены консультации для педагогов.

В рамках года России в Китае с дружественными визитами в соседнем государстве побывали молодежные делегации. В состав делегаций входили представители молодежных служб города, специалисты по трудоустройству молодежи, представители школ города, члены городского «Факультета Лидерства и Инициатив», лидеры студенческого самоуправления, студенты высших и средних учебных заведений города. В результате молодежного обмена достигнута устная договоренность двух сторон о дальнейшем укреплении дружбы и сотрудничества. В перспективе с целью укрепления международных отношений между городами Хэйхэ и Благовещенск планируется составление совместной программы по формированию толерантного воспитания молодежи [1, 28]. Из этого следует, что модель добрососедских отношений – определяющая в культурном диалоге России и Китая. Эта модель – основа взаимосвязей в культурно-пространственном аспекте Благовещенска и Хэйхэ.

Рассмотрев формы социокультурного взаимодействия двух приграничных городов, можно сделать выводы: культурные связи являются важным фактором развития добрососедских отношений; их развитие дает возможность сделать их взаимовыгодными как со стороны России, так и со стороны Китая; программы культурного сотрудничества и их содержание должны формироваться в соответствии с одной из главных задач культурного сотрудничества – сохранения добрососедских отношений между двумя странами и развития стратегического партнерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благовещенск – 2006 г. Ежегодное информационно-аналитическое издание. 2006. – 100 с.
2. Доклад на презентации в Гонконге Мэра Народного правительства города Хэйхэ провинции Хэйлунцзян Чжан Цзинчуаня. (7 ноября 2006 г.). – 12 с.
3. Лу Лэй. Взаимодействие национальных культур России и Китая в XX веке : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филос. наук. Спец. 24.00.01. – М., 2004. – 22 с.
4. Чекулов, В. И. Приграничное сотрудничество Приамурья с Китаем: возможности и проблемы / В. И. Чекулов, А. Г. Ушаков, В. Н. Швец. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2001. – 111 с.
5. Шиндялов Н. А. История Благовещенска: 1856 – 1907 гг. – Благовещенск, 2006. – 167 с.

References:

1. Blagoveshensk 2006. Annual Information and Analytic Report. 2006. – 100 p.
2. Report made by Zhang Jingchuan, Mayor of People's Government of Heihe City Heilongjiang Province, during the Presentation in Hong Kong on the 7th of November 2006. – 12 p.
3. Lu Lei. Communication between National Cultures of Russia and China in the 20th Century: Author's Abstract of a Candidate's Thesis in Philosophy. Major 24.00.01. Moscow, 2004 – 22 p.
4. Chekulov, V.I., & Ushakov, & A. G., Shvets, V.N. Border cooperation of Amur region with China: Opportunities and Issues. – AMGU, Blagoveschensk, 2001. – 111 p.
5. Shindyalov, N.A. History of Blagoveschensk: 1856 – 1907. – Blagoveschensk, 2006. – 167 p.

Малова И. Ю.

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ XXI ВЕКА

Малова И. Ю.

I. Y. Malova

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ XXI ВЕКА

**THE IMAGE OF MODERN RUSSIA AS PERCEIVED BY AMERICANS
IN THE XXI CENTURY**

Малова И. Ю. – соискатель Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Russianirina@list.ru.
Mrs. Irina Y. Malova – PhD Candidate, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Russianirina@list.ru.

Аннотация. Образ современной России глазами американцев формируется на сегодняшний день в основном представлениями и знаниями американцев о советском прошлом нашей страны. В статье проводится анализ части проведенного исследования, который подтверждает устарелость подобного образа и необходимость дальнейшего исследования проблемы.

Summary. The image of the modern Russia as perceived by Americans is being formed today primarily from the ideas and knowledge USA citizens have about the Soviet past of our country. In the paper the results of a part of the conducted research are presented, which prove that such image is by now obsolete, and there is a necessity to further investigate the problem.

Ключевые слова: образ, современная Россия, анкетирование, знание, устарелость, взаимопонимание, межкультурная коммуникация.

Key words: image, modern Russia, survey, knowledge, obsolescence, mutual understanding, intercultural communication.

УДК 008

Сегодня в высокотехнологичном, поликультурном, многорелигиозном, многоуровневом, постоянно изменяющемся мире дальнейшее развитие науки и культуры возможно при безупречном понимании народов и культур друг другом. Этот факт делает межкультурную коммуникацию как область человеческой деятельности чрезвычайно важной. В современной цивилизации наука выполняет культурную роль объединения народов.

Формирование более прочных межкультурных отношений между нашими странами будет всегда актуальным. Отношения в рамках двух культур безоговорочно подразумевают понимание культур друг друга. Но сегодня, упоминая Россию, у американцев вызывается ассоциативный ряд по образцу: вторая мировая война – Холодная война – холод – зима – Москва – СССР, при четком осознании того, что союза республик уже не существует 20 лет. Нами было проанализировано большое количество научных работ по данной тематике и подавляющее число из них исследует этот традиционный ассоциативный ряд. К данной проблеме обращались многие ученые, включая Джека Хассарда, Уолтера Г. Стефана, Владимира Агеева, Анну Реало, Людмилу Попову, Бронфенбренера, Херрмана, Холта [1; 2; 3; 4; 5]. Лишь небольшой процент работ исследует образ современной России, именно это подтолкнуло нас к исследованию данного вопроса.

Нами была составлена анкета, направленная на выяснение существования образа современной России в глазах американцев. Само анкетирование было проведено весной 2011 г. в городе Талса, штат Оклахома, США, в Университете Талсы. Студенты в возрасте от 18 до 23 лет составили подавляющее большинство респондентов, являясь показательным срезом

современного американского общества. Но мы не ограничились лишь этой возрастной группой, в анкетировании также приняли участие преподаватели, работники университета. Нашей целевой аудиторией были образованные люди с высшим образованием или получающие таковое (студенты), та часть современного общества, которая интересуется политической и экономической жизнью страны и ее отношениями с международными партнерами. Мы целенаправленно не проводили анкетирование среди людей, знающих Россию и русскую культуру более детально, в сферу нашего интереса попадал среднестатистический образованный американец.

Целью данной статьи не является полное приведение результатов нашего опроса, мы постараемся озвучить анализ лишь одного из вопросов анкеты, таким образом, очертив проблематику и необходимость ее дальнейшего исследования.

Все вопросы анкеты были представлены с вариантами ответов, где респонденту необходимо было выбрать один из них. Вопрос, ответы которого мы анализируем в настоящей статье, был открытым и подразумевал свободное выражение любых мыслей информантов, звучал он следующим образом: «Какие ассоциации у вас возникают, когда Вы думаете о России и российской культуре?» Составляя анкету, мы постарались не использовать те вопросы, которые привели бы нас к уже давно известным данным, поскольку не хотели получить очередной перечень стереотипов и клише. Но, тем не менее, мы не могли отказаться от возможности не задать этот единственный открытый вопрос, хотя с большой долей уверенности знали варианты ответов заранее, но на фоне остальных вопросов он в очередной раз помог бы нам убедиться в характере образа России и россиянина в глазах американцев.

Всего было собрано 110 единиц анкет. Ответы оказались очень разнообразными как по содержанию, так и по форме. Они варьировались от односложных и предсказуемых «СССР/Путин/матрешка/Кремль» до неожиданных и пространных «архитектурные сооружения, напоминающие луковицы» или «русский алфавит», в последнем случае речь, очевидно, идет о кириллице. Анализируя собранные данные даже по одному вопросу, мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, знания нашей целевой аудитории можно подразделить на стереотипы, истинное знание и отсутствие любого знания по причине незаинтересованности/малой заинтересованности в предмете. Подавляющее большинство ответов, подпадающих под последнюю категорию, содержали лишь ассоциации «холод, снег» из-за искреннего незнания, здесь же можно встретить варианты ответов: «четно говоря, я не знаю много о России и российской культуре» или же просто незаполненное место на данный вопрос.

Во-вторых, можно говорить о наличии разного уровня знаний (поверхностного, глубокого) в разных областях. Перечисление архитектурных достояний современной России или указание на проблемную ситуацию при создании бизнеса иностранцами свидетельствует не о поверхностном знании предмета, а о глубоком изучении проблемы или искренней заинтересованности определенной областью российской культуры. Поверхностные знания не позволили бы респонденту указать такие достопримечательности России, как Эрмитаж, Успенский собор во Владимире или Собор Василия Блаженного. Подобных ответов, конечно же, было меньшинство, в то время как подавляющее число ответов можно отнести к категории поверхностных знаний, в которой встречаются варианты ответов «красивая архитектура», «Кремль», что, как нам кажется, нельзя отнести к глубоким знаниям о стране и культуре.

В-третьих, ответы на данный вопрос дают нам сведения о различных источниках получения знаний о России и современной российской культуре. Начнем с предположения, что некоторые глубинные знания имеются у нашей целевой аудитории со школьных времен или это знания из самостоятельно прочтенных книг, Интернет источников, газет, журналов. Но в сферу нашего интереса попадает другой факт – наличие распространенной ассоциации «Анастасия», присутствие которой объясняется популярностью американского мультфильма, где один из главных персонажей – русская княжна Анастасия. Здесь нам бы хотелось отметить также другой интересный момент – один из респондентов указал ассоциацию «балет»

и в круглых скобках рядом описал источник данного знания – «Это тот щеголь, что был в сериале “Секс в большом городе”». Подобные вкрапления из мультфильмов, современных молодежных сериалов, фильмов и прочих продуктов, направленных на массового зрителя, зачастую становятся основными источниками формирования знаний о чуждой культуре для очень широкого пласта населения страны, подкрепляемые давно и прочно существующими стереотипами.

И наконец, классификация ассоциативных реакций, возникшая в ходе анализа данного вопроса анкеты, представляет собой следующие тематические категории: знания персоналий, природных условий (в данной группе есть всего два варианта ответа, но процент встречаемости у них самый высокий среди всех – 25 %), знания культурных явлений, стереотипов, исторических фактов, архитектурных сооружений и исторических мест, а также категорию «другое». Последней категории нами было дано подобное название, поскольку она включает в себя единицы совершенно разных ассоциативных полей.

Ниже мы приводим сводную таблицу вариантов ответов по вышеперечисленным группам, которая дает некую общую картину об образе современной России глазами американцев (см. табл. 1).

Подавляющее большинство имен категории «персоналия» мужского рода, включают имена исторических лиц, деятелей культуры, писателей и лишь 15 % из них являются нашими современниками. В категории «культурное явление» самыми распространенными ответами (60 %) являются «матрешки» и «купола», матрешки при этом зачастую описываются как «игрушки, вставляющиеся друг в друга». Единицы, представленные в категории «исторический факт», на 100 % принадлежат к советскому прошлому страны. Категория «другое», как и «персоналия», представляет для нас наибольший интерес, поскольку включает в себя ряд различных ассоциаций, не принадлежащих ни одной из вышеперечисленных категорий, поэтому мы решили объединить их в отдельную группу. 7 % единиц данной категории включают характеристики современной России, что значительно выделяется на фоне других, например категории «исторический факт».

Суммируя все вышеперечисленное, мы можем резюмировать, что образ России и российской культуры формируется большей частью фактами и явлениями советского прошлого нашей страны, наблюдается присутствие лишь небольшого процента вкраплений современной культуры как, например, Евгений Евтушенко из категории «персоналия», высокая мода, нефтяные деньги из категории «другое». Таким образом, анализ даже одного вопроса из проведенного нами анкетирования об образе современной России глазами американцев, подтверждает ранее выдвигаемое предположение о сильной устарелости данного образа, в котором довлеет советское прошлое нашей страны. Тот факт, что подобный образ не отражает практически ничего из современной истории страны и текущих культурных явлениях, свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данного вопроса. Формирование усовершенствованного образа России, отражающего реальную жизнь современной страны, будет способствовать углубленному взаимопониманию наших двух стран в эпоху модернизации России и укреплению отношений на международной арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bronfenbrenner, Urie. The mirror-Image in Soviet-American Relations / Urie Bronfenbrenner // Journal of Social Issues. – 1961. – № 28(2). – С. 45-56.
2. Hassard, Jack. The emergence of global thinking among American and Russian youth as a contribution to public understanding / Jack Hassard // Int.J. Sci. Educ. – 1999. – № 7. – С. 731-743.
3. Herrman, Richard. Analyzing Soviet Images of the United States / Richard Herrman // Journal of Conflict Resolution. – 1985. – № 29. – С. 665-697.
4. Holt, R.R. The Image of the Enemy: U.S. Views of the Soviet Union / R.R. Holt, Brett Silverstein // Journal of Social Issues. – 1989. – № 45(3). – С. 159-176.
5. Stephan, G. Walter. Measuring Stereotypes: a Comparison of Methods Using Russian and American Samples / Walter G. Stephan, Cookie White Stephan, Tatyana Stefanenko, Vladimir Ageyev, Marina Abalagina, Lisa Coates-Shrider // Social Psychology Quarterly. – 1993. – № 1. – С. 54-64.

Таблица 1

Образ современной России глазами американцев в категориях

Персоналия	Природные условия	Культурное явление	Стереотип	Исторический факт	Архитектурное сооружение	Другое
Марат Сафин	Холод	Купола	Водка	Холодная война	Эрмитаж	Русский акцент
Путин	Снег	Православие	Секретность	Вторая мировая война	Кремль	Сибирь
Николай II	☐	Матрешки	Шпионы	Большевики	Собор Василия Блаженного	Сельскохозяйственная ферма
Иосиф Сталин	☐	Балет	Коррупция	Коммунизм	Красивая архитектура	Бедность
Лев Толстой	☐	Красная площадь	Меховые шапки	Советская эпоха	Успенский собор во Владимире	Высокая мода
Достоевский	☐	Русский алфавит	☐	Цари	☐	Нефтяные деньги
Пастернак	☐	Кагание на коньках	☐	Берлинская стена	☐	Поэзия
Евгущенко	☐	Шахматы	☐	История	☐	Живопись
Петр Первый	☐	☐	☐	Атомная бомба	☐	Вкусный шоколад
Мусоргский	☐	☐	☐	Первый человек в космосе	☐	Традиционные танцы
Гоголь	☐	☐	☐	СССР	☐	Москва
Карл Маркс	☐	☐	☐	Космические программы	☐	Светлая кожа
Иван Грозный	☐	☐	☐	☐	☐	Красивые люди
Доктор Живаго	☐	☐	☐	☐	☐	Экс-офицер КГБ Путин
Блок	☐	☐	☐	☐	☐	Сложное прошлое России
Маяковский	☐	☐	☐	☐	☐	Сложные бизнес условия для иностранных компаний
Булгаков	☐	☐	☐	☐	☐	☐
Анастасия	☐	☐	☐	☐	☐	☐

Махлина С. Т.
АФРИКАНСКИЙ ЖИЛОЙ ТРАДИЦИОННЫЙ ИНТЕРЬЕР

Махлина С. Т.
S. T. Makhlina

АФРИКАНСКИЙ ЖИЛОЙ ТРАДИЦИОННЫЙ ИНТЕРЬЕР

AFRICAN TRADITIONAL LIVING INTERIOR

Махлина Светлана Тевельевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: makhlina@pochta.tvoe.tv

Makhlina Svetlana Tevelyevna – Doctor in Philosophy, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Saint-Petersburg University of Culture and Arts (Russia, Saint-Petersburg). E-mail: makhlina@pochta.tvoe.tv

Аннотация. Африка – континент весьма разнообразной природы. Различные сочетания природы, рас населения обусловили множество типов жилища этого большого континента. При строительстве жилищ в районах полупустынь используют глину, камень, кустарники и низкие травы. В саваннах для строительства используют дерево, для покрытия крыш – стебли проса, хлопка и других растений. В лесных районах используют пальмы, бамбук, листья банана и фикусовых. Многие народы строят круглые в плане хижины. В Центральной Африке встречается и квадратное в плане, и круглое жилище. В тех местах, где есть камень, стены домов возводят из мелких необработанных камней, укладывая их на глиняном растворе. Климатические условия позволяют африканцу проводить обычную жизнь на открытом воздухе. Дом нужен только для того, чтобы укрыться от непогоды и провести ночлег. Только в тех районах, где более прохладный климат, в доме устраивают отапливаемые лежажки. Внутренность хижины представляет собой однокамерную постройку. Семья имеет комплекс таких хижин. В такой жилой комплекс включаются и подсобные помещения – зернохранилища, навесы для очагов, кладовые.

Summary. Africa is a continent of diverse nature. Diverse combinations of nature, ethnic and race identities caused great variety of dwelling types of this big continent.

Short grass, bushes, stones, clay are used in constructing dwelling places in semidesert regions. In savannah wood is used for constructing house walls, while stems of panicum, cotton and other plants are used for roofs. In forest regions palms, bamboo, banana and fig leaves are used. Many nations build round huts. In Central Africa square houses are constructed as well as round ones. In those regions where stones can be found, house walls are built of small coarse stones that are joined with clay mortar. Climatic conditions allow African people lead open-air common life. The house is used only to hide from bad weather and to sleep at night. Only in such regions where the climate is cooler, there are heated sleeping place are designed.

Interior of every hut is a one-chamber building. Each family has a complex of such huts. In such a dwelling complex there are utility premises; grain storage, shelters for fire place, storehouses.

Ключевые слова: палатка или шатер, переносные жилища, четырехугольные жилища или круглые в плане. Дверь, кровать, стол, ларцы, лежанка, циновка, скамеечки, табуреты. Утварь: калебасы, калабаши.

Key words: tent, portable dwellings, 4-corner or round houses. Door, bed, table, chests, sleeping place, strawmat, benches, stools. Utensils; calabashes.

УДК 728.03

Африка – континент весьма разнообразной природы. Различные сочетания природы, рас населения обусловили обилие типов жилища этого большого континента, занимающего одну пятую часть суши нашей планеты. Наиболее урбанизированы Джибути, Алжир, Ливия,

Тунис, Марокко, Египет, Западный Судан, Экваториальная Гвинея, Кот д'Ивуар, Замбия, Намибия, ЦАР, ЮАР.

В регион Северной Африки входят Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко, Судан, Тунис. Жилища их многообразны. Города делятся на арабскую и европейскую части. В сельской местности жилища горцев отличаются от жилищ земледельческих и скотоводческих народов. У горцев два вида поселений: постоянные укрепленные деревни с башнями по углам и временные палатки или легкие жилища на пастбищах. На юге Марокко живут в саманных хижинах или глинобитных или сложенных из камня домах. Оседлое население живет в хижинах, крытых тростником или соломой. Стены такого дома делают из дерева, камня или глины, смешанной с соломой. Более распространены глинобитные одноэтажные четырехугольные дома с плоскими кровлями. Жилища кочевников – легко переносимая палатка или шатер. «У мавров и арабских племен это «фелидж», у туарегов – «эхан» [2, 161]. Покрытия делаются из шерстяных или ковровых полотнищ. Туареги делают такие покрытия из сшитых кусков кожи квадратной формы, числом от 30 до 40 штук. Мужчина занимает восточную половину палатки, женщина – западную. На мужской половине держат верблюжье седло, оружие, седельные сумки. На женской – на подпорки вешают мешки с одеждой и личными вещами, продовольствием, кухонной утварью.

Восточная часть Северной Африки – Египет, Эфиопия, Судан. В Египте дома основного населения – четырехугольные в плане, одноэтажные, с плоской крышей. Пол земляной, устлан циновками. Пищу готовят перед домом на очаге.

В Судане живут арабы, нубийцы, нилоты. У нилотов жилище «круглое, с конусообразной соломенной крышей. Стены обмазаны смесью глины с рубленой соломой» [2, 165].

В Восточной Африке находятся Бурунди, Джибути, Замбия, Зимбабве, Кения, Коморские острова, Маврикий, Мадагаскар, Малави, Мозамбик, Реюньон, Руанда, Сейшельские острова, Сомали, Танзания, Уганда, Эфиопия. Традиционные занятия – земледелие и скотоводство. Традиционное сельское жилище в Эфиопии – тукуль. Это круглая хижина с конусообразной соломенной крышей. Кровлю ее поддерживает столб, вершина которого существует для того, чтобы закрыться от дождевой воды; она оканчивается глиняным навершием. Внутри находятся кровати. Они представляют собой деревянную раму на коротких ножках, перетянутых ремнями. В интерьере такой хижины присутствует также стол-корзина с крышкой и широким круглым основанием. Такой стол – кожаный или плетеный из соломы. «Традиционный этикет требует кормить гостя из рук хозяина, кладя куски пищи прямо в рот гостю» [2, 167]. Распространены также четырехугольные жилища, каркас которых состоит из плетеной основы, обмазанной глиной. Крыша таких жилищ плоская или двускатная, есть дверь и остекленные окна. В жарких горных областях одну из стен образует скала, к которой пристраивают другие стены. Вокруг дома сооружается галерея, призванная создавать в нем прохладу.

У народов южных областей Восточной Африки – банту – длинные деревни из тукулей (круглых или прямоугольных жилищ). Делаются они так: каркас из ветвей заплетается тростником или пучками травы или обмазывается глиной. Крыши кроют пальмовыми листьями. Номады ведут кочевой или полукочевой образ жизни. Живут они в кочевых жилищах («аггал»), «состоящих из каркаса из ветвей, покрытых шкурами. На стоянках аггал устанавливают женщины. Перевозят его в разобранном виде на грузовом верблюде» [2, 170]. На острове Мадагаскар дома четырехугольные в плане, деревянные или глинобитные, крыша двускатная, остроконечная, внутри в доме разнообразная утварь. Мебель – деревянная резная, много мягких циновок, похожих на ткань, деревянная посуда и мелкая скульптура.

В Южной Африке расположены государства Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд, Южно-Африканская республика. Более 80 % европейского населения и более 70 % азиатского населения Африки живут здесь. Исконное население – банту, бушмены, готтентоты. Готтентоты жили во временных поселениях. Бушмены не имели поселений и домов, они жили в шалашах или укрывались на ночь в кустарнике. В зоне тропического леса рассеяны группы

пигмеев, низкорослых людей. Жилищами здесь служат прямоугольные в плане хижины с двускатной крышей. На востоке распространены круглые хижины с конусообразной крышей (тукуль).

В регион Западной Африки входят государства Бенин, Буркина Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Кот д'Ивуар, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне. Многообразие языков, пестрота этнолингвистической карты этого региона наряду с многообразием климатических условий породили и многообразие хозяйственно-культурных типов – скотоводства и земледелия. Так, большинство фульбе (в Гвинее, Сенегале, Камеруне) строят легкие временные жилища. «Кочевники пустыни и сахеля сооружают легкие переносные жилища, крытые шкурами, циновками или ковровыми тканями» [2, 183]. При строительстве жилищ в районах полупустынь используют глину, камень, кустарники и низкие травы. В саваннах для строительства используют дерево, для покрытия крыш – стебли проса, хлопка и других растений. В лесных районах используют пальмы, бамбук, листья банана и фикусовых. Как правило, возводят дом мужчины, завершают (покрывают листьями или соломой, украшают) – женщины. Многие народы на севере Камеруна, в средней части Нигерии, в Мали, Буркина Фасо строят круглые в плане хижины. Народы хауса, йоруба, группа народов акан строят отдельные помещения, прилепляющиеся друг к другу в виде многоугольника с выходами во внутренний двор. И в круглых жилищах, группирующихся в усадьбу, и в многоугольных строениях есть «проходная» хижина для гостей. Глинобитные жилища украшают росписью (у ашанти) или барельефами (у хауса и нупе).

В Центральной Африке – государства Ангола, Габон, Заир, Камерун, Конго, Сан-Томе и Принсипи, Центрально-Африканская Республика – ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея. Здесь встречается и квадратное в плане, и круглое жилище. Для народов бассейна реки Конго характерен первый тип (конго, куба и др.). Второй тип более распространен у бамилеке в Камеруне, там жилища украшаются резными деревянными столбами-опорами и косяками дверей. Куба украшают свои дома искусно плетеными из разноцветного тростника стенами. Несколько таких жилищ обносят изгородью, и занимает их одна семья. Типичная планировка деревни – круговой план, с открытой площадкой посреди поселения, где обычно растет дерево, под навесом которого происходят разного рода общие действия.

Северную Африку занимают арабские страны – Египет, Ливия, Тунис, Алжир, Марокко. Остальной африканский континент заселен различными по языку и культуре народностями. К югу от арабской северной Африки лежит обширное пространство с засушливым климатом. Здесь расположены государства Мавритания, Мали, Нигер, Чад и Судан. В тех местах, где есть камень, стены домов возводят из мелких необработанных камней, укладывая их на глиняном растворе. Так как хорошего леса здесь нет, то дерево используется для балок перекрытий (поэтому помещения здесь узкие и удлиненные) и в качестве каркаса для глиняных стен. Чтобы постройка была устойчивой, стены книзу делаются толще. В Тропической Африке обычны круглые в плане жилища. Они бывают двух типов: цилиндрические с конусообразной или шлемовидной крышей и ульевидные, у которых стены, сближаясь наверху, плавно переходят в покрытие сфероконической формы. Однако не только круглые жилища были известны в Тропической Африке. В районе Гвинейского залива (Нигерия, Дагомея, Камерун) строили и прямоугольные дома с двускатными крышами или квадратные с шатровыми покрытиями. Именно здесь находится государство Бенин, ныне всемирно известное своими художественными изделиями. В древнем государстве Ифе (сложилось в первые века нашей эры) жилище состояло из помещений, расположенных вокруг внутреннего дворика. В Юго-Восточной Африке, на территории современных Замбии, Южной Родезии и Мозамбика строили круглые или эллиптические жилые постройки, стены которых делались из смеси глины и щебня.

Самые примитивные жилища сохранились у бушменов и пигмеев. «Бушмены (саан) традиционно не знали постоянного жилища. Для защиты от ветра и непогоды они использовали ветровой заслон из воткнутых в землю веток и растущих кустов. Для большей надежно-

сти его прикрывали шкурами. В последнее время бушмены под влиянием соседей – банту и готтентотов стали строить легкие хижины. Нередко их углубляли в землю. Такого же рода жилища долго сохранялись у горных домов Намибии, сандаве и хадзапи Танзании» [1, 143]. Несколько по-иному выглядит жилище пигмеев. Как правило, это «очень легкая временная невысокая хижина» [1, 143]. Женщины пигмеев делают каркас полусферической формы из гибких ветвей, который покрывают скрепленными или связанными в пучки листьями. Такое жилище делать легко, сооружается оно в течение 1 – 2 часов. Поэтому при перекочевках такие хижины просто забрасываются. В настоящее время многие группы пигмеев переходят на оседлый образ жизни. В этом случае хижина регулярно перекрывается, чтобы крыша всегда оставалась водонепроницаемой. Кочевые скотоводы – туареги, данакиль, сомали и другие сооружают легкие переносные жилища, похожие друг на друга у разных племен. Они укрепляют на деревянных подпорках плотный куполообразный каркас, который потом покрывается циновками, коврами либо шкурами. Возможен также способ натягивания на каркас защитных материалов. Пол в таких хижинах также устилают циновками, шкурами или коврами. В данном случае покрытие зависит от достатка владельца.

Постоянные жилища земледельцев и скотоводов разнятся и по форме, и по планировке, и по материалам. В районах полупустынь все народы используют для строительства жилища глину, камень, кустарники, низкие травы. В районах саванн – пальмы и другие деревья. Покрывают такие хижины стеблями проса, хлопка или других растений. В лесных районах используются борассовая пальма, ротанг, рафия, бамбук, листья банана и фикусовых, черенки от листьев бананов. При строительстве обязательно используют шкуры, ткани, циновки, навоз, ил. В городских поселениях жилища строят профессионалы. В сельской местности постройку дома выполняют мужчины, женщины же покрывают листьями или соломой уже построенную конструкцию, обмазывают ее и украшают.

На северо-западной окраине Африки, между пустыней Сахара и Атлантическим океаном, находится страна Марокко, которую арабы называют Магриб-аль-Акса – Дальний Запад. В современной марокканской деревне находится скопление крошечных хижин. Сложены они из камня, глины, тростника. В каменной или глинобитной хижине две комнаты, одна из них главная – в ней спят и едят, другая выполняет функции кухни. Входят в дом через двор, где находятся лошадь, осел или мул, загон для овец. Двор отделен от внешнего мира стеной. Из тростника для каркаса и соломы, сухих водорослей, веток, покрывающих этот каркас, за несколько дней сооружают нуалу – хижину для бедняков. Она имеет конусообразную форму. В горах встречаются пещерные селения. Интерьер таких жилищ включает сундук, столик, циновку, иногда ковер. У немногих есть печь в доме. Остальные готовят пищу на кануне – земляном очаге.

Климатические условия позволяют африканцу проводить обычную жизнь на открытом воздухе. Это влияет на интерьер жилища. Вот почему очаг находится вне дома, где женщины вокруг него занимаются домашним хозяйством. Здесь же, на открытом воздухе, мужчины занимаются ремеслом. Дом нужен только для того, чтобы укрыться от непогоды и провести ночлег. Для этого дому не нужны окна. Только в тех районах, где более прохладный климат – например, в горных районах Нигерии, Камеруна, Эфиопии – в доме устраивают отапливаемые лежанки, которые представляют собой глинобитные скамьи. Часто они украшаются лепным орнаментом или расписным геометрическим узором.

Внутренность хижины представляет собой однокамерную постройку. Как правило, это как бы комната для одного мужчины или одной женщины с маленькими детьми (с семи лет дети традиционно живут отдельно). Семья имеет комплекс таких хижин. В жилой комплекс включаются и подсобные помещения: зернохранилища, навесы для очагов, кладовые. Нередко такой комплекс обносится глинобитной стеной, плетнем, живой изгородью. У очень многих народов Африки при входе в жилой комплекс ставится особая «гостевая» хижина. Например, манде принимают в такой хижине гостей. В таком случае не обязательно приглашать гостя во внутренние помещения своего жилого комплекса – «сукала». Некоторые наро-

ды (йоруба, хауса, вахехе) для очень большой семьи, объединяющей несколько поколений, пристраивают друг к другу помещения стена к стене. Поставленные таким образом сооружения образуют замкнутый прямоугольник с глухими стенами и одним входом во внутренний двор. Здесь во внутреннем дворе находится семейный очаг. Такой комплекс можно обозначить русским словом «усадьба». Сами африканцы разделяют понятия «жилой комплекс» и «хижина». У фульбе отдельную хижину называют «суду», а их комплекс – «саре». У волофов Сенегала – хижина – «нек», их комплекс составляет «кар». У народа ндики в Камеруне из «мим» составляется «омбель»; у хауса отдельные «даки» формируют «игда», зулусы «индзлу» составляют в «улидзы». У некоторых народов Буркина-Фасо и Мали (бобо, сенуфо) все хозяйственные постройки объединяются в один многоэтажный дом, где и живут. Такие же постройки характерны и для северных провинций Ганы, Того, Бенина. Для усадьбы характерна постройка амбара, где хранят запасы зерна. Как правило, амбары, которые чаще всего сооружают из глины, повторяют форму жилой хижины. Внутри жилая хижина декорируется многообразными способами. Стены покрыты красочным декоративным узором. Как правило, стены либо глинобитные, либо обмазаны глиной, и такой узор легко накладывается из красок трех-четырех цветов – белого, желтого, красно-коричневого и черного. Но оттенков их много – иногда до 15. В Западной Африке преобладают сюжетные рисунки – сцены охоты, бытовые сцены, просто изображения животных, иногда – танцы в ритуальных масках. Иногда можно встретить сюжеты из современной жизни – автомобиль, велосипед, самолет, радиоприемник, очки и т.п. [1, 145]. У ндебеле и басуто (Южная Африка) – только геометрические рисунки. У некоторых народов стены глиняных жилищ украшаются рельефами из простейших геометрических узоров. Это могут быть волнистые линии, треугольники, круги, которые прочерчиваются пальцами по сырой штукатурке. Такие рельефы выполнялись музну и некоторыми другими народами Ганы и Гвинеи. Более сложные рельефы характерны для жилищ народов нупе, хауса.

Украшают африканцы свои жилища и резьбой по дереву – на столбах-опорах, на дверных косяках, дверных полотнищах. В тех странах, где получил распространение ислам, такие изображения носят геометрический и растительный характер (в основном, на восточноафриканском побережье). У народов Камеруна, Ганы, Мали, Либерии, Кот д'Ивуара наряду с геометрическими узорами изображали предков, рыб, животных. В Камеруне народ бамилеке особенно выделяется искусством резьбы по дереву. Резные столбы и наличники иллюстрируют генеалогию племени от легендарного предка-тотема: ящерицы, пантеры, черепахи. Иногда сюжеты изображают содержание притчи, пословицы, сказки или эпизод из истории народа.

Народы Центральной Африки и Междуречья строят свои жилища из тростника и ротанга. Здесь декоративную функцию выполняют плетеные циновки и маты. Например, народы Заира, Руанды, Бурунди окрашивают циновки в красный, черный, желтый, белый цвета, сочетая их с естественным цветом тростника – светло-желтым. Циновки плетут с узорами из ромбов, полос, квадратов или зигзагов. Одни народы ими завешивают стены (например, бакуба), другие покрывают ими пол, занавешивают вход, разгораживают помещения.

В последнее время все больше стираются этнические особенности. Так, раньше народы Эфиопии знали два типа жилищ. На севере страны в горных районах строили четырехугольное в плане жилище из камня. Оно называлось «хыдмо» и представляло собой очень древний тип, возникший еще в начале нашей эры. Другой тип жилища круглый в плане делался из древесных жердей, более распространен был в центре страны и на юге. Носил он название «тукуль» и характерен был для амхара, сидамо, каффа, оромо-галла, гимирра. В настоящее время складывается общеэфиопский тип жилища – четырехугольный, с плоской двух- или четырехскатной крышей – и на юге, и в центре страны. Появляются окна, используются любые подручные материалы – жость, картон, фанера. Но наибольшие изменения произошли в убранстве интерьеров. Если раньше у амхара использовался особый плетеный

столлик с крышкой (мысоб), который был непременно деталью как бедного, так и богатого дома, то теперь он распространен по всей Эфиопии.

Уже упоминалось, что в большинстве случаев очаг находился вне дома. Но у некоторых народов (например, тсвана) складывали глинобитные печи.

Лежанки были очень разнообразными. В Центральной Африке (ЦАР, Камеруне, на юге Заира) и в Восточной Африке распространены были постели на столбиках. В Южной Сахаре, на юге Эфиопии, в Кении, а также у многих народов Юго-Восточной и Южной Африки – земляные лежанки. В горных районах такие лежанки обогревались. У народов Западной и Центральной Африки постель устраивалась на двух нетолстых бревнышках. У одних народов эти бревнышки были невысокими (например, у волоф), у других они устраивались на половине высоты жилища (например, у банзири), иногда они даже располагались так высоко, что надо было забираться на постель по лесенке (у некоторых народов Сьерра-Леоне). Для многих народов Эфиопии, Сомали, Танзании характерно сплетенное из ремней ложе на четырех ножках-опорах, которое украшалось особым подголовником, вырезанным из дерева. Кочевники-скотоводы обходились без лежанок, укладывая циновки прямо на пол.

Разнообразны сидения в жилищах – скамеечки, табуреты. Табуреты – сидения без спинки делали для знати. Иногда встречаются сиденья с резными спинками, изображающие скульптурные группы.

В интерьере африканского жилища можно встретить еще один тип мебелировки – ларцы. Они получили распространение в Мавритании и в Восточной Танзании, в том числе на Занзибаре. В этих ларцах хранили посуду и одежду. Раньше они обильно украшались аппликацией из кожи, позднее их оковывали листами прорезной меди. Небольшие ларчики покрывали ажурной аппликацией из чеканного серебра. В таких шкатулках хранили драгоценности.

Планировка африканского жилища у большинства народов не придерживалась особых правил. Четкие правила существовали на Мадагаскаре. Там входная дверь обязательно должна была быть в западной стене дома, ближе к южной. Очаг устраивался ближе к входной двери, а не в центре. Почетной частью дома была северная часть помещения. Здесь находились предметы домашнего культа, кровать хозяина дома. Кровать представляла собой высокое деревянное сооружение, под которым за дверями-створками устраивали место для хранения припасов. Иногда там держали домашнюю птицу. Южная часть дома была хозяйственной. Здесь находились ступка, сосуды с водой, лопаты, мотыги, и здесь же огораживалось место для овец и коз.

Утварь в доме африканца зависела от природных материалов и географических условий. Там, где имелись залежи глины, делалась гончарная посуда. В лесных районах использовалась деревянная посуда. Из плотных листьев плели тарелки, блюда, Из бамбука делали сосуды, в которых носили и хранили воду. Сегодня эту традиционную утварь практически заменила европейская посуда (чаще всего алюминиевая). Для приготовления кофе используют обычные кофемолки. Правда, при кофейных ритуалах и для почетных гостей используют наборы традиционной посуды: особые жаровни, пестик и ступы, тарелки для благовоний, сковороды для жарения зерен, горшки и кувшины. Сохранились «калебасы» или «калабаши» – разнообразная посуда из кожуры тыквы: тарелки, бутылки, большие сосуды, из разрезанных пополам тыкв – ложки и черпаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Львова, Э. С. Культуры народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития: учеб. пособие / Э. С. Львова. – М.: Логос, 1996. – 232 с.
2. Этнология: учебник для высших учебных заведений / Э. Г. Александренков, Л. Б. Заседателева, К. И. Зверев и др. – М.: Наука, 1994 – 383 с.

Филипова А. Г.
ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ИНСТИТУТ И ДЕТСТВО

Филипова А. Г.
A. G. Filipova

ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ИНСТИТУТ И ДЕТСТВО

REMEDIAL INSTITUTE AND THE CHILDHOOD

Филипова Александра Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27. E-mail: alexgen77@list.ru.

Alexandra G. Filipova – PhD in Historical Studies, Associate Professor, Department of Social Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue. E-mail: alexgen77@list.ru.

Аннотация. В статье представлена формально-учрежденческая и ценностно-содержательная структуры правозащитного института, являющегося наряду с институтами здравоохранения, образования и социальной поддержки частью системы социальной защиты детства. Ювенальная юстиция представлена как структурный компонент правозащитного института, в который также включены органы опеки и попечительства, уполномоченные по правам ребенка, комиссии по делам несовершеннолетних и др. Риски правозащитного института условно разделены на три группы – организационные, профессиональные и социально-психологические.

Summary. In the article it is presented formal-office and value-substantial structures of the rights protection's institute which is a part of the childhood social protection system as well as the institutes of public health services, education and social support. The juvenile justice is presented as a structural component of rights protection's institute, there the guardianship bodies are also included, children's ombudsmen, the commissions of minors' actions, etc. Risks of rights protection's institute are conditionally divided into three groups - organizational, professional and socially-psychological.

Ключевые слова: защита детства, права детей, социальный институт, риски, социальный контроль, ювенальная юстиция.

Key words: childhood's protection, the rights of the children, social institute, risks, social control, juvenile justice.

УДК 316.354

Системный подход к социальной защите детства обуславливает выделение четырех социальных институтов, обеспечивающих выживание, сохранение потенциала и развитие детства – это *институты здравоохранения, образования, социальной поддержки и правозащитный институт*. Институциональная среда, представленная четырьмя вышеперечисленными структурами, рассматривается нами как некая внешняя защитная оболочка, окружающая семью и детей. Семейные практики защиты детей являются первичными, основными, институциональные же представляют собой либо дополнение, либо альтернативу, либо же, в крайнем случае, замещение семейных практик.

Первые три института из представленных нацелены на создание поддерживающей, развивающей, безопасной социальной среды детства. Социальные услуги, реализуемые ими, направлены не только на ребенка, но и на его семью. Деятельность правозащитного института, с одной стороны, представляет реализацию всевозможных механизмов социального контроля за работой институтов здравоохранения, образования, социальной поддержки и семьей, с другой стороны, направлена на производство социальных услуг в области судебной

практики (представление интересов детей в суде), в области профилактики правонарушений и употребления ПАВ (см. прим. 1) несовершеннолетними, в области ресоциализации несовершеннолетних преступников.

Некоторыми исследователями отмечается необходимость введения практики экспертизы (ведомственной и независимой) существующих нормативно-правовых и программных документов, касающихся прав детей. Соответственно еще одной функцией правозащитного института может стать экспертиза правоустанавливающих документов на предмет их соответствия интересам ребенка (в частности позициям Конвенции ООН «О правах ребенка», Семейному кодексу РФ и др.).

Итак, *явными функциями* данного института являются защита прав и законных интересов несовершеннолетних, профилактика детской преступности и употребления ПАВ, осуществление судопроизводства в отношении несовершеннолетних, социальная реабилитация и ресоциализация несовершеннолетних преступников.

В последнее время ученые и практические работники заговорили о необходимости реформирования системы защиты прав детства. Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» выделяет три направления такой реформы: создание ювенальных судов и учреждение должности ювенального судьи; реформирование системы судопроизводства по делам несовершеннолетних и создание элементов социальной сферы (внедрение новых социальных технологий), связанных с взаимодействием общества и несовершеннолетних в рамках ювенальной юстиции. То есть реформа в первую очередь связывается с введением ювенальной юстиции (ЮЮ). Однако ни в научной, ни в социальной практике пока нет единого представления о том, что же это такое.

В. Н. Ткачев, председатель Ростовского областного суда, д-р юрид. наук, заслуженный юрист РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, член Рабочей группы при Совете судей РФ по созданию и развитию ювенальной юстиции в системе правосудия РФ, говорит о том, что в России ювенальная юстиция, то есть система правосудия в отношении несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом, уже существует, по крайней мере, с 1997 г. – то есть с начала действия УК РФ, УИК РФ, установивших особенности уголовной ответственности несовершеннолетних и отбывания ими наказания [5].

В проекте Федерального закона "Об основах системы ювенальной юстиции", разработанном В. Д. Ермаковым, М. З. Ильчиковым, Е. А. Абросимовой, А. С. Автономовым, Н. Л. Хананашвили, под системой ювенальной юстиции понимается совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц, неправительственных некоммерческих организаций, осуществляющих на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребёнка (несовершеннолетнего).

А. С. Автономов определяет ювенальную юстицию как систему отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, охватывающую специализированные судебные органы, иные государственные и муниципальные органы и учреждения, неправительственные организации, нацеленные на решение проблем детей в трудной жизненной ситуации, приведшей к конфликту с законом, путем принятия в соответствии с их статусом и полномочиями мер, сочетающих в себе способы воздействия как формально-юридические (в том числе принуждение), так и психологические, педагогические, социальные [1].

На наш взгляд, данные определения противоречат самому понятию «юстиция», которое (а) охватывает совокупность судебных учреждений; (б) представляет собой правосудие [2]. Поэтому *ювенальную юстицию* правильнее будет определять как деятельность судебных органов (детской адвокатуры, ювенальных судей) по осуществлению судебных и дополнительных к ним процедур в отношении защиты прав, свобод и интересов несовершеннолетних, а также исполнения ими своих обязанностей.

Мы согласны с мнением В. Д. Ермакова, который считает более точным и понятным употребление вместо термина «ювенальная юстиция» термина «юстиция, обеспечивающая защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних» [3, 23], что означает дуализм правового статуса несовершеннолетнего, который может быть и истцом (защищать свои интересы через законных представителей), и ответчиком (быть обвиняемым в случае совершения правонарушения, преступления).

Выделение субинститута ювенальной юстиции в структуре правозащитного института связано с концентрацией ресурсов – технологических, кадровых, необходимостью укрепления межинституциональных связей.

Проблемы существующего судопроизводства заключаются в высокой загруженности судей делами, недостаточной информированности о подростке, его социальном окружении, его семье и т.д. Главным тезисом концепции ювенальной юстиции выступает положение «Ребенок – жертва (находится в опасности)», которое порождает следствие – «Ребенок – правонарушитель (преступник)» [4]. То есть пересматривается сама концепция правосудия, которое перестает быть исключительно карательным, а постепенно переориентируется на восстановительные (примирительные) процедуры с активным привлечением «непрофессионального элемента» (социальных работников, психологов, социальных педагогов, врачей и пр.) для осуществления реабилитационных мероприятий.

В деятельности правозащитного института просматривается *два основных направления*: деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений (в том числе ресоциализирующие мероприятия) и деятельность по восстановлению нарушенных прав, контроль за недопущением ущемления прав детей, с особой заботой о детях, оставшихся без попечения родителей.

Формально-учрежденческая структура института представлена судебными (то, что мы условно обозначим ЮЮ) и несудебными органами, защищающими права детей (см. рис. 1).

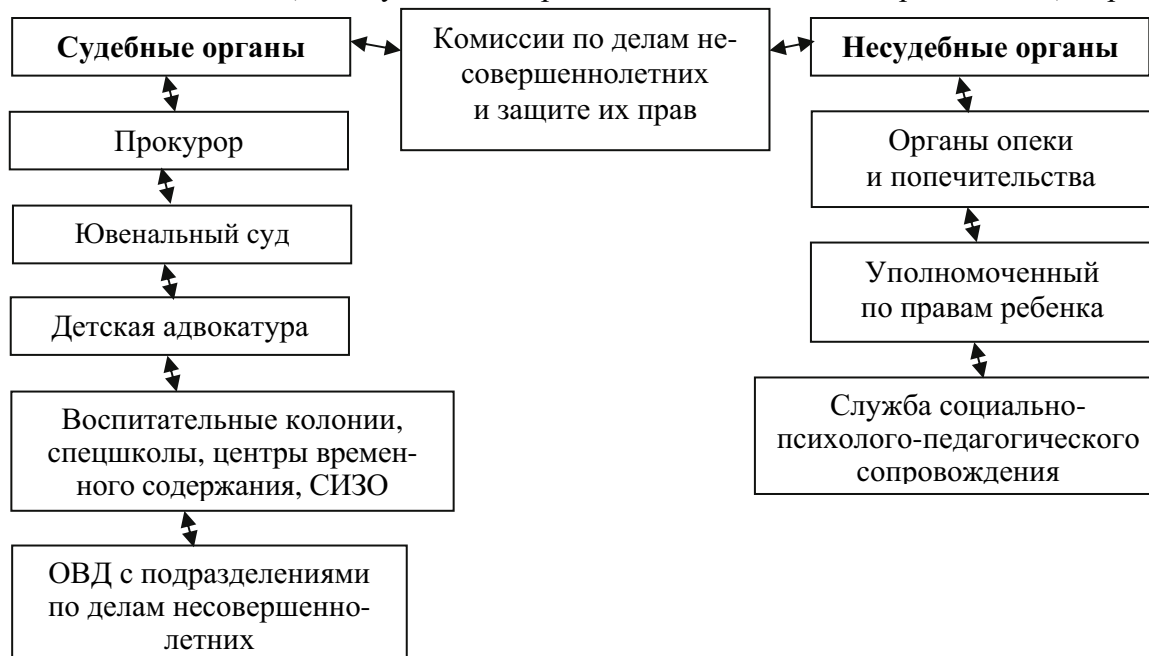

Рис. 1. Формально-учрежденческая структура правозащитного института

Учреждения ювенальной юстиции осуществляют свою деятельность, находясь в тесном взаимодействии с другими институциями, защищающими права детей, – органами опеки и попечительства, комиссиями по делам несовершеннолетних, уполномоченными по правам ребенка, социальными службами, учреждениями здравоохранения, образования и пр.

Структурные компоненты правозащитного института распадаются на три группы: учреждения, работающие с неблагополучными родителями (нацелены на сохранение семей-

ного окружения); учреждения, работающие с асоциальными несовершеннолетними (направлены на их социальную адаптацию и реабилитацию), а также учреждения социального контроля (выявляют и содействуют устранению нарушений в деятельности других социальных институтов детства, защите прав детей на образование, медицинскую помощь, благоприятную экологическую среду и др.).

На наш взгляд, «функциональным ядром» правозащитного института является Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, в деятельности которой пересекаются основные линии работы с несовершеннолетним, его семейным окружением и другими учреждениями – организация мероприятий, направленных на предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; защита прав и законных интересов несовершеннолетних; рассмотрение дел об административных правонарушениях несовершеннолетних. В табл. 1 представлены направления деятельности КДН в их взаимосвязи с функциями других учреждений социальной защиты детства.

Таблица 1

Взаимосвязь направлений деятельности КДН с деятельностью сопутствующих учреждений

Направления деятельности КДН	Сопутствующие учреждения	Функции сопутствующих учреждений
1	2	3
Предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	Подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел	- индивидуальная профилактическая работа - выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий - выявление родителей, не исполняющих родительские обязанности или исполняющих ненадлежащим образом
	Общеобразовательные учреждения, ПМПК	- правовое просвещение - организация досуга несовершеннолетних, летнего отдыха - выявление несовершеннолетних с нарушениями в поведении, рекомендации по формам обучения и воспитания
	Специальные учебно-воспитательные учреждения	содержание, обучение и воспитание несовершеннолетних, требующих специального педагогического подхода
	Органы опеки и попечительства, специализированные учреждения для несовершеннолетних	проведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, оставшимися без попечения родителей
Защита прав и законных интересов несовершеннолетних	Общеобразовательные учреждения	выявление несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении
	Интернатные учреждения, органы опеки и попечительства	защита прав и интересов детей-сирот, содержание, обучение, воспитание
	Специальные учебно-воспитательные учреждения	защита прав и законных интересов несовершеннолетних
Содействие реализации социализации несовершеннолетних правонарушителей	Служба занятости	содействие в трудоустройстве несовершеннолетних, освободившихся из учреждений уголовно-исполнительной системы
	Органы внутренних дел	выявление, пресечение и раскрытие преступлений несовершеннолетних, пресечение вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность

1	2	3
Содействие ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей	Учреждения социальной поддержки	оказание материальной помощи
	Центр временного содержания	временное содержание несовершеннолетних правонарушителей, доставление несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа
	Специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого и открытого типов	психолого-медико-педагогическая реабилитация несовершеннолетних

В соответствии со статьей 56 Семейного кодекса РФ защита прав и законных интересов ребенка возложена на родителей (лиц, их заменяющих). Однако нередко возникают ситуации, когда права детей нарушаются самими законными представителями. В таких ситуациях интересы ребенка отстаивают организации правозащитного института.

В частности, в случае оставления детей без попечения родителей законными представителями ребенка становятся *органы опеки и попечительства*. Дети этой категории выявляются, при необходимости изымаются из семьи и помещаются в учреждение временного пребывания (замещающую семью), одновременно органами опеки ведется работа по социальной реабилитации кровной семьи ребенка, поиску лиц – кандидатов в замещающие родители, защите имущественных прав ребенка и др. Органы опеки также осуществляют социальное сопровождение детей-сирот (особое внимание уделяя выпускникам интернатных учреждений) до достижения ими совершеннолетия, а при получении образования (а также при решении жилищных и некоторых других вопросов) до достижения ими возраста 23 лет.

Все большее значение в правозащитной деятельности начинают играть общественные организации, представляющие интересы отдельных социально уязвимых групп детей – сирот, инвалидов, безнадзорных и беспризорных, детей, употребляющих ПАВ и др. Эти организации дают дополнительные правозащитные ресурсы – кадровые (специалисты, родители), финансовые (оказание услуг на безвозмездной основе), технологические (новые формы и методы работы с семьями и детьми). Они генерируют «социальный капитал» в виде тепла, заботы, поддержки детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Результатом добровольческих инициатив стало *появление уполномоченных по правам ребенка*, которые в отдельных регионах долгое время осуществляли свою деятельность на общественных началах. По этому поводу в научно-практической среде до сих пор ведется дискуссия о независимости уполномоченного по правам ребенка, инициируемого и финансового поддерживаемого властями.

На сегодняшний день уполномоченные по правам ребенка созданы в 74 субъектах Российской Федерации (см. прим. 2), во многих регионах они структурно входят в аппарат уполномоченных по правам человека. В разных субъектах деятельность детских омбудсменов регулируется разными нормативно-правовыми актами, по-разному определяется их правовой статус и финансовые основы деятельности.

Детский омбудсмен поставлен в зависимость от региональных факторов – уровня социально-экономического развития региона (регион – донор или реципиент), отлаженности межведомственных взаимодействий, заинтересованности местных властей в ведении новой структурной единицы и др.

Для того чтобы продемонстрировать разницу организационных и нормативно-правовых основ деятельности уполномоченных по правам ребенка в разных регионах, обратимся к сайтам трех уполномоченных г. Санкт-Петербурга, Самарской области и Хабаровского края (см. прим. 3). Выбор осуществлен произвольно – это уполномоченные из города федерального значения, региона центральной части России и периферийного региона. Сравнительные данные представлены в табл. 2.

Организационно-правовые условия деятельности омбудсмана

	Санкт-Петербург	Самарская область	Хабаровский край
Правовая основа	Закон «Об уполномоченном по правам ребенка»	Закон «Об уполномоченном по правам ребенка»	Закон «Об уполномоченном по правам человека»
Дата введения должности	11 ноября 2009 г.	26 апреля 2002 г.	5 апреля 2010 г.
Порядок назначения на должность	Назначается на должность ЗС СПб большинством голосов от числа избранных депутатов тайным голосованием на срок пять лет	Назначается на должность и освобождается от должности Губернатором Самарской области сроком на пять лет.	Назначается на должность Губернатором края по представлению уполномоченного по правам человека, срок полномочий не ограничен
Статус уполномоченного	Государственная должность СПб, независим и неподотчетен каким-либо государственным органам СПб и их должностным лицам	Высшая должность государственной гражданской службы в органах исполнительной власти Самарской области	Государственная должность края, заместитель уполномоченного по правам человека
Требования к кандидату в уполномоченные	Гражданство РФ, отсутствие порочащих поступков, общественный авторитет, знание проблем детства и опыт защиты прав и законных интересов ребенка	Гражданство РФ, достаточная квалификация для осуществления деятельности, стаж работы в органах социальной защиты населения, опеки и попечительства и др. не менее 3 лет	Гражданство РФ, не моложе 35 лет, высшее образование, познания в области прав ребенка и опыт защиты детей
Финансирование деятельности	Городской бюджет	Областной бюджет	Краевой бюджет
Биографическая справка	С.Ю. Агапитова, 1964 г. р., журналист, канд. филол. наук, мастер спорта СССР по плаванию, замужем, 4 детей	Т.В. Козлова, 1958 г.р., врач-педиатр, канд. мед. наук, замужем, 2 дочери	С.Л. Жукова, 1963 г.р., инженер-электрик, экономист, руководитель НК «Союз деловых женщин», депутат ЗД ХК, член «Единой России», замужем
Наличие своего аппарата	Есть, 17 человек, 1 помощник, самостоятельное формирование аппарата, штатного расписания	Нет, но возможность создания закреплена законом, положение об аппарате, штатное расписание утверждаются Губернатором	Нет, все виды обеспечения деятельности осуществляет аппарат уполномоченного по правам человека.
Наличие своего сайта	Есть, подробный, красочный, интерактивный (форум, блог, консультации on-line)	Нет, есть страница на сайте Правительства области, в Интернет-приемной Правительства можно задать вопрос уполномоченному	Нет, есть страница на сайте уполномоченного по правам человека, возможность задать вопрос есть
Работа с обращениями граждан	Специалисты принимают каждый день, уполномоченный – 1 раз в неделю	2 раза в месяц	2 раза в месяц

Анализ регионального законодательства показывает существенные отличия нормативно-правовых основ функционирования института уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ.

В Хабаровском крае пока не принят отдельный правовой акт, регламентирующий деятельность детского омбудсмена, а выделена отдельная глава в законе «Об уполномоченном по правам человека в Хабаровском крае». Детский омбудсмен в Хабаровском крае является заместителем уполномоченного по правам человека, соответственно своего аппарата у него нет. Однако, как отмечает А.И. Автономов, при такой организации деятельности «проблемы защиты прав и интересов детей «растворяются» в многочисленных нарушениях прав взрослых граждан, которые обладают большими возможностями защиты своих прав и интересов» [1].

В Самарской области уполномоченный «встроен» в Правительство области, что вызывает вопрос о независимости его решений, поскольку материально-техническое обеспечение деятельности Уполномоченного и его аппарата осуществляют соответствующие службы Правительства.

Наиболее демократичным в отношении процедуры назначения уполномоченного оказался Санкт-Петербург, где омбудсмен избирается депутатами Законодательного собрания, в двух других случаях – он просто назначается Губернатором. Санкт-Петербург также лидирует в области информационного сопровождения деятельности, у С. Агапитовой есть свой сайт, также есть свой аппарат, включающий отдел правового обеспечения, отдел по защите прав и законных интересов ребенка, организационный отдел, что, вероятно, способствует относительно независимому от местных властей существованию. Аппарат уполномоченного по г. Санкт-Петербургу обеспечивает бесперебойную работу по защите прав детей в течение недели, специалисты ведут прием каждый день, параллельно отвечают на on-line вопросы. Уполномоченный в Санкт-Петербурге вправе иметь помощников, работающих на общественных началах, на сегодняшний день в штате С. Агапитовой состоит один помощник.

Разная степень интенсивности деятельности уполномоченных (в частности, прием граждан), разное информационное, организационное сопровождение связаны с разными финансовыми возможностями субъектов РФ. Вывод, который позволяет сделать анализ сайтов, заключается в следующем – уполномоченный по правам ребенка становится важной частью правозащитного института, но сейчас он находится в процессе институционализации, поэтому возникает множество рисков – организационных, профессиональных, социально-психологических.

Смысл этого субинститута заключается в сохранении независимости от органов власти на местах, политических партий, общественных организаций, уполномоченный должен сохранять непредвзятость в процессе отстаивания прав ребенка. И еще – он не должен дублировать функции других учреждений – органов опеки, служб социального сопровождения, органов внутренних дел и других, его задачи – организовывать взаимодействия, проводить проверки, принимать граждан, выступать с законодательными инициативами, осуществлять научно-методическую и информационно-пропагандистскую работу, всё время сохраняя фокус внимания на правах и интересах ребенка, его семьи.

Теперь перейдем к рассмотрению *ценностно-содержательной структуры правозащитного института*. Ее, в первую очередь, формируют правовые нормы международного и российского законодательства, которые устанавливают социальные гарантии прав семьи и детей, регламентируют деятельность институций, защищающих детство.

К принципам функционирования правозащитного института российское законодательство относит принцип превенции (предупреждение правонарушений несовершеннолетних, семейного неблагополучия, употребления ПАВ), принцип приоритетности прав, свобод и законных интересов ребенка, принцип доступности социально-правовой помощи несовершеннолетним (правовое просвещение, создание служб экстренного реагирования, телефонов доверия).

Арсенал *социальных ролей* представителей этого института охватывает роли медиатора (= примирителя, посредника между конфликтующими сторонами, одной из которых является несовершеннолетний), супервизора, консультанта и другие. Посредническая деятельность в области защиты прав населения РФ в Федеральном законе № 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" (2010 г.) обозначена как медиация – альтернативная судебной процедура урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора. Данным законом регулируются вопросы применения медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. Его принятие связано с расширением возможностей досудебного урегулирования споров.

В качестве супервизора (= наблюдателя, контролера за исполнением существующего законодательства, функционированием безопасной среды детства), а также карательного органа в случае выявления нарушений, злоупотреблений со стороны институций или семей в отношении интересов ребенка могут выступать представители органов опеки, прокурор, уполномоченный по правам ребенка. В работе с несовершеннолетними правонарушителями можно говорить о смене социальных ролей представителей комиссий и инспекций по делам несовершеннолетних – карательных на примирительные, отсюда – смена технологий социальной работы с этой категорией детей и подростков.

Дальнейшее распространение ювенального правосудия провоцирует введение специальных ювенальных норм, процедур и технологий. Так, кроме принципа восстановительного правосудия, важным принципом работы комиссий по делам несовершеннолетних становится принятие ответственности (осознание ответственности) несовершеннолетним правонарушителем, принцип поддерживающего окружения (включение в работу родителей, других членов семьи, других взрослых, поощряющих позитивные изменения в несовершеннолетнем правонарушителе).

А. С. Автономов приводит набор из 15 индикаторов для оценки состояния ювенальной юстиции со ссылкой на ЮНИСЕФ и Управление ООН по наркотикам и преступности. Все они (11 количественных и 4 качественных) ориентированы исключительно на несовершеннолетних правонарушителей, и только 15-й индикатор может применяться также в отношении всего детского сообщества, так как предполагает наличие национального плана по предупреждению вовлечения детей в преступную деятельность [1]. Это говорит о недостаточном внимании к основной части детского населения, защите их прав, а также недооценении значимости мер профилактики распространения наркомании, алкоголизма, правонарушений и других девиаций. Складывается такая ситуация, когда средства социальной защиты направляются главным образом детям-сиротам, детям-девиантам и делинквентам, а обычные дети из обычных семей выпадают из поля зрения институций.

Многими исследователями ювенальная юстиция рассматривается как некая панацея от всех проблем детства. Однако необходимо заметить, что ряд норм ювенальной юстиции действует уже достаточно давно. Например, согласно УПК в допросе обвиняемого, не достигшего 16 лет, обязательно должен участвовать психолог или педагог для учета индивидуальных особенностей ребенка и деформализации судебного процесса. Принцип перехода от карательных мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей к социально-реабилитационным тоже не нов, его содержит Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Статья 2 Закона в качестве одной из основных задач деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних обозначила социально-педагогическую реабилитацию детей, оказавшихся в социально опасном положении. Таким образом, правовые основания ювенальной деятельности существуют уже более десятилетия, а в социальном положении детства существенных изменений пока нет.

Филипова А. Г.

ПРАВОЗАЩИТНЫЙ ИНСТИТУТ И ДЕТСТВО

В табл. 3 представлены социальные практики правозащитной деятельности КДН двух периодов – советского и постсоветского. Их сопоставление демонстрирует изменение алгоритма работы КДН, но многие инновации не находят практического воплощения, оставаясь идеями на бумаге.

Таблица 3

Социальные практики в деятельности Комиссии по делам несовершеннолетних

	Советские социальные практики	Новые социальные практики
Объект социальных воздействий		
Неблагополучная семья	Лишение родителей родительских прав	Ранняя профилактика семейного неблагополучия
Несовершеннолетний правонарушитель	Функция административного правосудия, ресоциализация через систему исполнений наказаний	Функция реабилитации, приоритет внесудебного разбирательства, использование примирительных процедур
Содержательные элементы		
Взаимодействия	Материалы о семейном неблагополучии, безнадзорности и правонарушениях несовершеннолетних поступают из ОВД	Системные взаимодействия со всеми учреждениями социальной защиты привлечение психологов, социальных работников, специальная подготовка ювенальных судей
Технологии	Вызов на комиссию по делам несовершеннолетних (проблема «вращающихся дверей»), административные меры воздействия	Раннее выявление семей, находящихся в социально опасном положении, формирование межведомственных советов по профилактике семейного неблагополучия, правонарушений несовершеннолетних
Финансовая основа	Государственное финансирование правозащитных учреждений, самостоятельный поиск средств НКО	Публичные конкурсы на выполнение социального заказа, целевые социальные программы, экспериментальные проекты, поддерживаемые в форме грантов

Деятельность правозащитного института сопряжена с возникновением рисков – *внешних и внутренних, содержательных и процедурных*. Мы проанализируем эти риски на основе материалов сайта уполномоченного по правам ребенка в г. Санкт-Петербурге (см. прим. 4). 10 октября 2010 г. пресс-службой сайта была инициирована новая тема форума – «Ювенальная юстиция: быть или не быть». Обращение пресс-службы к участникам форума демонстрирует два видения ЮЮ – по существу две крайние позиции, которые артикулируют и участники форума, но с явным перевесом второй позиции: *Специальные суды для оступившихся подростков или машина по изъятию детей у родителей?*

Сообщения на форум начали поступать 11 октября. По данным на 24 февраля 2011 г. на сайте было зарегистрировано 86 сообщений. В табл. 4 выделены аргументы «за» и «против» введения в России ювенального правосудия, позволяющие идентифицировать социально-психологические и организационные риски правозащитного института.

Аргументы «за» и «против» отражают два дискурса – государственный (прозападный) и общественный (традиционный родительский), вступающие в борьбу за значения. Узловыми точками, вокруг которых фиксируются значения, стали: семья, детство, родительство. Дискуссия по поводу защиты прав детей посредством деятельности органов ювенальной юстиции смещается в сторону взаимодействия/противостояния семьи и правозащитного института. Семья как закрытая социальная система противится наступлению на нее государства в лице социальных служб, ювенальных судов, органов опеки и попечительства,

поэтому участники форума (настоящие или будущие родители) выдвигают свои негативные сценарии внедрения ЮЮ, которые по существу являются этапами распространения государственного произвола и наступления на семью.

Таблица 4

Материалы дискуссии «Быть или не быть ювенальной юстиции»

	Высказывания противников ЮЮ	высказывания сторонников ЮЮ
Главные аргументы	Незаконное изъятие органами опеки детей из семей, дети становятся инструментом для манипуляций родителями	Специальные институты для своевременного выявления фактов насилия, нарушения прав несовершеннолетних в семье, использование ювенальных технологий в работе с несовершеннолетними правонарушителями
Фон	- традиционные русские ценности – наши устои – традиционная русская семья – Православная Церковь - советское прошлое в негативном ключе: репрессии, тоталитарный контроль – вмешательство государства в частную сферу семейных отношений	- вестернизация – модернизация – реформа системы здравоохранения, образования - советское прошлое в позитивном ключе: система социальной поддержки семьи – развитая социальная инфраструктура детства
Концепт ЮЮ	Попытка государства воспитать как можно более послушных граждан; мощнейшая система тотального контроля за родителями	Специальная система правосудия в отношении несовершеннолетних; своевременное выявление фактов насилия, нарушения прав детей; ЮЮ не инструмент для стукачества

Сценарий 1 – «Национальная трагедия», смерть для российской семьи, развал института семьи. Быть или не быть ЮЮ реконструируется в «быть или не быть семье» и более масштабно «быть или не быть России». Как альтернатива введению ювенальной юстиции предлагается усиление государственной поддержки семьи – «не отнимать детей от матерей, а помочь семьям выжить».

Сценарий 2 – «Кровавая юстиция». Здесь прослеживается параллель с периодом сталинских репрессий – «время доносов и расправ»; неограниченный простор для субъективизма и произвола; детей будут отбирать за долги по ЖКХ, за бедность, за доносы и клевету на родителей.

Сценарий 3 – «Народный бунт». Предполагает активное противодействие со стороны равнодушной общественности введению ЮЮ: мы и сами можем позаботиться о детях; ЮЮ сорвет последние якоря стабилизации общества; свою семью я государству не сдам. Я выйду на улицу; народ выйдет на улицы, начнет защищаться.

Анализ материалов вышеозначенного форума, данных социологических исследований позволяет выделить риски, с которыми сталкивается правозащитный институт системы социальной защиты детства. Условно риски могут быть разделены на три группы – организационные, профессиональные и социально-психологические. Организационные риски связаны со структурой и нормативными основаниями деятельности института – это потеря управляемости за счет расширения вертикальных и горизонтальных связей, отсутствие соответствующей нормативно-правовой базы (нет закона об уполномоченном по правам ребенка, о КДН, о ЮЮ и пр.), отсутствие специальных помещений для ювенальных судов, нехватка специальных воспитательных учреждений.

Углубление социального неравенства, распространение девиаций (наркомании, алкоголизма), а также преступного поведения в обществе, социально-экономические проблемы (потеря работы, малообеспеченность) требуют пересмотра технологий социальной работы с семьей и детьми, поэтому профессиональные риски связаны с отсутствием системы подготовки кадров для ЮЮ, отсутствием технологий воздействия на асоциальных родителей, тех-

нологий превенции, с формальностью исполнения правозащитных процедур (например, заседания КДН), проблемой «вращающихся дверей» (работа с одними и теми же семьями по кругу, без результата) и др.

Оппозиционные настроения, неприятие ювенальной юстиции населением провоцируют социально-психологические риски правозащитного института. В их основе – кризис доверия институциям, негативный имидж правозащитных учреждений (как взяточников и равнодушных к судьбе детей людей), сформировавшийся не без участия средств массовой информации. К этой группе рисков можно также отнести синдром эмоционального выгорания – проблему специалистов, сталкивающихся в течение длительного времени с семейными девиациями, детскими страданиями и выработавших свой ресурс сострадания, человеческого участия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов, А. С. Ювенальная юстиция: учеб. пособие / А.С. Автономов. – М.: Российский благотворительный фонд «НАН», 2009. – 186 с.
2. Борисов, А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.
3. Ермаков, В. Д. Юстиция обязана защищать права и законные интересы несовершеннолетних / В.Д. Ермаков // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 23.
4. Защита прав ребенка (социальные и юридические аспекты). – М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», 1999. – С. 24-31.
http://www.juvenilejustice.ru/documents/doc3/int/statem_jj/tkachev_what/page1/

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В статье используются общепринятые в социальной и юридической практике сокращения: ПАВ – психоактивные вещества, КДН – комиссия по делам несовершеннолетних, ЮЮ – ювенальная юстиция, ПМПК – психолого-медико-педагогическая комиссия, ЦВС – центр временного содержания.
2. Согласно информации, размещенной на сайте Уполномоченного по правам человека в Хабаровском крае. Адрес доступа: <http://www.pravo.khv.ru/ombudsman/history>
3. Адрес доступа: <http://spbdeti.org>, <http://www.adm.samara.ru>, <http://www.pravo.khv.ru>. Дата обращения: 19.09.2011.
4. Сайт включает информацию о работе уполномоченного, материалы биографического характера, законодательство о детях, обзор детской статистики, обзор прессы о деятельности органов, защищающих права детей, а также полезную информацию о социальных службах, общественных организациях г. Санкт-Петербурга и др. В качестве вариантов интерактивного общения на сайте предложены: блог С. Агапитовой, форум и он-лайн консультации.

Шунейко С. А.
S. A. Shuneyko

ЗАЗЫВАЛА КАК РЕПРЕЗЕНТАТОР ОСОБЕННОСТЕЙ ТОРГОВОГО ПРОСТРАНСТВА

A TOUT/BARKER AS A VERBAL REPRESENTATIVE OF COMMERCIAL SPACE PECULIARITIES

Шунейко Светлана Альфредовна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Амурского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Ms. Svetlana A. Shuneyko – Senior Lecturer, Department of the Russian Language and Literature, the Amur State University of Humanities and Pedagogy, (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov St.; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Аннотация. Зазывалу можно считать полным и постоянным вербальным репрезентатором торгового пространства в целом и его отдельных частей в силу того, что зазывалы, фокусирующие в себе особенности торгового пространства, используют практически все представители торгового пространства.

Summary. A pavement salesman (barker, tout, puller-in) can be considered a full and constant *verbal representative* of a commercial space and of its separate parts because practically every such solicitor uses invitations, appeals and calls to action that envelop all peculiarities of this particular commercial space.

Ключевые слова: торговое пространство, зазывала.

Keywords: commercial space, tout, barker.

УДК 008

Использование зазывала не локализуется у какого-либо одного персонажа торгового пространства [7], их с различной целью применяют практически все его участники. Они же деятельно реализуют все функции торгового пространства [8]. В силу этого зазывалу можно считать полным и постоянным вербальным репрезентатором торгового пространства в целом и его отдельных частей.

В этой связи очень показательно то, что само слово зазывала используется не в значении наименования конкретного вида деятельности и специализации лица по роду занятий, а в значении 'любой, всякий функционер торгового пространства, использующий зазывалы'. Ср.: «Я любил останавливаться и подолгу смотреть на эту галдящую орду, а иногда и отдаваться воле зазывал. // Идешь по тротуару мимо лавок, а тебя за полы хватают. // – Пожалте-с, у нас покупали! // Тащат и тащат. Хочешь не хочешь, заведут в лавку. А там уже обступят другие приказчики: всякий свое дело делает и свои заученные слова говорит. Срепетовка ролей и исполнение удивительные. Заставят пересмотреть, а то и примерить всё: и шубу, и пальто, и поддевку. // – Да ведь мне ничего не надо! // – Теперь не надо. Опосля понадобится. Лишнее знание не повредит. Окромья пользы, от этого ничего. Может, что знакомым понадобится, вот и знаете, где купить, а какой товар – сами убедились. // Шумит зазывала на улице у лавки. // Идет строгая дама. // – Сударыня! У нас покупали. Для супруга пальто, для деток поддевки-с... // Дама гордо проходит мимо. Тон зазывалы меняется. // – Сударыня, сударыня! Из брюк чего-нибудь не желаете ли!.. – кричит ей вдогонку при общем хохоте зазывала и ловит новых прохожих» [1, 100 – 101].

Зазывалой может быть или становится всякий, кто с определенной целью озвучивает зазыв. Сам факт озвучивания имеет различные цели, но он всегда обозначает принадлежность к торговому пространству, его наличие и включение в него.

По характеру своей адресации зазывы были трех типов: 1) Безадресные, не обращенные ни к кому конкретно, адресованные неопределенной группе людей. В таких зазывах информационная цель соединялась с имиджевой. С их помощью отыскивались клиенты и ориентировались в нужном для продавца направлении. 2) Обращенные к конкретной более или менее локализованной группе людей, потенциальных клиентов. С их помощью группа подталкивалась к нужному действию. Такие зазывы использовал балаганный дед. 3) Личностно ориентированные зазывы, обращенные к конкретному лицу. «Лавки готового платья. И здесь, так же, как на Сухаревке, насильно затаскивают покупателя. Около входа всегда галдеж от десятка “зазывал”, обязанностью которых было хватать за полы проходящих по тротуарам и тащить их непременно в магазин, не обращая внимания, нужно или не нужно ему готовое платье. // – Да мне не надо платья! – отбивается от двух молодцов в поддевках, ухвативших его за руки, какой-нибудь купец или даже чиновник. // – Помилте, выпздоровье, – или если чиновник, – васкобродие, да вы только поглядите товар. // И каждый не отстает от него, тянет в свою сторону, к своей лавке. // А если удастся затащить в лавку, так несчастного заговорят, замучат примеркой и уговорят купить, если не для себя, то для супруги, для деток или для кучера... Великие мастера были “зазывалы”! // – У меня только в лавку зайди, не надо, да купи! Уговорю!.. – скажет хороший “зазывало” и действительно уговорит. // Такие же “зазывалы” были и у лавок с готовой обувью на Старой площади, и в закоулках Ямского приказа на Москворецкой улице» [1, 113].

Эти три типа реализуются в различных типах коммуникации и, соответственно, в культурном, семиотическом и лингвистическом смыслах существенно различаются. Важно, что профессиональные зазывалы, не обладая никакими специальными теоретическими знаниями, эти отличия очень хорошо чувствовали.

Ср.: «<...> я удивился тому, как он ловко умеет владеть толпой. Он мне ответил: // – Это что, толпа – баранье стадо. Куда козел, туда и она. Куда хочешь повернешь. А вот на Сухаревке попробуй! Мужик в одиночку втолкуй, какому-нибудь коблу лесному, а еще труднее – культуру степному, да заставь его в лавку зайти, да уговори его ненужное купить. Это, брат, не с толпой под Девичьим, а в сто раз труднее! А у меня за тридцать лет на Сухаревке никто мимо лавки не прошел. А ты – толпа, толпу... зимой купаться уговорю!» [1, 102].

Деятельность зазывалы практически всегда предполагала ту или иную меру обмана. Она могла быть очень небольшой: включать в себя преувеличение качеств действительно хорошего товара. Она же могла быть значительной: полностью дезориентировать покупателя относительно качества товара. В последнем случае зазывала в своих функциях уравнивался с вором и включался в криминальную сферу.

Ср.: «<...> надуть покупателя благодаря “зазывалам” было легко. На последние деньги купит он сапоги, наденет, пройдет две-три улицы по лужам в дождливую погоду – глядь, подошва отошла, и вместо кожи – бумага из сапога торчит. Он обратно в лавку... “Зазывалы” уже знали зачем, и на его жалобы закидают словами и его же выставят мошенником: пришел, мол, халтуру сорвать, купил на базаре сапоги, а лезешь к нам...// – Ну, ну, в какой лавке купил? // Стоит несчастный покупатель, растерявшись, глядит – лавок много, у всех вески и выходы похожи, и у каждой толпа “зазывал”...» [1, 114].

Находясь вне локализованного торгового пространства, зазывала проникает практически во все сферы жизни. У этого проникновения множество функций. Этим он показывает универсальность своей роли, демонстрирует свой статус в качестве универсального культурного типа. Этим он расширяет торговое пространство и, по сути, превращает различные виды человеческой деятельности в торг или сводит их к торгу. Этим он реализует свои конкретные задачи.

Наиболее активно, последовательно и часто зазывала проникает в те среды, которые с торговым пространством тесно связаны: в сферу развлечений и в криминальную сферу. Здесь он демонстрирует те же приемы деятельности.

Зазывала по-разному обслуживает задачи и потребности криминальной среды. Ср.: «Передо мной одна из тех трупп, куда заманиваются пьяные, которых обирают дочиста и выбрасывают на пустыри. // Около входов стоят женщины, показывают “живые картины” и зазывают случайно забредших пьяных, обещая за пятак предоставить все радости жизни вплоть до папироски за ту же цену... // Когда я пересек двор и подошел к входу в подвал, расположенному в глубине двора, то услышал приглашение на французском языке и далее по-русски: // – Зайдите к нам, у нас весело! // От стены отделилась высокая женщина и за рукав потащила меня вниз по лестнице: // – У нас и водка и пиво есть!» [1, 130].

У всех представителей торгового пространства есть набор идентификационных черт. Основными из них являются: внешний облик, характер поведения и особенности речи. Проявление этих черт создает индивидуальность представителя. С этой точки зрения, зазывала занимает особенное положение.

Его внешний облик тождественен представителю того типа, который в данный момент выполняет функции зазывалы. То есть можно говорить о том, что особенностей внешнего облика у профессионального зазывалы нет. Будучи функциональным типом, он постоянно «переряжается» в одежды иных представителей: парикмахера, купца или приказчика.

То же можно сказать и об особенностях поведения. Его характеризует высокая степень мобильности. Но без неё не может обойтись ни один рассчитывающий на успех представитель торгового пространства. В остальном же черты поведения демонстрируют ту сферу деятельности, в рамках которой озвучиваются зазывы.

Два эти фактора еще раз указывают на то, что зазывала концентрирует в себе особенности представителей торгового пространства. В процессе своих конкретных действий он демонстрирует нужный для достижения цели набор черт.

Но все же единственный идентификационный показатель у него есть – это его речь. Именно она выделяет его из числа других функционеров. Будучи зафиксированной в текстах зазывов, она воплощает и характер взаимодействия с окружающим миром, и характер целевых установок, и характер восприятия реальности, и свое место в торге, и отношение к тем, с кем осуществляется взаимодействие, и мн. др.

Обратимся к изобразительным средствам, которые использует зазывала в своей речи, потому что именно они наиболее ярко воплощают стихию торга и сопряженную с ней стихию народной смеховой культуры. Основными изобразительными средствами, которые использует зазывала, являются: алогизмы или элементы поэтики абсурда, антитезы, гиперболы, ирония, перечислительные ряды, повторы, рифмовки, эпитеты. Проиллюстрируем употребление каждого из этих средств, подчеркнув, что каждый развернутый зазыв не может обойтись, по крайней мере, без одного из них.

Алогизмы или элементы поэтики абсурда: «И начинает вспоминать знакомые пирожки «с лучком, перцем, с собачьим сердцем», которые готовились в грязном переулке на Моховой, кажется специально для нас, студентов-медиков <...>» [3, 530].

Антитезы: Здравствуйте, господа! сам пришел сюда, *вас повеселить, да себе что-нибудь в карман положить!* – Так начинает Пичинелла. Его приветствие заметно понравилось <...> [2, 102].

Гиперболы: «Владельцы популярных среди простого люда дешевых лотерей во время общегородских гуляний на масленичной или пасхальной неделях, расхваливая свои нехитрые товары, почитали за высший знак качества упоминание завода англичанина Берда. Лотерейщик нараспев зазывал простодушных обывателей: // Серьги золотые // У Берта на заводе из меди литые, // Безо всякого подмеса // *Девяти пудов весу.* // Ему вторил другой, чуть ли не вплотную стоящий торговец: // Еще, господа, кольцо золотое, // Даже заказное, // У Берта отлитое, // *Полтора пуда весом.*» [6, 205-206]

Ирония: Ай да яичко // С живой птичкой! // Все деточки удивляются: // «Откуда петушок появляется?» // Не кушает, не пьет, // В яичке живет! [5] Американская обезьянка Фокка! // Танцует без отдыха и срока! // Пьяна не напивается, // С мужем не ругается! // Пляшет и весело живет // И пьяницей не слывет! [5]

Перечислительные ряды: Номинативные перечислительные ряды: «Ой, избоины маковой, под окошками плакала, на грош два кома! – Тащи чугуна, железо, худы голицы, хрусталь, кости (дурандашники)!»; «Садовые, медовые, наливчатые, рассыпчатые (яблоки)».

Повторы: «Немцы и тут впереди, а глупые русские торговцы оттиснуты уже на задний план. Из этих виднее всех бабы, кричащие пронзительным голосом: «Ниточек, ниточек!», причем с визгом ударяется на букву «и». Далее кричат: «Шнурочков! Чулочков!», а между тем каждая из этих торговек только и глядит, где бы ей что стащить, или у кого что-нибудь вытащить» [4, 147].

Рифмовки: А вот валенки - // Большие и маленькие! [5] А вот веселый «Коркодил», // Что по улице ходил. // Кому «Коркодил»?! [5] А вот шоколад! // Купил плитку, будешь рад, - // Покупай шоколад! [5]

Эпитеты: А вот деточкам - // Малолеточкам - // Медведь-топтун! // Соловей-свистун! [5] Ай да блины! // Три дня как испечены, // А сейчас кипят! // Вкусные блиночки! // Кушайте, сыночки // И мои любимые дочки! // Ну что за блины! // И сочные, и молочные, // И крутичестые, и рассыпчатые! [5]

В тексте одного зазыва различные изобразительные средства могут сочетаться. «Варварушка, подходи // Да тетку Марью подводи, // У плешивого Ивана // Торговля без обмана. // Он товар продает, // Всем придачу дает: // Пеструю телушку // Да денег полушку, // С хлебом тридцать амбаров // Да сорок мороженных тараканов, // На прибавку осла // да бородатого козла.»

Основная функция изобразительных средств в зазывах – тем или иным способом привлечь внимание адресата. Осуществляется она за счет того, что текст с изобразительными средствами нарушает автоматизм восприятия речи и, уже в силу своей выделенности из окружающего речевого потока, запечатлевается в памяти.

С другой стороны, именно такой текст и является наиболее полным репрезентатором культурного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиляровский, В. А. Москва и москвичи / В. А. Гиляровский; авт. предисл. и примеч. И. Н. Сухих. – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009. – 480 с.
2. Григорович, Д. Петербургские шарманщики / Д. Григорович // Физиология Петербурга. – М.: Советская Россия, 1984.
3. Елпатьевский, С. Я. Антон Павлович Чехов / С. Я. Елпатьевский // Чехов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1954.
4. Прыжов, И. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков... / И. Прыжов. – СПб.: Эзро, 1996.
5. Симаков, В. И. Из архива / В. И. Симаков // Из истории русской фольклористики. – Л.: Наука, 1978. С. 107-157.
6. Синдаловский, Н. «Все флаги в гости...» / Н. Синдаловский // Нева. – № 1. – 1998.
7. Шунейко, С. А. Персонажи торгового пространства в России XIX – начала XX веков / С. А. Шунейко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № III-2(7). – С. 89-92.
8. Шунейко, С. А. Функции торгового пространства в России XIX – начала XX века / С. А. Шунейко // Вопросы культурологии. – 2011. – № 6.

Баранов С. Е.
S. E. Baranov

**ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ
ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ
ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ**

**PROCESS-ORIENTED APPROACH TO THE EFFICIENCY ESTIMATION
OF INTANGIBLE ASSETS' MANAGEMENT IN A VERTICALLY-INTEGRATED
ENTERPRISE**

Баранов Сергей Евгеньевич – аспирант кафедры «Экономика и финансы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре; 8(4217)42-13-82. E-mail: deti.indigo@gmail.com.

Mr. Sergey E. Baranov – PhD student at the Department of Economics and Finance, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur; 8(4217)42-13-82. E-mail: deti.indigo@gmail.com.

Аннотация. В статье приведен анализ существующих принципов управления вертикально-интегрированными предпринимательскими структурами, предложены новые, обосновано их применение в управлении предприятием, рассмотрено понятие вертикально-интегрированная структура.

Summary. The paper presents a method for estimation of efficiency of management of intangible assets in vertically-integrated enterprises and its impact on the economic results of the organization' activity.

Ключевые слова: вертикально-интегрированная структура, принципы управления, эмерджентность, целостность, системность.

Key words: intangible assets, process-oriented approach, vertically-integrated enterprise, business processes, efficiency.

УДК 338.242.2

Новый этап развития мировой экономики характеризуется системной интеграцией экономик государств, международной концентрацией капитала, интеграцией мировых рынков и глобализацией хозяйственной деятельности компаний. Важнейшими его факторами становятся научно-технический прогресс и интеллектуализация основных факторов производства. Инновационно-информационная экономика – экономика, где основными факторами развития являются нематериальные активы, знания и человеческий капитал [1].

Развитие глобальной конкуренции, необходимость проведения дорогостоящих научных исследований и реализации рискованных проектов выведения инноваций на рынок требует объединения ресурсов предприятий и интеграции во всех сферах экономической деятельности. Наиболее часто встречающимся интеграционным объединением является вертикально-интегрированное предприятие – *объединение экономических субъектов, представляющих последовательные стадии производства и реализации товара, участники которой выступают как единый экономический объект, сформированное путем консолидации активов или реализации договорных контрактных отношений с целью осуществления совместной деятельности и достижения общих целей.*

Управление нематериальными активами (НМА) становится важнейшей задачей управления предприятием. НМА в условиях инновационно-информационной экономики способны создавать большую стоимость, чем материальные. Однако влияние нематериаль-

Баранов С. Е.

**ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ**

ных ресурсов на экономические результаты деятельности предприятия является опосредованным и трудноизмеримым, поэтому не может быть оценено с помощью традиционных методов технико-экономического анализа. Предлагается оценить влияние НМА с помощью процессно-ориентированного подхода. Рассмотрение деятельности вертикально-интегрированного предприятия как цепочки последовательных и параллельных бизнес-процессов позволяет установить целевые характеристики для НМА конкретного бизнес-процесса.

Оценка агрегированных групп НМА, как показано в работах российских и зарубежных авторов, является неэффективной, т.к. в различных бизнес-процессах участвуют дифференцированные группы НМА. Так, человеческие ресурсы можно разделить по степени квалификации персонала, по функциональному признаку (производственные рабочие, административный и управленческий персонал, обслуживающий персонал). Информационно-технологические ресурсы также можно разделить на оборудование, программное обеспечение, инновационные проекты в различной стадии реализации и т.п. К каждой группе ресурсов необходимо разработать дифференцированные требования в соответствии со стратегическими целями предприятия.

Управление НМА предприятия должно осуществляться в соответствии с общей стратегией предприятия. Следовательно, для разработки целевых требований для НМА необходимо изучить систему целей исследуемого предприятия. Для осуществления поставленных целей необходимо разработать конкретные пути их достижения и сформировать критерии достижения целей. В качестве инструмента стратегического планирования на предприятии может быть использована система сбалансированных показателей эффективности (ССП), которая позволяет оценить степень достижения целей, используя количественные показатели оценки, сформировать стратегические инициативы (пути достижения целей), а также сформулировать критерии стратегической готовности основных ресурсов предприятия (целевые характеристики) с разбиением на бизнес-процессы [2].

Каждая стратегическая инициатива представляет собой инновационный проект, для реализации которого необходимо задействовать всю систему бизнес-процессов организации. Целевые характеристики НМА можно оценить только в рамках каждого бизнес-процесса организации в отдельности (см. табл. 1).

Таблица 1

Определение целевых характеристик НМА по бизнес-процессам

Бизнес-процесс	Ресурсы	Целевые характеристики	Фактические характеристики	Инициатива	Затраты
1	2	3	4	5	6
НИ-ОКР	Человеческие: Остепененность кадров; Опыт работы Количество человек в отделе Информационно-технологические: Износ оборудования; Программное обеспечение Финансовые Производственные	80 % 5 лет 4 Менее 25 % Менее 5 %	60 % 4,5 3 70 % 45 %	1. Введение доплаты за степень. 2. Открыть вакансию для нового сотрудника НИОКР с требуемыми характеристиками. 3. Плановый ремонт оборудования. 4. Закупка нового программного обеспечения	

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
Производство	Человеческие: Умение производственного персонала работать на новом оборудовании; Производительность труда; Инновационно-технологические: закупка новой производственной линии для производства ортопедических матрасов	100 % +20 % -	0 % Базовый уровень +	1. Закупка новой производственной линии. 2. Обучение производственного персонала работать на ней	

Оценить эффективность управляющего воздействия на НМА предлагается через эффективность бизнес-процессов организации, которую определяют с помощью формулы

$$E = \frac{\text{Выручка} * S_i - \text{Затраты на процесс}}{\text{Затраты на процесс} * \text{Качество бизнес - процесса}}, \quad (1)$$

где E – эффективность бизнес-процесса i ; S_i – статистический показатель бизнес-процесса i .

Основным количественным показателем эффективности бизнес-процесса является его рентабельность, которая характеризуется отношением доли выручки компании, приходящейся на данный бизнес-процесс, к стоимости бизнес-процесса (первая часть формулы (1)). Статистический показатель можно определить с помощью затратного метода, который характеризует распределение выручки компании согласно затратам на каждый бизнес-процесс, и с помощью производственной функции компании. Производственная функция позволяет определить вклад каждого ресурса (фактора производства) в выручку компании. Используя эти знания и основываясь на утверждении, что влияние ресурса на выручку зависит не только от стоимости этого ресурса, но и от определенного количества, вложенного его в производство, можно определить статистический показатель бизнес-процесса с помощью формулы

$$S_i = \sum_{j=1}^n \frac{C_{ji}}{C_j} * S_j, \quad (2)$$

где S_i – статистический показатель бизнес-процесса i ; C_{ji} – затраты ресурса j в рамках бизнес-процесса i ; C_j – затраты j в масштабах всего интегрированного предприятия; S_j – статистический показатель ресурса j .

Качество бизнес-процесса предлагается определить с помощью трех групп независимых показателей: **показатели процесса; показатели продукта; показатели используемых ресурсов**. Показатели процесса характеризуют эффективность самого процесса достижения целей в рамках бизнес-процесса (эффективность обучения персонала в рамках процесса «управление персоналом», процент брака в производственном процессе и т.п.). Показатели продукта характеризуют качество произведенного продукта. У каждого бизнес-процесса свой «продукт», который может являться ресурсом для последовательного бизнес-процесса, поэтому требования к качеству продукта должны разрабатываться индивидуально для отдельных бизнес-процессов. Показатели ресурсов характеризуют качество используемых ресурсов и их соответствие требуемым характеристикам.

Баранов С. Е.

**ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ**

Специфика производства и различия в требованиях к качеству продуктов и ресурсов в различных сферах деятельности диктует необходимость разработки индивидуальных показателей качества по каждой группе для конкретного исследуемого бизнес-процесса. Многопараметрическая оценка соответствия ресурсов/продуктов требуемым характеристикам может быть проведена на основе модели рейтинговой оценки эмитентов. Суть модели состоит в минимизации среднеквадратичного отклонения совокупности оцениваемых параметров объекта управления от их целевых значений. Состав и структура показателей качества ресурсов/продуктов могут варьироваться в зависимости от конкретного бизнес-процесса предприятия.

По каждому бизнес-процессу необходимо сформировать матрицу, в столбцах которой будут ресурсные группы, качество которых мы анализируем, а в строках – показатели качества ресурсных групп.

По каждому ресурсу, используемому в бизнес-процессе, экспертной группе необходимо разработать целевые показатели, соответствующие общей стратегии вертикально-интегрированного предприятия. Сформированная матрица будет эталонной (целевой) или базой для сравнения. На следующем этапе необходимо оценить текущее состояние ресурсов/продуктов по тем же показателям с помощью метода экспертных оценок. Затем, используя математическое отклонение, сравнить полученную матрицу с эталонной матрицей по анализируемому бизнес-процессу:

$$\Delta = \sum_{j=1}^n \sum_{i=1}^m (a_{ij} - b_{ij})^2, \quad (3)$$

Где a_{ij} – элементы матрицы А (эталонная матрица); b_{ij} – элементы матрицы В (матрица исследуемого предприятия). Чем меньше отклонение, тем ближе ресурсы к целевым значениям.

Обе матрицы имеют одинаковую размерность, n столбцов и m строк.

Эффективность использования НМА рассчитаем как отношение экономического эффекта к затратам на конкретную группу НМА в рамках бизнес-процесса:

$$E_{НМА} = \frac{\text{Экономический эффект}}{\text{Затраты}}. \quad (4)$$

Экономический эффект – это комплексная характеристика. В первую очередь, это несомненно прирост выручки предприятия, который может быть реализован через 1) прирост объема продаж, т.е. расширения рынков сбыта, или 2) за счет снижения издержек, посредством оптимизации использования ресурсов предприятия или 3) за счет увеличения ценовой надбавки, что может быть достигнуто как плата за инновационность выпускаемого продукта, его высокое качество, конкурентоспособность на рынке.

Во вторую очередь, это рыночный эффект, т.е. увеличение конкурентоспособности предприятия или товара, увеличение доли рынка, снижение рыночного риска, увеличение эффекта масштаба и т.п.

Экономический эффект зависит от эффективности интеграции объединенного предприятия, т.е. насколько специфичны используемые активы и какова экономия на расходах.

Используя системный подход в управлении предприятием, необходимо рассчитывать общий экономический эффект, который возникает от общей инновационной деятельности предприятия, учитывая синергетический эффект функционирования вертикально-интегрированного предприятия.

Рассчитать комплексный экономический эффект предлагается с помощью метода дисконтированных денежных потоков:

$$CF = \frac{CF_1}{(1+r)^1} + \frac{CF_2}{(1+r)^2} + \dots + \frac{CF_n}{(1+r)^n} + \frac{TV}{(1+r)^n}, \quad (5)$$

где CF – сумма, которую мы можем себе позволить затратить на инвестиции; $CF_{1,2,\dots,n}$ – денежные потоки (прибыль на кассовой основе) проекта в годы $1, 2, \dots, n$; TV – конечная стоимость продукта, создаваемого в рамках инновационного проекта.

$CF_{1,2,\dots,n}$ вычисляется на основе данных прогнозного отчета о прибылях и убытках. На первом уровне считается, что денежный поток равен сумме чистой прибыли и амортизации.

Распределить экономический эффект по бизнес-процессам в зависимости от вклада каждого бизнес-процесса необходимо согласно статистическому показателю (2).

Показатель времени.

Одним из наиболее часто используемых при оптимизации бизнес-процессов временных показателей является показатель эффективности производственного или операционного цикла, который рассчитывается как отношение суммарного времени выполнения всех операций процесса к продолжительности общего цикла бизнес-процесса. Данный показатель всегда меньше единицы, т.к. в процессах существуют временные разрывы, и в большинстве случаев он лежит в пределах $0,05 - 0,2$ [3]. Временные разрывы в операциях бизнес-процесса могут быть плановыми, т.е. обусловленными производственным процессом, и внеплановыми, т.е. вызванными неэффективностью работы персонала, отсутствием контроля руководства или другими факторами.

Показатель конкурентоспособности продукта или уникальность используемого ресурса.

Оценить качество ресурса/продукта всегда целесообразно, исходя из сравнения производимого продукта (используемого ресурса) с продуктами-аналогами на рынке. Сравнение может быть проведено по нескольким показателям, т.к. конкурентоспособность продукта – комплексная величина. Основной смысл, который автор вкладывает в данный показатель, – определить уникальность производимого продукта или используемого ресурса. Чем больше степень инновационности продукта, тем меньше у него конкурентов и тем выше его конкурентоспособность по сравнению с продуктами той же группы на рынке.

Показатели качества бизнес-процессов, рассмотренные выше, могут быть как относительными, так и абсолютными, следовательно, необходимо использовать методику, которая позволит дать единую оценку уровню каждого показателя и объединить их в единый комплексный интегральный показатель качества бизнес-процесса.

На первом этапе следует охарактеризовать получившееся значение показателя, вычисленного по приведенным выше формулам, как высокое, среднее или низкое. Для этого автором предложена шкала балльной оценки от 1 до 100 (1-40 – низкий уровень показателя, 41-86 – средний уровень показателя; 87-100 – высокий уровень показателя), которая позволяет присвоить рассчитанному параметру определенное количество баллов. Параметры неравнозначны и оказывают различное влияние на итоговый показатель качества, поэтому необходимо придать им вес. Итоговая оценка рассчитывается как произведение веса параметра на его балльную оценку.

Для того чтобы оценить комплексный показатель качества бизнес-процессов в сравнении друг с другом или качество управления на каждом предприятии кластера, автором предлагается использовать метод расстояния до «идеальной точки». Каждый бизнес-процесс имеет три параметра, определяющие положение точки в трехмерном пространстве. Необхо-

Баранов С. Е.

**ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ**

можно определить координаты «идеальной точки», т.е. самый лучший показатель по процессу, продукту и ресурсам. Далее необходимо рассчитать расстояние точки – бизнес-процесса в пространстве до «идеальной точки» по формуле

$$R = \sqrt{(x_2 - x_1)^2 + (y_2 - y_1)^2 + (z_2 - z_1)^2}, \quad (6)$$

где $x_{1,2}$, $y_{1,2}$, $z_{1,2}$ – координаты точек, между которыми вычисляется расстояние [4]. Чем меньше расстояние, тем лучше качество бизнес-процесса.

Теоретическую основу методики количественной оценки степени влияния НМА на экономические результаты вертикально-интегрированного предприятия составляет неоклассическая производственная функция, характеризующаяся единичной эластичностью замещения ресурсов (факторов производства), которая имеет следующий вид:

$$Y = A \prod_{i=1}^n X_i^{\gamma_i}, \quad (7)$$

где Y – объем выпуска; A – интенсивность факторов производства, характеризующая технологический, информационный и организационный уровень производства; X_i – факторы производства, существенные для анализа выпуска продукции и значимые для управления, включая «труд», «капитал», «инновационно-технологические ресурсы» и «финансы»; γ_i – коэффициенты, характеризующие эластичность объема выпуска по факторам производства.

Анализ производственной функции вертикально-интегрированного предприятия позволяет выявить степень влияния каждого из анализируемых факторов производства на выручку предприятия, рассчитать максимальную прибыль предприятия и рассчитать максимальные затраты на основные факторы производства (труд (человеческие ресурсы), капитал (финансовые ресурсы), производственные и инновационно-технологические ресурсы), что дает возможность установить ограничения на затраты, требуемые для достижения целевых характеристик НМА человеческие ресурсы и инновационно-технологические ресурсы. Кроме того, анализ производственной функции позволяет выявить вклад основных бизнес-процессов в выручку предприятия.

Управление НМА вертикально-интегрированного предприятия предполагает осуществление управляющего воздействия на различные виды НМА и контроль результатов этого воздействия.

В условиях ограниченных ресурсов необходимо выбрать стратегические инициативы (инновационные проекты), которые позволят достигнуть максимальной эффективности и принесут наибольший прирост прибыли предприятия. Сделать это можно исходя из знания прироста выручки предприятия (анализ производственной функции) в результате реализации инициативы и прироста эффективности бизнес-процесса (1), в котором происходит преобразование.

Из анализа стратегических инициатив по оказанию управленческого воздействия на основные НМА с целью повышения их стратегической готовности видно, что вложение денег в улучшение качества одного вида ресурса (человеческие ресурсы) в различных бизнес-процессах дает разный результат. Чтобы принять решение о целесообразности вложения денежных средств в ту или иную инициативу, введем интегральный показатель эффективности:

$$E = \frac{\Delta \text{Выручки}}{\text{Затраты}} \cdot \Delta \text{Эффективности} . \quad (8)$$

Проведя соответствующие расчеты, получим результат, показанный на рис. 1.

Используя методику управления НМА вертикально-интегрированного предприятия, предложенную в данном исследовании, можно определить, в каких бизнес-процессах наиболее эффективно воздействие на определенный вид НМА, какой прирост выручки получит предприятие в результате реализации конкретной стратегической инициативы, что позволяет оценить целесообразность вложения средств в различные стратегические инициативы в условиях их абсолютной ограниченности.

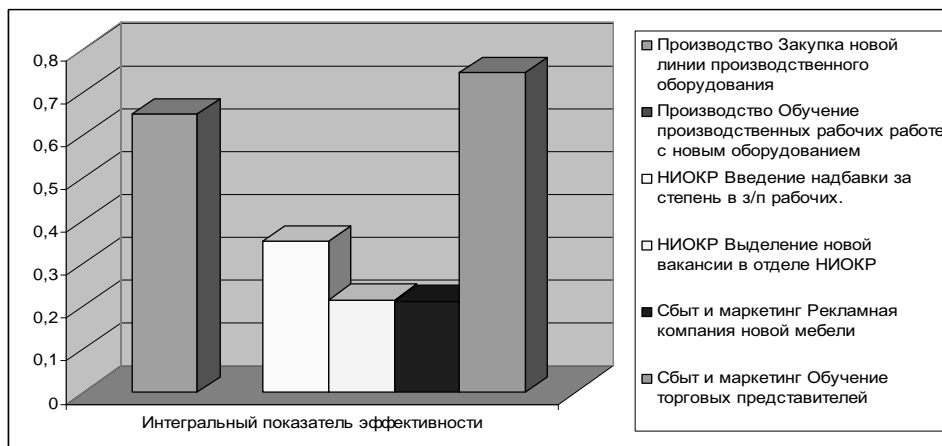

Рис. 1. Значение интегрального показателя эффективности исследуемых стратегических инициатив

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономическая теория / под ред. В. Д. Камаева. – М.: Владос, 2003. – 640 с.
2. Каплан, Роберт С. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Роберт С. Каплан, Дейвид П. Нортон. – М.: Олимп-Бизнес, 2004. – 304 с.
3. Луцкая, Т. В. Характеристика показателей результативности и эффективности бизнес-процессов предприятий сферы услуг / Т. В. Луцкая // Бизнесинформ.– 2009. – № 3. – С. 44.

Карловская Е. А.

СЕРВИСИЗАЦИЯ В СЕКТОРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ

Карловская Е. А.

E. A. Karlovskaya

**СЕРВИСИЗАЦИЯ В СЕКТОРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ**

**SERVICIZATION IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SECTOR: DEFINING
THE SCOPE OF ASSOCIATED PROBLEMS**

Карловская Евгения Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, докторант Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск). E-mail: E.A.Karlovskay@mail.ru.

Ms. E.A.Karlovskaya – PhD in Economics, Associate Professor, Doctoral Candidate, the Pacific State University (Russia, Khabarovsk). E-mail: E.A.Karlovskay@mail.ru.

Аннотация. Освещены теоретические и практические предпосылки формирования парадигмы сервисизации в секторе государственного управления России. Обозначена требующая осмысления концептуально-методологическая проблематика, связанная с сервисом в секторе государственного управления, а также организацией и управлением сервисной деятельностью.

Summary. The paper reviews theoretical and practical preconditions for the servicization paradigm in the public administration in Russia. Conceptual and methodological issues that need to be tackled are considered, that are linked to services in the public administration sector as well as to organization and management of service activities.

Ключевые слова: сервисизация, сектор государственного управления, государственная услуга.

Keywords: servicization, public administration sector, state service.

УДК 338.46

Модернизация государственной управленческой деятельности в условиях общемировой тенденции перехода к экономике инновационного типа предъявляет повышенные требования и к моделям государственного управления. Сформированный в контексте идеи инновационного развития России переход от сырьевой модели экономики к сервисной модели и укрепление государства с рыночной формой экономического устройства зафиксирован в комплексной стратегии развития страны до 2020 г. [6]. Такой вектор развития требует выбора в качестве инновационного направления *ориентира на сервисный продукт* – это «самостоятельная услуга или система, объединяющая материальный продукт (МП) и соответствующие услуги» [12].

Практическое движение в сторону экономики «сервисного» типа ведет к появлению нового типа организации социально-экономического пространства, изменению всего спектра социально-экономических отношений, оцениваемых социально-экономическими показателями качества жизни населения, уровня его жизнеобеспечения и благосостояния.

Инновационная стратегия на уровне государства при построении сервисной модели экономики в России требует не только выстраивания законодательной основы, выражающейся в виде законов, нормативных актов и т.д., регулирующих инновационную деятельность в России, но и ориентацию на определенный общественный уровень потребителей. Достижение последнего опирается на реализацию человеческого и социального потенциалов. Это выдвигает необходимость *актуализации процесса воспроизводства человеческого и со-*

циального капиталов как социально-экономического качества человеческого и социального потенциалов в макромасштабе. Решающее значение этого процесса для российской экономики и роль государства в нем зависит от производства последним *особого типа сервисного продукта – государственных услуг.*

Одним из условий достижения к 2020 г. поставленной цели является включение в число субъектов, призванных осуществлять инновационный вид деятельности, институциональных единиц сектора государственного управления. При этом мы придерживаемся типологии институциональных единиц и их распределения по секторам экономики в соответствии с методологией Системы национальных счетов, нашедшей отражение в общероссийском классификаторе институциональных единиц по секторам экономики. В сектор государственного управления входят два типа институциональных единиц: 1) органы государственной власти и управления всех уровней – министерства, ведомства, службы, агентства, а также государственные внебюджетные фонды и т.п.; 2) нерыночные некоммерческие организации, финансируемые и контролируемые государством (школы, больницы, организации культуры и т.п.) [4].

Прогнозируя переход от бюрократической к инновационной модели государственного управления и соглашаясь с позицией А. Н. Юртаева о том, что нововведения в государственном управлении «как правило, являются не продуктовыми, а организационно-управленческими, а объектом инновационной деятельности выступают технологии и процессы государственного управления» [13], считаем, что инновационным является внедрение *института сервиса*, который радикально изменяет взаимодействие институциональных единиц сектора государственного управления с институциональными субъектами других секторов экономики, а также с неинституциональными субъектами. Привнесение парадигмы *сервисизации* в сектор государственного управления видится как инновационная стратегия в этом секторе. Сущность тенденции сервисизации в секторе государственного управления связана со смещением деятельности из сферы административного производства в сферу социально-экономической деятельности с целью максимизации потребительской удовлетворенности (*сервисизация как процесс*) и повышения на этой основе эффективности институциональных единиц сектора государственного управления (*сервисизация как результат*).

Сервисизация применительно к первому типу институциональных единиц – органы государственной власти и управления – представляет собой «встраивание» *института сервиса в процесс административного производства*. В данном случае под сервисизацией понимается совокупность социально-экономических отношений, характеризующаяся смещением деятельности из сферы административного производства в сферу социально-экономической деятельности. Сервисизация применительно ко второму типу институциональных единиц сектора государственного управления – нерыночные некоммерческие организации – выражается в *создании более высокой потребительской ценности услуги*. Иной смысл, вкладываемый в процесс сервисизации для второго типа институциональных единиц, связан с тем, что организации этого типа представляют государственный сектор сферы услуг в ее традиционном понимании как совокупности организаций, производящих и распределяющих услуги.

В основе сервисного понимания государства лежит изменение роли гражданина (гражданского общества) в государственном управлении. Корни осмысления сервисного характера отношений граждан и государства восходят к аристотелевской идее участия всех граждан в управлении государством как несомненного блага. Вектор повышения роли и значения гражданина в государственном управлении с объекта воздействия государства на реального участника управленческих процессов последовательно прослеживается в различных теоретических концепциях государственного управления, которые хронологически фиксируются в следующем порядке: классическое государственное управление, новое государственное управление, общественное руководство (Governance).

Парадигма сервисизации взята за основу современного реформирования сектора государственного управления во многих странах мира, в том числе и в России. Модернизация основана «на идее сервисного публичного управления, осуществляемого как государственными органами и структурами, так и местным самоуправлением» [5, 45]. Обладая, таким образом, практической значимостью, оказалась востребованной и активно развивается теория «сервисного государства» или «новая модель администрации как службы гарантированного сервиса» или концепция «активизирующего государства» [3].

Ю. И. Дубровин, исследуя основные направления современных административных реформ, выделяет следующие основные принципы концепции «активизирующего государства» [3]: «1. Государство стремится управлять другими, а не выполнять работу за них. Это означает стремление максимально разгрузить правительство от текущей сервисной работы и «спустить» оказание государственных услуг на уровень, максимально приближенный к потребителю. 2. Предоставить потребителям возможность самим выбирать услуги, в которых они нуждаются, и у тех, кто оказывает их наиболее качественно. 3. Ввести принцип конкуренции в госсекторе, дать возможность частному сектору бороться за потребителя при условии, что данная услуга будет оплачена государством. 4. Вкладывать капиталы в результаты, а не в намерения. 5. Ориентироваться на клиента, то есть во главу угла деятельности государственных органов следует ставить потребности и пожелания граждан как потребителей публичных услуг. 6. Внедрять рыночно-ориентированные механизмы и бюджетирование, ориентированные на результат. 7. Произвести децентрализацию организаций, перенести центр тяжести принятия решений на низовой уровень, внедрить в управление сетевые элементы.».

На сегодняшний момент эта теория характеризуется незавершенностью и недостаточной развитостью методологических проблем, что отчасти, по мнению В.Л. Тамбовцева, связано с отсутствием описания всего многообразия государственных услуг в терминах экономической теории [9, 5]. Среди основных проблем теории «сервисного государства» следует выделить:

- недостаточное внимание к методологическим основам теории, видению государства в системе экономических институтов;
- преобладание политического анализа. Так, обобщив различные концептуальные наработки, Я. В. Коженко и А. Ю. Мамычев определяют «сервисное государство» как особую политическую форму организации публичной власти, располагающую специальным аппаратом управления, направленным на оказание публичных услуг индивидам, а также систему социально-правовых гарантий достойного жизнеобеспечения человека, его прав и свобод» [5, 46];
- в рамках сервис-доминирующей логики государственные услуги рассматриваются не как блага, а лишь как процесс и взаимодействия.

Теоретически сервисная модель государства сконструирована в рамках западноевропейского категориально-понятийного аппарата для анализа специфической западной среды. Данные категории, понятия, методы и приемы для целей практического применения в целях реформирования государственной системы в России принимаются без должного концептуального анализа и адаптации к отечественным условиям.

При этом в научной среде существуют категорические мнения о функциональной неприемлемости сервисной модели государственности для России. Так, А. А. Федупин и В. Э. Багдасарян в статье «Мифы о сервисе» указывают, что «... такая модель противоречит всей традиции развития государственности в России. ... Государство в ней не может ограничиваться функцией обслуживания граждан. ... Православное понимание государственности с теорией общественного договора принципиально не сочетается. ... Идеология сервисного государства находится в резком диссонансе со всем историческим опытом развития государственности в России. ... Принципы построения государства сервисного типа противоречат также социальной структуре российского общества. Общественная система в России сохраняет де-факто иерархическую природу, что не позволяет применить к ней идеологию моделиро-

вания сервисной государственности. ... Моральная привлекательность сервисной государственности также весьма сомнительна. ... Сервис является весьма важной сферой общественного бытия. Однако он не распространяем на все бытие. Должны существовать естественные ограничители сервисизации, и в частности, к такого рода несервисизуемым нишам относится институт государства» [1].

Тем не менее вызовы современности обуславливают необходимость адекватного развития и оптимизации сектора государственного управления. Само по себе выделение понятия «сервис» в научном исследовании и в практической деятельности связано с процессом экстернализации услуг – вычленения их из системной связи с другими аспектами административного производства. Считаем, что сервисный подход в научном исследовании применим не в целом к сущности государства, а его специфической сервисной деятельности. В данном контексте хотелось бы отметить, что А. А. Федулин, один из авторов, выразивших мнение о неприемлемости сервисной модели государственности для России, отмечает, что «сервисная составляющая может присутствовать в каждой из профессий и видов деятельности» [10].

Сервисный принцип взаимодействия следует рассматривать как *форму организации деятельности*. Другим словами, требуется выявление только аспектов сервисной деятельности из всего спектра функций государства и государственного управления, которые могут иметь место и позиционироваться по определенным критериям. При этом считаем, что в России не должна теряться указанная Ю. Хабермасом [11] «актуальность» для государственного управления, в том числе повседневного, текущего управления иных, так называемых «глобальных интересов», связанных с этнонациональными, духовно-нравственными, этническими и другими основами общественного единства.

Применительно к феномену сервиса в широком смысле в качестве синонима применяется понятие «сфера услуг» как «пространство реализации сервисной деятельности» [8]. Предметом сервиса в его узком понимании выступает услуга в качестве действия, деятельности, процесса, а не результата, продукта деятельности. «В современной теории экономики понятием “сервис” обозначается именно процессуальная сторона создания и предоставления услуг как конечных продуктов» [7]. Организационно-процессуальный характер сервиса вкладывается в понятие «сервисная деятельность» – это специфическая экономическая активность людей, вступающих между собой в отношения по реализации общественных, групповых и индивидуальных услуг в рамках рыночных отношений и осуществляемая профессионально подготовленными работниками [8].

Следуя этой логике, результатом «встраивания» института сервиса в сектор государственного управления является *сфера государственных услуг – пространство реализации сервисной деятельности в секторе государственного управления, основным продуктом которой являются государственные услуги*.

Остановимся на характеристике особенностей института сервиса, опираясь на исследование его институциональных основ Е. В. Биндиченко [2]. Параллельно спроецируем эти особенности на применение института сервиса в секторе государственного управления и обозначим концептуально-методологическую проблематику, требующую осмысления.

Во-первых, институт сервиса обладает всеми признаками социально-экономической системы и, следовательно, может выступать объектом исследования с позиций системного и структурно-функционального анализа.

Поскольку сервисная идея развития сектора государственного управления основывается на классической экономической схеме «производитель услуг – потребитель», постольку *системообразующим фактором развития сервиса в широкой его трактовке (т.е. сферы государственных услуг) как социально-экономической системы следует признать взаимодействие «производитель государственных услуг – потребитель»*. Производитель и потребитель услуг представляются в виде двух сложных взаимодействующих систем, в которых все структурные элементы взаимосвязаны.

Важной теоретической и практической проблемой анализа сервиса как социально-экономической системы в статике (статический подход) является *вопрос о структурировании сферы государственных услуг*, а в динамике (деятельностный подход) – *вопрос об описании состава данной динамической системы, а именно: деятельность, взаимодействие, нормы и правила поведения*.

Во-вторых, институт сервиса вводит социально-экономические субъекты в институциональную среду государства посредством функционирования главного звена сервиса как системы – подсистемы взаимодействия с внешней средой.

Институт сервиса обеспечивает функцию адаптации социально-экономических субъектов к социально-экономическому пространству государства посредством создания условий и удовлетворения их индивидуальных потребностей, в том числе в социализации.

Именно *проблемы взаимодействия* институциональных единиц сектора государственного управления с институциональными субъектами других секторов экономики, а также с неинституциональными субъектами, сбалансированности структуры отношений выдвигаются на уровне действительности на первый план в ходе достижения эффективности сектора государственного управления.

Условием выполнения институтом сервиса указанной роли является функционирование сектора государственного управления как открытой системы, которая взаимодействует с окружающей ее средой и является устойчивой только при сохранении такого обмена. Связи со средой имеют первостепенное значение при моделировании и описании сервиса как системы. При этом институт сервиса однозначно фиксирует приоритет ориентации системы на потребителя, определяющий характер любых взаимодействий системы с внешним окружением. Такой приоритет изменяет не только характер взаимодействия с потребителями, но и актуализирует *проблему целостной трансформации системы функционирования институциональных единиц сектора государственного управления в условиях их ориентации на потребителей*.

В-третьих, институт сервиса реализует механизм ресубъективации социально-экономических субъектов, т.е. изменение их роли с объекта воздействия государства на реальных участников управленческих процессов. Институт сервиса осуществляет интеграцию субъектов в деятельность сектора государственного управления.

Решение *проблемы учета субъектности* модифицирует сложившиеся формы, процедуры и институты взаимодействия между получателями и поставщиками государственных услуг, а также межсекторного взаимодействия. Сервисная модель экономики предполагает не одностороннее доминирующее условие о том, что государство создает условия для жизни и деятельности в стране, а присутствие другой вертикали «снизу-вверх» – инициатива от различного рода общественных организаций и бизнес-ассоциаций, а также активное вовлечение индивидуумов для инициации положительных системных изменений.

Механизм ресубъективации актуализирует необходимость *переосмысления процесса воспроизводства и трансформации методологического коллективизма и индивидуализма в социоэкономический принцип комплементарности ценностей*.

В-четвертых, институт сервиса в режиме реального времени воспроизводит собственную структуру и снимает напряжение посредством введения в практику взаимодействия актуальных времени стандартов и ценностей, определяющих поведение сторон и обеспечивающих их единение.

Актуализируется *проблема способности сервисной деятельности в секторе государственного управления, ее продукта стать благом, порождая дополнительную ценность для потребляющего ее субъекта*. Формирование и усовершенствование потребительской ценности требует детального понимания *цепочки создания ценности*, выявления в ней возможностей для развития, сочетания эффективности удовлетворения ценностных ожиданий потребителей вместе с экономической эффективностью. С этого ракурса следует выделить *проблему наполнения государственной услуги как несводимого блага экономическим содержанием*, решение которой мы видим в плоскости выявления механизма формирования ценностного отношения к сфере государственных услуг. Усугубляет данную проблему господство логики рассмотрения экономики и сферы государственных услуг противоположными друг другу сферами общественной жизни. Экономические модели, построенные на основе такой методологической посылки, когда государственная властная услуга выступает внешним ог-

раничением хозяйственной деятельности организаций или жизнедеятельности индивида, а не внутренним мотивом поведения экономического субъекта, должны быть перестроены на принципиально новой методологической основе. Определяя содержание государственной услуги как экономической категории, следует иметь в виду ее полезность как для личного и общественного потребления, так и для производительного потребления. Неэкономические по своей природе действия государства могут и должны быть экономически обоснованными. Тогда сфера государственных услуг будет ускорять процесс совершенствования социально-институциональной структуры в направлении формирования ценностного отношения к государственной услуге.

Все вышесказанное в совокупности подчеркивает многоаспектность и глубину проблематики, связанной с сервисом в секторе государственного управления, а также организацией и управлением сервисной деятельностью. Сервисный подход к государственному управлению социально-экономическими системами позволяет обозначить многообразие исследовательских перспектив в решении выделенных проблемных ситуаций.

Итак, сервисная парадигма использована нами как модель постановки проблем. Проблемная декомпозиция является лишь переходным этапом от уровня целеполагания (переход к сервисной модели экономики) к решению проблем, соотносящемуся с изначальной целевой установкой. Поставленные методологические вопросы выделенной проблематики требуют дальнейшего теоретического исследования: они либо не решены удовлетворительно, либо предложенные решения носят дискуссионный характер. Развитие теории и практики функционирования сектора государственного управления актуализирует выделение самостоятельной предметной области исследования – всех явлений и процессов, описываемых парадигмой сервисизации. Это, в свою очередь, продуцирует специфическую классификацию и структуризацию процессов и явлений в данной области, построение субъектно-ориентированной концепции организации сферы государственных услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян, В. Э. Мифы о сервисе / В. Э. Багдасарян, А. А. Федюлин // *Сервис plus*. – 2010. – № 1. – С. 3-13.
2. Биндиченко, Е. В. Институт сервиса: социальная сущность, особенности, функции / Е. В. Биндиченко // *Вестник ВЭГУ*. – 2009. – № 4 (42). – С. 14-18.
3. Дубровин, Ю. И. Новые направления современных административных реформ в ведущих странах Европейского союза / Ю. И. Дубровин // *Власть*. – 2009. – № 1. – С. 131-134.
4. Классификатор институциональных единиц по секторам экономики : приказ Федеральной службы государственной статистики от 02.08.2004 г. № 110 // *Консультант Плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]*. – Электрон. дан. – [М., 2011].
5. Коженко Я. В. Сервисное государство: проблемы теории и практики реализации / Я. В. Коженко, А. Ю. Мамычев // *Власть*. – 2010. – № 3. – С. 44-46.
6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г.: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р // *Консультант Плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]*. – Электрон. дан. – [М., 2011].
7. Осокина, И. В. Сервис – это ... / И. В. Осокина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://servicology.ru/developconcept/65.html>.
8. Осокина, И. В. Сервисная деятельность / И. В. Осокина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://servicology.ru/developconcept/66.html>.
9. Спрос и предложение государственных властных услуг: институциональный анализ / И. В. Аверкиев, Д. Г. Галицкий, Г. В. Калягин, П. В. Крючкова, Е. Н. Кудряшова, С. Г. Маковецкая, Д. М. Сорк, В. Л. Тамбовцев; Институт национального проекта «Общественный договор». – М.: ИИФ «СПОРОС» КонфОФ, 2005. – 168 с.
10. Федюлин, А. А. Приоритетные задачи формирования науки о сервисе / А. А. Федюлин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://servicology.ru/extra/news/29.html>.
11. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2008. – 186 с.
12. Чернышев, Б. Менеджмент в сервисной экономике / Б. Чернышев // *Проблемы теории и практики управления*. – 2004. – № 1. – С. 107-113.
13. Юртаев, А. Н. Моделирование инновационной деятельности в системе технологий государственного управления: автореф. на соискание уч. ст. д-ра экон. наук / А. Н. Юртаев. – Казань, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru>.

Прокопенко Н. В.

АНАЛИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ

Прокопенко Н. В.

N. V. Prokopenko

АНАЛИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ

ANALYSIS OF THE COMPONENTS OF MERGER&ABSORPTION FINANCIAL STRATEGY

Прокопенко Наталья Викторовна – ассистент кафедры «Экономика и финансы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре; 8-914-1550851. E-mail: mishutiks@mail.ru.

Ms. Natalya V. Prokopenko – Assistant Lecturer, Department of Economics and Finance, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 681013, Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk region, phone: 8-914-1550851. E-mail: mishutiks@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрена суть финансовой стратегии слияний и поглощений, реализация ее основных этапов, а также механизмы финансирования сделки в российской и зарубежной практике.

Summary. The paper considers the nature of a financial strategy used for merges and absorption, implementation of its key stages, and also the mechanisms of financing transaction adopted in the Russian and foreign practice.

Ключевые слова: слияния и поглощения, финансовая стратегия, критерии эффективности, финансирование.

Key words: merges and absorption, financial strategy, financing mechanism, efficiency indicators.

УДК 331

Слияние и поглощение компаний как способ осуществления стратегии роста должны быть направлены на создание, удержание и усиление конкурентного преимущества компании-инвестора. В то же самое время финансовая стратегия, являясь элементом общей стратегии предприятия, в качестве основной цели рассматривает, как правило, увеличение стоимости компании. Цели общей и финансовой стратегий тесно связаны между собой.

В ходе осуществления стратегии слияний и поглощений двумя основными элементами, формирующими финансовую стратегию компаний, являются оценка слияний и поглощений с точки зрения их финансовой эффективности и выбор оптимальной формы финансирования слияния или поглощения. Оценка финансовой эффективности представляет собой перспективную оценку, т.е. выбор наиболее эффективного партнера для слияния, и ретроспективную оценку, которая предполагает оценку экономического эффекта от проведенной сделки.

Различные варианты финансовых вложений имеют свои преимущества и недостатки. Аккумулирование денежных средств и вложение в ценные бумаги используются компаниями для поддержания необходимого уровня оборотного капитала. Такие финансовые вложения обеспечивают, как правило, невысокую доходность, но имеют достаточно высокий уровень ликвидности. Наличие и вложения в ценные бумаги должны поддерживаться компаниями на необходимом уровне для обеспечения стабильности их деятельности, в то же время такие средства не являются стратегическими инвестициями.

Осуществления финансовых вложений в собственное производство (капитальные вложения) и в покупку других компаний (слияния/поглощения) являются элементами фи-

нансовой стратегии компании. Финансирование слияний/поглощений, которое чаще всего осуществляется путем приобретения пакетов акций, классифицируется как долгосрочные финансовые вложения в финансовой отчетности компании-покупателя до тех пор, пока не произойдет юридическая реорганизация участников слияния/поглощения.

Осуществление слияния/поглощения не является исключительно финансовым решением, но и элементом стратегического развития компаний. Рассмотрим технологию осуществления слияний/поглощений и ее основные этапы. На первом этапе компании-покупатели производят мониторинг компаний, перспективных для проведения слияния/поглощения и оценивают вероятные синергетические эффекты от проведения сделки. После выбора одной или нескольких компаний, являющихся привлекательными для слияния/поглощения, наступает второй этап, который заключается в их тщательной проверке (процедура Due Diligence), результатом которой является решение об осуществлении сделки.

Основной причиной слияний российских компаний в настоящее время является потребность объединения финансовых ресурсов для повышения платежеспособности (возможности отвечать по обязательствам контрагентов). Необходимо составить прогноз того, насколько может повыситься финансовая устойчивость вновь образуемой компании по сравнению с показателями финансового состояния компаний-учредителей. Для целей проведения такого анализа должны составляться:

- прогнозный консолидированный баланс объединенной корпорации;
- прогнозный консолидированный отчет о финансовых результатах объединенной корпорации;
- прогнозный консолидированный отчет о движении финансовых потоков объединенной корпорации.

Консолидированные финансовые отчеты, как правило, должны составляться специально привлекаемой для этого аудиторской компанией. При составлении консолидированной отчетности производится вычитание результатов всех хозяйственных операций между корпорациями-учредителями во избежание «двойного счета» имущества, обязательств и финансовых результатов:

- взаимного участия в капитале;
- кредиторской и дебиторской задолженности по внутренним сделкам;
- финансовых результатов по внутренним операциям;
- оценки имущества, переданного в результате сделки купли-продажи от одной компании – другой;
- взаимных финансовых потоков.

Составление и анализ консолидированных финансовых отчетов имеют исключительно важное значение при разработке концепции слияния, поскольку анализ показывает, насколько изменится финансовое состояние и эффективность деятельности объединенной корпорации.

На третьем этапе осуществляется непосредственно процедура слияния/поглощения. В российской практике можно выделить четыре вида механизма установления корпоративного контроля: приобретение компании на приватизационных конкурсах, приобретение компаний через процедуру банкротства, участие в корпоративном управлении компании-цели и приобретение долей в ее уставном капитале. Первый и последний виды механизма характерны и для западных стран. Большинство российских компаний были образованы в процессе акционирования и приватизации. Приватизация компаний происходила путем их выделения из государственных структур и их возмездной передачи частным владельцам. Механизм перехода корпоративного контроля при приватизации отличается от аналогичных механизмов с участием только частных компаний в результате ряда специфических условий его осуществления. Наиболее распространенными вариантами приватизации стали залоговые, денежные аукционы, инвестиционные конкурсы, ваучерная приватизация. Каждый из этих вариантов обладает характеристиками, резко отличающимися от рыночных процессов, что служит ос-

нованием для выделения приватизации в качестве отдельного механизма перехода корпоративного контроля.

Вторым механизмом, характерным для России можно считать аккумуляцию долгов поглощаемой компании и конвертацию их в акции компании в процессе банкротства. При проведении процедуры банкротства возможно подписание мирового соглашения, по которому кредитор получает свой долг акциями предприятия.

Третий механизм заключается в использовании возможностей участия в корпоративном управлении компании-цели. Если контроль над компанией-целью не мог быть установлен при помощи участия в ее акционерном капитале, то в состав ее руководства внедряется ряд лиц, лояльных компании или группе, предпринимающей поглощение.

Четвертый механизм – приобретение долей в уставном капитале – является вполне рыночным механизмом и наиболее распространен в западных странах.

В практике слияний и поглощений западных компаний можно выделить пять форм финансирования слияний и поглощений: денежными средствами, простыми акциями, облигациями (или привилегированными акциями), конвертируемыми ценными бумагами и гибридными (или производными) ценными бумагами. Кроме того, возможна комбинированная форма финансирования, использующая несколько вышеуказанных способов оплаты. Выделенные формы финансирования слияний/поглощений можно сгруппировать в два основных вида: финансирование за счет свободных средств компании-покупателя или финансирование за счет акционерного капитала.

На четвертом этапе технологии слияний/поглощений происходят процессы организационной и производственной интеграции компаний, принявших участие в сделке. В организационном плане разрабатывается механизм создания новых исполнительных органов компаний или механизм подчинения существующим исполнительным органам компании-покупателя. В производственном плане вносятся определенные коррективы в деятельность участников слияния/поглощения, отражающие видение производственного развития объединенных компаний инициаторами сделки. От качества осуществления процессов организационной и производственной интеграции зависит результат слияния/поглощения.

Таким образом, финансовая стратегия при слияниях/поглощениях является частью общей стратегии предприятия-инициатора сделки и преследует цели укрепления финансовой устойчивости компании и повышения ее конкурентоспособности. С другой стороны, сделки слияния и поглощения являются долгосрочным вложением компании и проводятся с целью прироста прибыли или стоимости организации. Сделки состоят из реализации нескольких этапов, суть которых заключается в оценке экономического эффекта после проведения сделки и выборе механизма ее финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оценка бизнеса / под ред. А. Г. Грязновой, М. А. Федотовой. – М.: Финансы и статистика, 1999.
2. Коупленд, Т. Стоимость компаний: оценка и управление / Том Коупленд, Тим Коллер, Джек Мкррин; пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 1999.
3. Школьников, Ю. Особенности оценки российских компаний / Ю. Школьников // Рынок ценных бумаг. – 1998. – № 4.
4. Pilloff, S. The Value Effects of Bank Mergers and Acquisitions / S. Pilloff, A. M. Santomero. – The Wharton School, University of Pennsylvania, 1997.
5. Calomiris, C. The Bank Merger Wave of the 1990s: Nine Case Studies / C. Calomiris, J. Karenski. – University of Illinois, 1996.

Симоненко В. Н., Симоненко Н. Н.
V. N. Simonenko, N. N. Simonenko

ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

INDICATORS OF THE QUALITY OF LIFE AND LIVING STANDARDS RELATED TO LABOR POTENTIAL

Симоненко Виталий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: simonenko@knastu.ru.

Mr. Vitaliy N. Simonenko – PhD in Economics, Associate Professor at the Department of Economics and Finance, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Avenue. E-mail: simonenko@knastu.ru.

Симоненко Николай Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: simonenko@knastu.ru.

Mr. Nicolay N. Simonenko – Doctor in Economics, Professor at the Department of Economics and Finance, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Avenue. E-mail: simonenko@knastu.ru.

Аннотация. Приведены индикаторы оценки качества и уровня жизни населения России, характеризующие трудовой потенциал. Дан анализ показателей уровня жизни в Хабаровском крае в сравнении с показателями в России. Рекомендованы интегральные показатели для измерения индекса развития человеческого потенциала, отражающие различные стороны жизни людей.

Summary. The paper reviews indicators of the quality of life and the living standard of the population of Russia which characterize the labor potential of the country. Analysis of living standard indicators in the Khabarovsk region in comparison with average national indexes is presented. Recommended are integrated indicators for measurement of the index of development of the human potential, which reflect various aspects of people's life.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, трудовой потенциал, население, доходы, индекс развития человеческого потенциала.

Key words: quality of life, living standard, labor potential, population, income, index of development of human potential.

УДК 331

Благополучие населения страны можно характеризовать различными показателями, среди которых часто применяют «уровень жизни», «качество жизни», «качество трудовой жизни», «индекс развития человеческого потенциала». Категорию «уровень жизни» впервые ввел К. Маркс (в работе «Заработная плата, цена и прибыль») для социально-экономической характеристики уровня и степени удовлетворения материальных, интеллектуальных и социальных потребностей населения, отдельных территорий, социальных групп, семьи и отдельного человека. Это позволяет определить уровень развития материального производства, сферы услуг и экономики в целом.

Таким образом, *уровень жизни* – это уровень благосостояния населения, потребления им благ и услуг, совокупность условий и показателей, характеризующих меру основных жизненных потребностей. По определению ООН 1961 г., дефиниция *уровень жизни* содержит понятия и определения: здоровье, потребление продуктов питания, образование, занятость и условия труда, жилищные условия; социальное обеспечение; одежда; отдых и свободное время; права человека [1, 413]. Первостепенное значение для жизнедеятельности человека имеют также его здоровье и питание.

В нашей стране и ее отдельных регионах для оценки уровня жизни применяются следующие основные показатели (индикаторы):

- 1) средний размер вознаграждения труда работников;
- 2) покупательная способность населения исходя из среднего вознаграждения труда;
- 3) минимальный потребительский бюджет и прожиточный минимум по социально-экономическим группам населения, включая численность и долю населения со среднедушевыми доходами ниже этих показателей;
- 4) характер потребления продуктов питания по домашним хозяйствам;
- 5) денежные доходы и расходы различных социально-демографических групп населения;
- 6) показатели дифференциации населения по среднедушевым доходам;
- 7) структура потребительских расходов различных групп населения.

Для оценки изменения уровня жизни населения рассчитывается *индекс стоимости жизни*. В России данный показатель исчисляют с 1919 г. В современный период индекс стоимости жизни (Исж) исчисляются исходя из набора товаров и услуг для различных социально-демографических групп населения и по минимальному набору по формуле

$$\text{Исж} = P_1q_0 / P_0q_0, \quad (1)$$

где P_0 , P_1 – цена покупки базисного и текущего периодов; q_0 – объем покупок базисного периода.

Официальная статистика позволяет привести краткую характеристику основных социально-экономических индикаторов уровня жизни населения нашей страны:

- *среднедушевые денежные доходы населения*. Наблюдается положительная динамика при превышении величины прожиточного минимума;
- *реальные располагаемые денежные доходы*, в % к предыдущему году. В 1995 г. они составили только 85 %, а в целом – динамика положительная;
- *среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике*, р. При общем низком уровне заработной платы наблюдается положительная динамика и превышение минимального уровня оплаты труда;
- *реальная начисленная заработная плата*, в % к предыдущему году. Динамика положительная, за исключением 1995 и 2009 гг.;
- *средний размер назначенных пенсий*, р. На фоне общего низкого уровня назначенных пенсий наблюдается положительная динамика;
- *реальный размер назначенных месячных пенсий*, в % к предыдущему году. При положительной динамике исключение составляет 1995 г.;
- *величина прожиточного минимума* (в среднем на душу населения), р. в месяц; в % к предыдущему году. Динамика положительная, наблюдается реальный рост прожиточного минимума;
- *численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума*, млн чел.; в % от общей численности населения; в % к предыдущему году. Динамика положительная, за исключением 1995, 2008 и 2010 гг., произошло увеличение численности населения с низкими доходами.

- коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в размах. Коэффициент дифференциации доходов возрастает при его начальной критической величине с 13,5 в 1995 г. до 16,8 в 2007 г. В последние годы он несколько снизился, составив 16,5.

- минимальный размер оплаты труда (в среднем за год), р. Повышающийся минимальный размер оплаты труда показывает, что средняя заработная плата за аналогичный период значительно превышает его;

- реальный размер минимальной оплаты труда, в % к предыдущему году. При положительной динамике исключения составляют 1995 и 2010 гг., в которые реальный размер – снизился;

- дефицит денежного дохода малоимущего населения, млрд р., в % от общего объема денежных доходов населения. При абсолютном возрастании дефицита денежного дохода наблюдается его относительное снижение.

По Хабаровскому краю, в сравнении с общероссийским уровнем, практически по всем показателям население региона находится в худших условиях, включая средние доходы и средний уровень заработной платы, куда включена надбавка за работу на Дальнем Востоке и районный коэффициент.

В 2005 г. 64,1 % населения имело доходы ниже среднего уровня по стране; в 2006 г. – также 64,1; в 2007 г. – 63,5; в 2008 г. – 65,5 и в 2009 г. – 64,9 %, что объясняется возрастанием дифференциации доходов населения.

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума за период с 2000 по 2009 гг. неуклонно снижается, при этом относительное снижение составило 15,8 процентных пунктов, с 29,0 до 13,2 %. Снизился и дефицит денежного дохода – с 5,0 % до 1,3 %.

В сложившихся сложных экономических условиях количество студентов, обучающихся по всем формам обучения в высших учебных заведениях страны, возросло с 4741,4 в 2000/2001 учебном году до 7418,8 тыс. чел., при этом количество учебных заведений также возросло с 965 до 1114.

На 10000 чел. населения стало приходиться 523 студента (в 2000/2001 учебном году приходилось только 323 студента). Основная масса студентов обучается на очном отделении – от 2625,2 тыс. чел. в 2000/2001 учебном году (55,4 %) до 3280,0 тыс. чел. в 2009/2010 учебном году (44,2 %). Наибольшее количество учебных заведений (1134) наблюдалось в 2008/2009 учебном году, в котором обучалось 7513,1 тыс. студентов. В этот же период на 10000 чел. населения приходилось 529 студентов вузов.

Количество государственных и муниципальных учебных заведений в конце рассматриваемого периода составило 662 ед., или 59,4 %, но студентов в них обучается 6135,6 тыс. чел., т.е. 82,7 %.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (см. табл. 1) характеризует как индекс человеческого развития, так и количественную сторону человеческого потенциала. Лидерами в представленной группе стран являются: Япония, Франция, Швейцария, Швеция, Финляндия, Норвегия, Нидерланды, США, Австралия, Австрия, Италия, Канада, Бельгия, Германия. Наиболее низкий уровень продолжительности жизни в таких странах, как: Индия, Туркмения, Казахстан, Киргизия, Россия, Украина и Молдова.

Возрастающие расходы на поддержание фиксированного уровня жизни необходимо сдерживать, что и осуществляется системой компенсационных мер. Цель компенсации (индексации) достигается политикой государства в области регулирования доходов населения. Применяется различный механизм осуществления индексации: индексация всех видов доходов в равной пропорции; индексация только фиксированных доходов; индексация доходов населения, имеющих доходы ниже прожиточного минимума; ограничение индексации профессиональным, территориальным или общегосударственным минимумом заработной платы.

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет) [5]

Страна	Го- ды	Все насе- ление	Муж- чины	Жен- щины	Страна	Го- ды	Все насе- ление	Муж- чины	Жен- щины
Россия	2009	68,7	62,8	74,7	Нидерланды	2008	80,5	78,4	82,5
Австралия	2007	81,4	79,1	83,7	Норвегия	2008	80,8	78,4	83,2
Австрия	2008	80,6	77,8	83,3	Польша	2008	75,6	71,3	80,0
Азербай- джан	2008	72,6	69,9	75,4	Республика Корея	2007	79,2	75,8	82,4
Армения	2009	73,9	70,6	77,0	Молдова	2009	69,3	65,3	73,4
Беларусь	2008	70,5	64,7	76,5	Румыния	2008	73,4	69,7	77,2
Бельгия	2007	79,9	77,1	82,6	Велико- британия	2007	79,7	77,6	81,8
Болгария	2008	73,3	69,8	77,0	США	2007	79,1	76,7	81,3
Бразилия	2007	72,2	68,6	75,9	Таджики- стан	2008	72,2	69,7	74,8
Венгрия	2008	74,2	70,0	78,3	Туркмения	1999	66,9	63,4	70,4
Германия	2008	80,2	77,6	82,7	Турция	2007	71,7	69,4	74,2
Дания	2008	78,8	76,5	81,0	Узбекистан	1998	70,3	68,2	73,0
Индия	2007	63,4	62,0	64,9	Украина	2009	69,3	63,8	74,9
Италия	2007	81,6	78,7	84,2	Финляндия	2008	79,9	76,5	83,3
Казахстан	2009	68,6	63,6	73,6	Франция	2007	81,3	77,6	84,9
Канада	2007	80,6	78,2	82,9	Швейцария	2008	82,3	79,8	84,6
Киргизия	2008	68,4	64,5	72,6	Швеция	2008	81,3	79,2	83,3
Китай	2007	72,9	71,3	74,7	Япония	2007	82,7	79,0	86,2
Мексика	2007	76,0	73,0	78,5					

Исследования отечественных и зарубежных ученых показывают, что все-таки важнейшими источниками роста материального благосостояния считаются *совокупность знаний и квалификации населения* – человеческий потенциал. Также на социально-экономическое развитие общества большое влияние оказывает состояние образования, науки, здравоохранения. Человек – это не только ключевой ресурс в достижении определенных целей общества, в нем и заключается истинная и конечная цель развития. В то же время совокупность основных и имеющихся дополнительных показателей не позволяет рассчитать комплексную оценку *уровня жизни*. Появившиеся в экономике новые понятия отражают эту роль. Благополучие населения характеризует емкое понятие «качество жизни». По мнению А. Котляра, *качество жизни* – это синтетический показатель, складывающийся: 1) из имеющихся товаров – их качества, количества, ассортимента, доступности и стоимости; 2) качества физической (окружающей) среды; 3) качества культурной среды человека [2, 66]. Удачно и определение Б. А. Райзберга и др., в котором *качество жизни* обобщает понятие *уровень жизни* и включает в себя как уровень потребления материальных благ и услуг, так и удовлетворение интеллектуальных потребностей, здоровье и продолжительность жизни, условия окружающей человека среды, а также морально-психологический климат в коллективе и душевный комфорт [3, 145]. Зарубежные ученые применяют индикаторы (показатели) качества жизни населения. А. Кэмпбелл, Ф. Конверс и В. Роджерс выделяют такие индикаторы, как здоровье, семейные отношения, экономическая и политическая ситуация в стране, наличие друзей, наличие жилья, интересная работа, местожителство, вероисповедание, увлечения, надежность банка, участие в политической жизни [4].

В 1960-х гг. создана концепция «качества трудовой жизни», в которой важная роль отведена условиям, в которых люди трудятся и где стараются реализовать себя как личности: культурные, национальные, нравственные, бытовые. Здесь главная роль отводится удовлетворенности результатами труда и возможности самореализации в процессе производственной деятельности. Данная концепция основана на посылах, обеспечивающих качество трудовой жизни: 1) справедливое и достаточное вознаграждение труда; 2) здоровые и безопасные условия труда; 3) возможность самореализации и самовыражения в трудовой деятельности; 4) правовое обеспечение работника и возможность принимать участие в стратегических решениях; 5) обеспечение профессионального роста и уверенности в будущем; 6) достойное место жизнедеятельности, возможность общения и отдыха; 7) социальная полезность работы в масштабах общества [1, 409].

В середине 1980-х гг. на международном уровне в рамках ООН ввелось понятие – *индекс развития человеческого потенциала* (ИРЧП), в котором учитываются возможности для развития человека функционирующими системами здравоохранения и образования. Затем это определение появилось в международном лексиконе и терминологии специалистов (1990-х гг.) – *индекс развития человеческого потенциала* (ИРЧП) (то же – индекс человеческого развития (ИЧР)). Система показателей для измерения ИРЧП включает:

- ожидаемую продолжительность жизни (новорожденного, проживающего в условиях существующего уровня смертности);
- уровень образования – совокупный индекс грамотности взрослого населения (с 16 лет) и совокупной доли учащихся на всех ступенях обучения (начальной, средней и высшей) в общей численности населения от 6 до 24 лет;
- уровень жизни населения – реальный валовой внутренний продукт на душу населения, характеризует возможность доступа к материальным ресурсам, обеспечивающим достойное существование.

Данные интегральные показатели для измерения ИРЧП отражают различные стороны человеческой жизни и по каждому из них разработаны соответствующие нормативы. Величина ИРЧП может быть в интервале от 0 до 1 и чем ближе к единице, тем развитие человеческого потенциала выше. При уровне ИРЧП ниже 0,5 он считается низким; 0,5-0,8 – средним и свыше 0,8 – высоким. В 2003 г. из 175 государств, по которым рассчитывался ИРЧП, 57 стран отнесены к категории высокого уровня развития, 88 – среднего и 32 – низкого. Наша страна с показателем, равным 0,795, занимала 62 место, хотя в 1992 г. этот показатель составлял 0,848 (52 место в мире).

Показатель ИРЧП использует ограниченный круг показателей, что не позволяет проводить глубокие исследования происходящих социальных и экономических процессов в обществе. Однако этот индекс имеет преимущества перед другими показателями при страновых сравнениях, например, ВВП и уровень доходов, позволяя получать обобщенную оценку из показателей, характеризующих благосостояние общества и его развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамчук, В. В. Экономика труда: учеб. / В. В. Адамчук, Ю. П. Кокин, Р. А. Яковлев. – М.: Финстатинформ, 1999.
2. Котляр, А. Э. Трудовой потенциал / А. Э. Котляр, А. Б. Докторович // Социальная политика: энцикл.; под ред. Н. А. Волгина, Т. С. Сулимовой. – М., 2006.
3. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М, 1997.
4. Sembeil A., Converse P., Rodgers W. The Quality of American Life/ N.J., 1976.
5. Российский статистический ежегодник. – 2010. – С. 757

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Балахнина В. Ю.
V. U. Balakhnina

ЧИБИСОВА О. В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОЛОДЁЖНЫХ СУБКУЛЬТУР КАК ТИП МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ. – LAP Lambert Academic Publishing (2011-08-02). – 192 с.

O. V. CHIBISOVA. INTERACTION OF YOUTH SUBCULTURES AS INTERCULTURAL COMMUNICATION. – LAP Lambert Academic Publishing (2011-08-02). – 192 p.

Балахнина Валерия Юрьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681014, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Калинина, д. 41, кв. 146; 8-962-2869237. E-mail: Balakhnina-VU@yandex.ru.

Ms.Valeriya Yu. Balakhnina – PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681014, 41 Kalinina str., ap. 146; 8-962-2869237. E-mail: BalakhninaVU@yandex.ru.

Молодёжная субкультура, многогранное, противоречивое явление общественной жизни, является важным фактором социальных изменений и источником культурных инноваций в современных условиях социокультурного реформирования России. Молодёжь представляет собой общественную силу, способную осуществить различные начинания, потому что она не воспринимает установленный порядок как нечто само собой разумеющееся и, обладая потенциалом, становится зачинателем изменений в обществе в силу своего иного взгляда на его проблемы и конфликты. Этим обусловлен всплеск научного интереса к проблематике молодёжной субкультуры как способу самоорганизации и саморегуляции социальных взаимодействий молодого поколения. В связи с этим монография О.В. Чибисовой «Взаимодействие молодёжных субкультур как тип межкультурной коммуникации», вышедшая в германском издательстве «Ламберт», представляется необходимой и своевременной. Актуальность исследования взаимодействия молодёжных субкультур в рамках межкультурной коммуникации обусловлена социокультурной действительностью: с одной стороны – активно происходящий в мире процесс глобализации и с другой – процесс регионализации. Такие разнонаправленные векторы социокультурной динамики не могут не обострить проблематику взаимопонимания культур, актуализировать проблемы диалога культур и толерантности.

Автор книги последовательно осуществляет анализ взаимодействия культурных кодов и ценностных ориентаций молодёжных субкультур Хабаровского края и выявляет их место в социокультурном пространстве.

Первая глава рецензируемой монографии «Подходы к определению понятия молодёжная субкультура» посвящена анализу основных дефиниций исследования – «культура», «молодёжь», «субкультура», «молодёжная культура», «контркультура». Автор обращается к анализу научной традиции в изучении субкультур, сопоставляет характеристики молодёжной субкультуры и контркультуры, опираясь на классификацию С.И. Левиковой, и формулирует рабочее определение молодёжной субкультуры как «культурной подсистемы внутри системы базовой культуры общества, частично интерпретирующей существующие значения последней, а в некоторых аспектах имеющей оппозиционную интенциональность по отношению к ней».

Во второй главе «Изучение молодёжных субкультур: история и современность» О.В. Чибисова продолжает анализировать теоретико-методологические основания изучения субкультур, опираясь на концепцию исследования субкультуры как коммуникативной системы, предложенную Т.Б. Щепанской. Разработанная Т.Б. Щепанской модель-матрица ис-

пользована автором в качестве инструмента для систематизации эмпирических данных по субкультурам Хабаровского края. Заслуживает внимания классификация субкультур по доминирующему каналу коммуникации на внутренне- и внешнеориентированные, а также предложенная авторская схема исследования взаимодействия культур.

Глава 3 «Взаимодействие культур: диалог и конфликт». Выделив диалог и монолог как основные формы взаимодействия культур, автор справедливо утверждает, что именно углубление диалога культур сегодня становится жизненной необходимостью. Автор обращается к идее континуума, предложенного в исследовании Дж. Вильямса, структурировавшего молодежную субкультуру по трем уровням: микроуровень межличностного общения, мезоуровень межгруппового общения и макроуровень институционального общения. Методологически значимым является дифференцированный подход к механизмам межкультурных контактов, среди которых основными названы глокализация, мультикультурализм, интеркультурализм и транскультурализм.

Наиболее ценной в монографии видится ее практическая часть: анализ результатов анкетирования 368 респондентов и материалов проекта «Новое поколение выбирает». Опираясь на репрезентативную социологическую выборку, О.В. Чибисова в 4-й главе «Каналы взаимодействия молодежных субкультур» делает убедительный вывод о том, что молодёжные субкультуры в крае очень распространены, а их функционирование предопределяется относительно высокой плотностью и разнообразием. Особого внимания заслуживает характеристика молодёжных субкультур Хабаровского края как системы определённого круга взаимодействий, связанных с осуществлением субкультурных практик.

Глава 5 «Взаимодействие культурных кодов» посвящена выявлению отличительных групповых признаков молодёжных субкультур. К знаковым уровням молодёжных субкультур автор относит стиль (стереотипный облик), идеологию, образы и тексты, ценностную иерархию и музыкальные предпочтения. Анализ субкультурного взаимодействия на семиотическом уровне позволил автору сделать вывод о том, что наиболее распознаваемым культурным кодом является стереотипный облик представителей молодёжных субкультур, который, являясь регулятором отношений, выступает «то в качестве диалога, то в качестве разделяющей черты».

В последней главе монографии «Взаимодействие ценностных ориентаций» автор подробно останавливается на существенных для исследования понятиях: ценности, иерархия ценностей. В своём исследовании О.В. Чибисова, используя методику ценностных ориентаций «Опросник Рокича», где различаются ценности терминальные и инструментальные, приходит к выводу, что доминантой жизненных ценностей и приоритетом поведения для современной молодёжи является материальное благополучие.

Проанализировав обширный культурно-исторический материал и выявив интегрирующие и дифференцирующие возможности ценностных ориентаций представителей субкультур, автор исследования заключает: большинство молодёжных субкультур Хабаровского края создали собственные модели преобразования различного вида «противостояний» в наиболее социально приемлемые формы.

В целом книга представляет несомненный интерес как для исследователей межкультурных коммуникаций, так и для читателей, желающих расширить знания о молодёжных субкультурах.

Костюрина Н. Ю.

КУЛИНИЧ Н. Г. ДОСУГОВАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В 1920-1930-е ГОДЫ. – ХАБАРОВСК: ИЗД-ВО ТОГУ, 2011. – 164 с.

Костюрина Н. Ю.

N. Yu. Kostyurina

**КУЛИНИЧ Н. Г. ДОСУГОВАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В 1920-1930-е ГОДЫ. – ХАБАРОВСК: ИЗД-ВО ТОГУ, 2011. – 164 с.**

**N. G. KULINICH. LEISURE ACTIVITIES IN THE SOVIET FAR EAST IN 1920-1930ies.
– KHABAROVSK: TOGU PUBLISHING, 2011. – 164 p.**

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681022, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Победы, 56-33; 8(4217)25-32-01. E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kosturina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681022, Komsomolsk-on-Amur, 56-33 Pobedy pr.; 8(4217)25-32-01. E-mail: kosturina@mail.ru.

Монография Натальи Геннадьевны Кулинич, кандидата исторических наук, доцента кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск) посвящена исследованию одной из форм городской культуры Дальнего Востока первой трети прошлого столетия – досугу.

В России XX в. освобождающееся от производительной деятельности свободное время человека находилось под пристальным вниманием государства. Сначала в художественной литературе, а затем и в государственной политике были сформулированы идеи, согласно которым избавленный от ежедневной борьбы за выживание человек будет стремиться к саморазвитию и самосовершенствованию. Советское государство старалось хотя бы на уровне институциональном организовывать и контролировать формы проведения досуга, развивая сети специальных учреждений – библиотек, Домов культуры, спортивных залов, музеев и т.д.

В течение многих лет представление о воспитанном и образованном человеке формировалось в связи с частотой посещения им подобных учреждений; не свободны от подобных оценок мы и сегодня. Представляется особенно своевременным и важным именно сегодня, когда так очевидны социокультурные изменения, исследовать, как и чем были сформированы наши представления о норме проведения свободного времени, способах организации досуга, насколько органичны для человека были нормы, предлагаемые/навязываемые ему государством и идеологами пролетарской культуры. Ответы на эти вопросы, как представляется, позволят нам понять и адекватно оценить многие явления современной культуры.

Автор монографии обращается к анализу концепций пролетарской культуры, чтобы охарактеризовать тот идеал личности, который должен был служить образцом для подражания, эталоном для советского человека 1920-1930-х гг.: это гражданин, увлеченный «наукой, музыкой, изобретательством, скульптурой, спортом» (с. 4). Досуг понимается как важный фактор организации жизни человека, «структурирования образа жизни», «системы свободного» инициативного самопросвещения, дополнительного познания мира», выделяются его домашняя (индивидуально-семейная) и клубная (общественная) формы. Культура досуга рассматривается как часть и повседневной, и праздничной городской культуры, является элементом массовой культуры, характеризуется «доступностью, демократизмом, публичностью и игровым началом» (с. 6).

Таким образом, сама проблематика исследования связана с изучением процесса «огосударствления» предметно-материального комплекса, обеспечивающего проведение досуга и «подчинение его целям политического просвещения». Советская досуговая культура – явление недостаточно исследованное, особенно в его региональных вариантах, например дальневосточном. Н.Г. Кулинич осуществляет такое исследование с привлечением обширного

архивного материала (документов отделов народного образования, документов различных комитетов и советов, руководящих культурным строительством, публикации в периодической печати, фотодокументы), иллюстрируя текст таблицами и фотографиями.

Монография включает в себя главы «Отдых, досуг и «разумные развлечения»», «Клубная самодеятельность», «Физическая культура и спорт», «Кино в организованном досуге горожан», «Роль и место театра в структуре досуга», «Праздничный досуг горожан», являясь, таким образом, продолжением и дополнением предпринятого ранее исследования культуры повседневности городов Дальневосточного региона («Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920-1930-е годы»), опубликованного в 2010 г. в Хабаровске.

«Иерархия досуговых предпочтений», соответствовавшая задачам формирования нового советского человека, реконструируется и осмысливается Н.Г. Кулинич в соотнесении с документами эпохи, что позволяет читателю увидеть, насколько те или иные формы организации досуга были востребованы в условиях промышленного развития Дальнего Востока, как меняются предпочтения жителей дальневосточных городов, реабилитируются в государственном масштабе такие развлечения, как танцы, бильярд и др. Отдельного упоминания заслуживает описание организации борьбы с пьянством и употреблением наркотиков в регионе. Монография Н.Г. Кулинич свободна от идеализации культурно-просветительской деятельности, которой грешат многие работы, так или иначе затрагивающие проблемы досуга; многочисленные цитаты позволяют составить впечатление о сложности процессов «окультуривания» дальневосточника: «Вечерами городской парк Владивостока ... был погружен во мрак. Обычным явлением там стали драки, поножовщина, грабежи, убийства... В краевом детском парке нечем было заняться, не работали аттракционы, не было кафе или буфета... детвора бегала повсюду, вытаптывала цветы, траву, ломала деревья»; описывается еще более печальная картина в городах-новостройках: «в результате недостатка мест культурного отдыха, среди молодежи часто наблюдаются уродливые явления: пьянство, картежная игра, драки и прочие случаи бытового разложения».

Конец 30-х гг. – время, когда, как показывает автор, репрессии и рост политического напряжения отвлекли государство от задач культурного строительства. Общая динамика формирования досуговой деятельности видится автору монографии как смена нескольких тенденций. 1920-е гг. характеризуются идеализацией и стремлением к «разумным формам» организации досуга, отказу от традиционных форм, поиску принципиально новых, советских, включая кино, праздники, занятия спортом, чтение, музыку, с целью приобщения к городским формам жизнедеятельности огромные массы вчерашних крестьян. В 1930-е гг. происходит частичная реабилитация «буржуазных» ценностей: востребованы умение вести себя в быту, образованность и начитанность, особое внимание властей уделяется «культуре быта», заботе о чистоте и уюте общежитий и столовых. Отдельный сюжет связан с невозможностью профессионализации человека в сфере досуговой деятельности, например получением зарплаты за работу в самодеятельном оркестре. Противоположная ситуация складывается в сфере спортивной подготовки, где, напротив, происходит отход от массовой физкультуры в сторону профессионализации. Отказ от экономического аскетизма приводит к открытию коммерческих магазинов и ресторанов; в середине 1930-х гг. восстанавливаются в правах ценности зажиточной жизни.

Региональная специфика этих процессов видится автору в отставании культурного строительства на Дальнем Востоке от среднего по России, дефицита досуговых учреждений, неукорененности населения в регионе, отсутствии опыта индивидуальной организации досуга.

Анализ современной ситуации в регионе (депривация дальневосточного населения, неудовлетворенность культурных запросов и потребностей человека как причина оттока населения) с очевидностью показывает стабильность описанной ситуации, в этом смысле еще раз важно подчеркнуть актуальность проблематики работы Н.Г. Кулинич.

Шунейко А. А. РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2009. – 112 с. РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ-2. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2011. – 128 с.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2009. – 112 с.

РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ-2. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2011. – 128 с.

I. M. REVITCH. BIROBIJAN DREAMS. – KHABAROVSK: "PRIVATE COLLECTION" PUBLISHERS, 2009. – 112 p.

I. M. REVITCH. BIROBIJAN DREAMS-2. – KHABAROVSK: "PRIVATE COLLECTION" PUBLISHERS, 2011. – 128 p.

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Современный мир с последовательностью самоуверенного маньяка стремится все расставить или даже растащить по строго определенным функциональным ячейкам, отчетливо напоминаям камеры. Здесь и сейчас нужно глубокомысленно молчать. Там и потом необходимо сосредоточенно бурить землю. Тут и завтра следует правдоподобно весело смеяться. Такое раздергивание покушается на целостность бытия и членит единое живое существо на совокупность довольно убогих проявлений.

Спасает от фатального расчленения, заставляет помнить о единстве сущего художественное творчество в его истинных проявлениях. Прекрасный пример такого стабилизирующего фактора – две изящные книжки доктора философских наук И. М. Ревича. И философского, и художественного тут в избытке. Но больше всего искреннего и истинного. Больше всего настоящего вне скучных жанровых рамок и унылых литературных направлений, вне ангажированности и распространенных попыток станцевать с читателем какой-нибудь танец (с саблями или стриптиз – как кому больше нравится).

Автор рассказывал, что книжки создавались в неторопливых научных бдениях: нужно отвлечься от статьи, и он переходит в иной формат. Очевидно, что не все можно изложить в рамках ученого труда. Глубинные категории и тонкие переходы сущностей сложно поддаются формализации. Да и не всегда нуждаются в ней. На границе между аналитическим и эстетическим возник удивительный сплав, средоточие художественных форм, в которых содержательная глубина и внешняя легкость настолько уравновешены, что даже агрессивная поступь массовой культуры не в силах их поколебать. Получилась созданная в своей многомерности реальность процессов, где физический и духовный планы сплетены в ткань зыбко мерцающей лунной дороги на поверхности спокойной реки.

Такое видение дается только светлому позитивному взгляду. Одновременно сосредоточенному и рассеянному с такой степенью фокусировки, которая позволяет воспринимать целое через детали и видеть за деталями целое. Автор обладает таким взглядом. Потому его духовные озарения носят внешне неброский характер, а компоненты реального мира сплете-

ны с движением мысли. И все это предстает в замедленном темпе, неспешность которого оборачивается бешеным галопом.

Спокойные интонации предполагают эмоциональную вовлеченность. Автор ничего не декларирует, не доминирует над читателем, не отсылает его к лозунгово обозначенным ориентирам. Он ведет доверительный разговор, предлагает прислушаться. Его голос звучит в хоре природы. Но главное можно расслышать без усилий, потому что главным оказывается практически всё.

Особый медитативный план и исповедальные ноты позволяют воспринимать тексты не как простой информационный поток, а включаться в них, присоединяться к ним, растворяться в них. И сквозь время проступают образы без границ и иерархий.

Перед нами как в окне неторопливого вагона медленно ровно с такой скоростью, чтобы можно было разглядеть и запомнить важные детали, проплывают: городской парк, ящик под окном общественной бани, двор дома, берега рек и океанов, картофельное поле, заводской цех, барак, кафе в Гавре, мерзлая тундра, Северный морской путь, деревянный клуб. Глубинная тождественность этих внешне различных пространств создается заинтересованным авторским видением и единством населяющих их существ.

Собеседниками, соучастниками и со-зрителями в авторском действии оказываются не только мама, Витек, Валера, Алеха, Хаим, вахтеры-виртухаи, попутчики, городские чудики, Люся, крылатое железо старого паровоза, теплая корова, но и Лем, Розанов, Шопенгауэр, Гете, Блок, Эйнштейн, Лобачевский, Мандельштам, Шекспир, Кант, Ван Гог, Заболоцкий, Галич, Бог и многие другие. Здесь нет главных и второстепенных. Тут важны все. И все в эсхатологическом измерении едины.

Они включают повествование в калейдоскоп судеб, надежд и идей. Вернее, опрокидывают его в длительность внешнего взгляда, пронизанного жаждой постижения, энергией постоянного узнавания. Все вместе выводят текст на такой уровень обобщенной исповедальности, какой доступен только светлому мудрому восприятию. Только строгому аналитику, вооруженному свободным художественным методом, разрушающим примитивный анализ.

При всем внешнем сходстве с Бабелем и Шолом-Алейхемом с их искрящимся юмором ближайшим для Ильи Ревича собратом по перу является Бруно Шульц. Именно его отношение к времени и пространству полно реализовано в текстах Грёз. Взаимная проницаемость временных планов при четко заданной определенной неопределенности пространства создают конгломерат вечно текущих смыслов, у которых есть конкретные адреса, но их столько, что попытки обнаружить единое или только одно подобие обречены на улыбку автора и хохот Высших сил. Взаимное перетекание одного пласта в другой рисуют слитный и в то же время разорванный и разметанный по своим сходящимся противоположностям мир.

Мир, в котором завтра произошло еще до вчера, а сегодня осуществится только в далеком будущем. Мир, в котором то, к чему ты идешь, уже давно пройдено, а до того, что пройдено, еще предстоит добраться. Мир, где запахи перепревшего навоза смешиваются с пьянящим ароматом рождающейся женственности. Мир, где твои собеседники не могут понять тебя настолько, что нет нужды в словах, чтобы запечатлеть единство общей для всех мысли. Мир, где господствует оглушительное и многоголосое звучание благоговейной тишины. Тот самый мир, где «улица кончается Китаем».

В этом континууме даже и не разворачиваются, а с легкой непосредственностью наивного, а потому всезнающего ребенка затрагиваются темы судеб еврейского народа, становления души и духа, восприятия социумом иного, радости и горести, феноменологических констант, моральных перипетий и ложного классового чутья, счастья опрокинутого неба,

Шунейко А. А. РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2009. – 112 с. РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ-2. – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2011. – 128 с.

чести, дарованной радости, моральных терзаний, суровых законов жизни, утонченного эстетизма, мистики большой политики, фантазмагии космоса, теологической грусти.

На границе четкого и чуткого полусна, где пробуждение и засыпание слились в точке пленительного понимания сути, автор легкими прикосновениями созидает то, что было, и вспоминает о том, чего не было. Делает это в тональности шаловливого малыша, сбросившего с себя оковы всезнания как ненужный груз, препятствие к постижению истины.

«Биробиджанские грёзы» – удивительный образец медитативной прозы. Они пленительно безоценочны. До зубов вооружившись иронией, не щадя никого, включая самого себя, автор строит повествовательную канву с установкой: улыбаться всегда лучше, чем лить слёзы.

Книги понравятся и поклонникам философских штудий, и сторонникам бытовых описаний, и любителям закрученных сюжетов. Всё это в Грёзах есть. Малый жанр оказывается очень подходящей и благодарной формой. Тем более, что отдельные повествования складываются в единый поток бесконечного движения по граням отточенного кристалла.

Любимая философская идея И. М. Ревича – Космополис. Автор не только отстаивает её на научных конференциях, но, что гораздо важнее, этими своими двумя книжками реально закладывает фундамент града, творит улицы и площади, разбивает его парки, населяет его жителями. Он архитектор и строитель, заботливый садовник и рассудительный дворник. Такая универсальная позиция дает ему широту взгляда. Грани между реальностью и символом стираются, вернее, отодвигаются в ту сияющую сферу, где царят иные оценочные шкалы, где господствует спокойный добрый взгляд мудрого ребенка. Ребенка, который знает все в силу именно того, что он ничего не знает. И формальное знание смущенно умолкает, оказавшись рядом с результатами медитативного постижения сути бытия.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Докучаев И. И.
I. I. Dokuchaev

ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ»

THE REPORT ON CARRYING OUT OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFICALLY- PRACTICAL CONFERENCE «THE FAR EAST RUSSIA: PRESERVATION OF HUMAN POTENTIAL AND IMPROVEMENT OF QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION»

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchayev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Общая информация

С 19-го по 21-е сентября Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет принимал у себя девятую конференцию, посвященную актуальным проблемам социально-экономического и гуманитарного знания, связанным с судьбой Дальнего Востока России.

Международная научно-практическая конференция под названием «Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и улучшение качества жизни населения» была организована при поддержке гранта № 11-13-27501г/Т Российского гуманитарного научного фонда, Хабаровского научного центра Дальневосточного отделения Российской академии наук, Правительства Хабаровского края и Еврейской автономной области. Кроме того, помощь организаторам конференции оказало ОАО "Амурметалл". Хочется сказать его руководителю Владимиру Васильевичу Лиманкину огромное за это спасибо.

В конференции приняли участие ученые из Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Владивостока, Биробиджана, Омска, Иркутска, Орла и других городов России. Среди участников 28 докторов наук, профессоров, 39 кандидатов наук, доцентов. Активное участие принимали и молодые ученые, среди них 48 аспирантов и 6 магистров. На конференцию приехали представители одной научной организации (Российская академия наук, Санкт-Петербургский научный центр) и 18 российских университетов, это: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Благовещенский государственный педагогический университет, Дальневосточная академия государственной службы, Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия, Амурский государственный университет, Хабаровская государственная академия экономики и права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Дальневосточный федеральный университет, Хабаровский государственный институт искусств и культуры, Омский государственный педагогический университет, Иркутский государственный лингвистический университет, Тихоокеанский государственный университет, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Орловский государственный университет, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет. Шесть человек представляли предприятия и организации края,

Докучаев И. И. ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ»

страны и мира (Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа VIII вида № 1; Дальневосточный художественный музей; ЗАО «Гражданские самолеты Сухого», г. Комсомольск-на-Амуре; Издательство «Наука» (Санкт-Петербург); Администрация г. Комсомольска-на-Амуре; Строительная компания «YIAA.co» (Сирия, г. Дамаск)). Всего в конференции приняло участие 127 человек, из них 65 младше 39 лет. Международный статус конференции был подтвержден участием в ней специалистов из Сирии, Китая, Японии. Тема конференции оказалась интересной специалистам по всем областям социально-экономической и гуманитарной науки: философам и социологам, правоведам и политологам, культурологам и искусствоведам, филологам и историкам, экономистам и психологам, педагогам и антропологам.

Формат конференции представлял собой три пленарных и пять секционных заседаний, на которых представители разных наук вырабатывали общую позицию по существу решения проблемы сохранения населения на российском Дальнем Востоке и повышения качества его жизни. Кроме того, в течение третьего дня конференции был проведен итоговый круглый стол.

Международная научно-практическая конференция была посвящена ключевой проблеме социально-экономического развития Дальнего Востока – выработке технологий сохранения населения и повышения качества его жизни. Обсуждались различные пути и уровни решения данной проблемы. Результаты конференции имеют теоретическое и практическое значение. Теоретическое значение они имеют для экономики, истории, культурологии, социологии, политологии, психологии, правоведения, теории межкультурной коммуникации, практическое значение – для формирования содержания ключевых дисциплин специальностей социально-гуманитарного и экономического профиля, для разработки правовых актов, политики и экономического развития региона. В ходе конференции были высказаны различные, возможно, во многом спорные точки зрения. Но какие бы ни предлагались пути решения, цель одна – стабилизация населения на Дальнем Востоке, а для этого необходимо не только развивать традиционно сложившуюся экономику, ориентированную на военно-промышленный комплекс, но комплексно подходить к решению проблемы, создавая такие условия, чтобы человеку жить здесь было комфортно и интересно.

По итогам работы конференции ее участники приняли совместную резолюцию.

Работа конференции широко освещалась в СМИ города, края и ЕАО. Телевизионные каналы РТР и НТВ, Русское радио, газеты «Комсомольская правда», «Наш город», «Новая неделя», «Ваше право», «Дальневосточный Комсомольск», журналы «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке», «Личность. Культура. Общество», информационные порталы Интернета, принадлежащие Комсомольскому-на-Амуре государственному техническому университету, Дальневосточному университету путей сообщения, Российской Социологической Ассоциации представили аналитические обзоры материалов конференции и интервью с ее участниками.

Обзор пленарных заседаний конференции

Программа работы включала в себя три пленарных заседания, касающиеся различных проблем, связанных с сохранением населения Дальнего Востока и повышением качества его жизни: 1) «Социально-экономические и политико-правовые условия сохранения населения и повышения качества его жизни»; 2) «Межкультурная коммуникация и культурно-педагогическая политика как факторы сохранения населения и повышения качества его жизни»; 3) «Исторические и демографические аспекты решения проблемы сохранения населения и повышения качества его жизни».

Первое пленарное заседание включало семь докладов. Оно началось выступлением «Российский Дальний Восток в аспекте геополитики» профессора Рудольфа Львовича Лившица, доктора философских наук, профессора Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета. Он сообщил, что население Дальневосточного региона, по данным переписи 2010 года, составляет чуть более 6 млн человек, или 5 % населения России.

Это намного меньше по сравнению с пиком роста в 90-е гг., когда оно равнялось 8 млн. Однако только в одном китайском Харбине проживает около 10 млн человек. Дальний Восток занимает 30 % территории России, и его потеря может привести к началу распада всей страны, потому что возникнет соответствующая цепная реакция. Утрата Дальнего Востока России возможна как благодаря депопуляции, так и благодаря международной активности. Сейчас на наш регион претендуют США, Китай, Япония. Рудольф Львович подчеркнул возможность мягкой китайской ассимиляции Дальнего Востока России, представляющей собой легальное и нелегальное заселение его пустующих территорий, после чего останется только решить юридический вопрос об их принадлежности. Сегодня, говорил Р. Л. Лившиц, необходимо срочно принять программу заселения Дальнего Востока России. Особой критике подверглась в докладе так называемая «марсианская» точка зрения, согласно которой принадлежность Дальнего Востока не имеет особого значения для России, поскольку он – кладовая всего мира.

Следующий докладчик, Алексей Михайлович Соколов, доктор философских наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук, в своем выступлении «Дальневосточный горизонт Евразии» сразу же указал на метафоричность самого названия «Дальний Восток». Дальность, по его мнению, – главное качество, которым наделяют жители центральных регионов страны наш регион. Это же определяет и отношение к нему властей. На самом же деле ДВ должен выступать как выгодное место встречи востока и запада в современном мире. Алексей Михайлович обратил внимание и на тот факт, что Дальний Восток не был колонизирован, первопроходцы его освоили, сделав не ресурсной базой метрополии, а неотъемлемой частью родины.

Григорий Эдуардович Говорухин, доктор социологических наук, доцент Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, в ходе выступления «Экономические проблемы социальной системы современной России» высказал предположение о том, что большая часть населения Дальнего Востока России является «заложниками» этой территории. Он отмечал, что большинство опрошенных в ходе социологических исследований жителей Дальнего Востока хотят уехать отсюда, но боятся это сделать, так как никогда не были на Западе. Подобное положение дел, тем не менее, не способствует сохранению населения.

В докладе Андрея Юрьевича Завалишина «Социально-экономический аспект формирования жизненного пространства дальневосточников», доктора социологических наук, доцента Хабаровской академии экономики и права, было проанализировано экономическое положение различных возрастных категорий дальневосточного населения России. Этот анализ позволил автору утверждать, что экономическое положение дальневосточников не намного хуже, чем жителей других регионов России, а представление о депрессивности этого региона формируется благодаря ничем не оправданной пропаганде подобного положения дел в СМИ.

Интерес вызвал доклад Юрия Владимировича Рожкова, доктора экономических наук, профессора кафедры банковского дела Хабаровской академии экономики и права, «Банковское обслуживание как фактор повышения качества жизни населения региона». В своем докладе он показал, что современная банковская система представляет собой институт сдерживания роста личного благосостояния граждан и развития производства, поскольку проценты по выдаваемым кредитам оказываются настолько большими, что никакая прибыль не в состоянии их покрыть, а проценты по депозитам – настолько низкими, что полностью уничтожаются инфляцией.

В докладе доктора экономических наук, профессора Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета Давида Кирилловича Шевченко «Проблемы, приоритеты и механизмы управления стратегической устойчивостью предприятия» отмечалось, что теоретическим основанием решения проблемы депопуляции региона является разработка механизмов прогнозирования банкротства предприятий и стратегических программ их устойчивого развития.

Докучаев И. И. ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ»

С заключительным докладом «Модернизация в современной России и русская цивилизация» выступил Владимир Михайлович Камнев, доктор философских наук, профессор, главный редактор Санкт-Петербургской издательской фирмы «Наука» Российской академии наук. Он утверждал, что в условиях присущей менталитету русского человека бесформенности только жесткая политическая структура способна сохранить русское государство, территориальную целостность и достижения русской культуры от распада.

Второе пленарное заседание включало восемь докладов.

В совместном выступлении профессоров Александра Семеновича Брейтмана (Дальневосточный университет путей сообщения) и Альбины Игоревны Затулий (Тихоокеанский государственный университет) «Экранная культура: от «великого немого» до WEB-дизайна», анализировалось виртуальное пространство Дальнего Востока, созданное в Интернете. Отмечалась неэффективность современного брендинга этой территории, осуществляемого посредством IT-технологий. Особо было указано на утрату новым поколением дальневосточников интереса к книжной и даже экранной культуре, которые, благодаря своей профессиональности, способны более эффективно формировать положительный имидж территории.

В докладе доктора философских наук, профессора Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета Ильи Игоревича Докучаева «Культура как социально-экономический фактор» отмечалось, что основным источником депопуляции Дальнего Востока является специализация регионов России, провоцирующая неравномерность социально-экономического развития. Только комплексное развитие Дальнего Востока, включающее мощную культурную составляющую, рост сферы услуг и образования, способно остановить отток населения отсюда.

В докладе Ильи Михайловича Ревича, доктор философских наук, профессора Хабаровской академии экономики и права, «Гуманитарный этос: между универсальным и партикулярным» было отмечено, что только создание оригинальной культуры на Дальнем Востоке сможет остановить его депопуляцию. Однако эта оригинальность, по мнению автора доклада, сегодня должна носить не партикулярно-отечественный характер, а основываться на универсальных достижениях мировой культуры.

Евгения Валерьевна Савелова, кандидат культурологии, доцент Хабаровского государственного института искусства и культуры, в своем выступлении «К проблеме кризиса ценностных ориентаций в современном образовании» утверждала, что депопуляция Российского Дальнего Востока связана со снижением уровня образования в регионе, которое, в свою очередь, обусловлено кризисом семьи, являющейся институтом формирования ценности личности и образования.

Проблема снижения уровня образования в регионе также анализировалась в докладе Натальи Ефимовны Седовой, доктора педагогических наук, профессора Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, «Внедрение в процесс обучения гуманитарно-педагогического вуза компетентного подхода как фактора здоровьесбережения будущих учителей». Докладчик отмечала, что современный компетентный подход способствует увеличению практических возможностей выпускников вузов в непростых условиях депрессивной и меняющейся экономики региона, что, в свою очередь, сохраняет их психическое и физическое здоровье.

Алексей Львович Вольский, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, в своем докладе «Восток как концепт языкознания, философии и исторической мифологии в Германии» рассмотрел основные варианты мифа о Востоке, сложившиеся в западноевропейской культуре, и предложил пути использования положительных компонентов этих мифов для формирования привлекательного имиджа Дальнего Востока и пути блокирования влияния их отрицательных компонентов.

Марина Николаевна Рассоха, кандидат филологических наук, доцент Дальневосточного федерального университета, в своем выступлении «Другой в процессах идентификации

и межкультурной коммуникации» рассмотрела механизмы формирования положительной самоидентификации жителя Дальнего Востока России в условиях межкультурной коммуникации с жителями стран АТР.

В докладе Олега Александровича Бузуева, доктора филологических наук, профессора Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, «Общественно-культурные тенденции формирования толерантных отношений этнических диаспор Дальневосточного зарубежья» анализировались культурное наследие русской эмиграции в Китае и ее опыт формирования высокой профессиональной культурной среды на Дальнем Востоке России.

Третье пленарное заседание конференции включало восемь докладов. Все они были прочитаны учеными из Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Лев Николаевич Долгов, доктор исторических наук, профессор, в своем докладе «Тенденции и противоречия формирования экономического пространства Дальнего Востока России в начале XX века» рассказал об опыте сохранения и увеличения населения Дальнего Востока России, включающем политические и экономические меры царской и советской России. Докладчик отметил, что этот опыт может быть полезным и в нынешних условиях.

Жанна Валерьяновна Петрунина, доктор исторических наук, профессор, в своем докладе «Дальний Восток России в системе экономических отношений со странами Северо-Восточной Азии (XXI век)» отметила, что современное состояние экономики Дальнего Востока России характеризуется глобальным (около 70 %) снижением показателей ее развития. Кроме того, условия, в которых она сегодня находится, не способствуют выходу из этого кризиса, так как характер международного экономического сотрудничества тормозит рост перерабатывающей и высокотехнологичной промышленности Дальнего Востока России и превращает его в сырьевой придаток развитых экономик США, Канады, Японии, Южной Кореи и Китая.

Ольга Борисовна Горобец, доктор филологических наук, профессор, в своем докладе «Недоразумения и конфликты в межкультурной коммуникации: франко-российские контакты на современном Дальнем Востоке» рассмотрела основные обстоятельства, препятствующие эффективной межкультурной коммуникации между жителями российского Дальнего Востока и представителями других культур.

В выступлении Татьяны Алексеевны Чабанюк, доктора культурологии, профессора, «Функции институтов культуры как механизмов сохранения человеческого потенциала на Дальнем Востоке России» отмечалось, что состояние основных институтов культуры, расположенных на территории Дальнего Востока России, характеризуется последовательной деградацией и является одной из основных причин снижения самосознания населения, формирования негативного отношения к региону его проживания.

Надежда Юрьевна Костюрина, доктор культурологии, профессор, в своем докладе «Репрезентация ценностей студенческой молодежи Дальневосточного региона в пространстве микроблога» проанализировала лингвистические и ментальные особенности пользователей Интернета, относящихся к новому поколению дальневосточников, и отметила, что современная молодежь разобщена, не имеет общих ценностей, кроме наиболее абстрактных – потребительского отношения к миру.

Александр Георгиевич Никитин, доктор философских наук, профессор, в своем выступлении «Регионализация образовательного пространства: идея университетского округа и его профессионально-этическая матрица» попытался сформулировать основные принципы формирования сети образовательных учреждений, способных вырастить новое поколение дальневосточников, понимающих ценность и уникальность региона, в котором они проживают.

В совместном выступлении доктора экономических наук, профессора Геннадия Ивановича Усанова и доцента Сергея Владимировича Харченко «Интерактивное управление

Докучаев И. И. ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ»

процессами преобразования деятельности предприятий» анализировалась роль IT-технологий в процессах успешного управления современными предприятиями на Дальнем Востоке России. Было отмечено, что она невысока и что от ее повышения зависит увеличение уровня промышленного производства и качества жизни населения.

Николай Николаевич Симоненко, доктор экономических наук, профессор, в своем докладе «Расчет и прогнозирование трудового потенциала» рассмотрел возрастную структуру населения Дальнего Востока России и показал зависимость правильной политики его сохранения от научных основ прогнозирования трудового потенциала.

ИТОГОВАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ»

Участники конференции единогласно отмечают:

1. Конференция прошла успешно, все ее цели и задачи были достигнуты и реализованы. Необходимо придать ей постоянный характер и проводить научные собрания по данной проблеме один раз в два/три года, а в промежутках осуществлять заочные или on-line конференции.

2. Тема конференции представляется актуальной как в научном, так и в социально-политическом отношении. Эта актуальность обусловлена высоким объемом и быстрыми темпами депопуляции Дальневосточного региона России, при сохранении которых возможность утраты этих территорий будет осуществлена в ближайшие десятилетия XXI века.

3. К числу первоочередных мер, позволяющих затормозить процесс депопуляции и вернуть население России на Дальний Восток, конференция относит следующие:

3.1. Создание специальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока, имеющей как федеральный, так и региональный статус, преследующей в качестве

основной цели прекращение депопуляции. Она должна включать в себя программы пере-профилирования населения, которое утратило рабочие места, программы создания рабочих мест для населения пенсионного возраста и др.

3.2. Необходимым условием создания и реализации такой программы является ее правовое и финансовое обеспечение, включающее организацию специального фонда защиты населения в условиях банкротства предприятий, который бы амортизировал социальные последствия, вызванные снижением производства на Дальнем Востоке.

4. Для радикального решения задачи сохранения населения на Дальнем Востоке необходимо:

4.1. Децентрализация управления регионом и передача отдельных полномочий федерального характера на региональный уровень.

4.2. Упрощение и льготирование системы налогообложения в регионе, которое позволило бы оставлять большинство финансовых и иных ресурсов в регионе и расходовать их в соответствии с целями и задачами, которые стоят перед регионом.

4.3. Изменение логистических схем в сторону упрощения транспортных путей на Дальний Восток, обеспечивающих проезд граждан и доставку продукции, оптимизации финансовых потоков между регионами Дальнего Востока, исключая посредников из центра, сокращения расстояний между теми органами, которые распределяют ресурсы, имеющие дальневосточное происхождение, и их потребителями.

5. Необходимым условием программы прекращения депопуляции региона является развитие его социально-культурной инфраструктуры, предполагающей создание комфортных условий жизни человека, улучшение сферы услуг и организации досуга, повышающей социальный престиж и улучшающей имидж Дальнего Востока России, формирующей самосознание жителей дальневосточных территорий, основанное на признании ее безусловной ценности, на любви к своей родине.

6. Социально-культурное развитие должно, наряду с промышленным, стать частью комплексной программы развития региона, предусматривающего создание новых рабочих мест, относящихся к различным сферам занятости и позволяющих реализовать человеческий потенциал в любой его форме.

7. Важнейшим аспектом, позволяющим повысить качество жизни населения Дальнего Востока, является грамотная инвестиционная и кредитно-денежная политика, предусматривающая снижение процентов по выдаваемым кредитам и установление баланса между уровнем инфляции и устанавливаемыми процентами по депозитам организаций и населения.

8. Ключевым аспектом сохранения населения Дальнего Востока является создание программы привлечения новых людей на эти территории, представляющих собой как жителей центральных регионов России, так и соотечественников из бывших советских республик.

9. Научной общественности региона в качестве приоритетных научных направлений с целью предотвращения депопуляции Дальнего Востока необходимо определить прикладные исследования стратегической устойчивости, недопущения банкротства и инновационной деятельности предприятий.

10. С целью интеграции идей ученых в научное пространство и общественное сознание необходимо создание сети некоммерческих электронных ресурсов, бумажных средств массовой информации и книжных магазинов, публикующих и распространяющих новейшие научные достижения в области разработки основ прекращения депопуляции Дальнего Востока. К этой работе следует широко привлекать ученых, представляющих не только Дальний Восток, но и другие регионы России.

11. Регулярно направлять в краевую и городскую администрации, представителю Президента РФ в регионе результаты научной деятельности, связанные с решением проблем депопуляции Дальнего Востока России.

СТАТЬИ

История

Ахметова А. В. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1960 – 1970-Е ГГ. – № 1.

Буяров Д. В. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ В 1980-Е ГГ. – № 4.

Васильченко О. А. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.): АККУЛЬТУРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ – № 1.

Верхоломов С. А. ДИСКУССИИ О ПОНЯТИИ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА – № 3.

Гореликов А. И. ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КАК НОВЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ – № 3.

Гореликов А. И. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОСВЕЩЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ – № 4.

Дворников И. Н. ВОЕННАЯ РЕФОРМА 60-70 ГГ. XIX ВЕКА И ВВЕДЕНИЕ ВОЕННО – ОКРУЖНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ – № 1.

Киба Д. В. ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1950 – 1960-е ГГ. – № 1.

Киба Д.В. ПОИСКИ ТРАКТОВОК ДЕФИНИЦИИ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКОЙ – № 2.

Кузина И. Л. ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В 30-Е ГГ. – № 3.

Петрунина Ж.В. АМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ) – № 2.

Родригес А. М. АБУ ХАНИФА И ЕГО ВРЕМЯ: АРАБСКИЙ И ИРАНСКИЙ НАРОДЫ В НАЧАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИСЛАМА И ХАЛИФАТА – № 3.

Тимофеев О. А. КОНЦЕПТЫ «ВЛАСТЬ» И «СИЛА» В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ – № 3.

Цыц В.С. СОЮЗЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА) – № 2.

Психология и педагогика

Гранина Н.М. ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА – № 1.

Гринкруг Л.С., Василенко В.С, Буховцева О.В. РОЛЬ КУРАТОРА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВУЗА И РАБОТОДАТЕЛЕЙ – № 4.

Золотухина В.П. ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ УСТНОМУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОДУ – № 1.

Липовка Н.П. РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ КОММЕРЦИИ КАК ОБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ – № 2.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В. МОНИТОРИНГ КАЧЕСТВА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И КРИТЕРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ – № 1.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В. ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЕМЫХ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ – № 2.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В. СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ – № 3.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ – № 4.

Товбаз Е.Г. ОСНОВНЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ – № 1.

И.В.Цевелева ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ – № 2.

Филология и искусствоведение

Анисимова Е.С. ОСОБЕННОСТИ ИНОКУЛЬТУРНОЙ ОЦЕНКИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ РУССКИХ, АМЕРИКАНСКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО «ГРАЖДАНСКИЕ САМОЛЕТЫ СУХОГО») – № 3.

Бурнаева К. А. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТАРОСТЬ» В АССОЦИАЦИЯХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ – № 1.

Гиль О. Л. РОЛЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАЧАЛА В РОМАНЕ У. СТАЙРОНА «ВЫБОР СОФИ» – № 1 – 2.

Горобец О.Б. КРОССКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ФИЛИАЛА ЗАО «ГСС») – № 4.

Кохан О.В. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ – № 3.

Кузнецова Н.В. ПЕРИФРАЗА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА – № 3.

Макарова Е.Н. ПОЗИЦИЯ ИНТОНАЦИОННОГО ЦЕНТРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) – № 4.

Нечаева А. В. ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АНГЛОСАКСОНСКИХ ИМЕН – № 2.

Шунейко А. А., Авдеенко И. А. ВТЯГИВАНИЕ УЧАСТНИКОВ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ – № 1.

Шунейко А. А., Авдеенко И. А. ОРИЕНТАЦИЯ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ – № 2.

Шунейко А. А., Авдеенко И. А. МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ – № 3.

Шунейко А. А., Авдеенко И. А. ГЕНЕРИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ФОРМ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ – № 4.

Шушарина Г. А. ЭКСПЛИКАЦИЯ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ «TIME» и «THE NEW-YORK TIMES») – № 1.

Юртайкина О. В. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЕ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ЖУРНАЛОВ) – № 1.

Философия, социология и культурология

Бурашников Д. Ю. СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ КУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ГОРОДОВ: БЛАГОВЕЩЕНСКА (РОССИЯ), ХЭЙХЭ (КНР) – № 4.

Бурмистров К. Г. ДЕТСКАЯ ИНВАЛИДНОСТЬ КАК МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ) – № 3.

Галкина Е. Г. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ ТЕАТРА «КНАМ» В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД – № 3.

Докучаев И. И. ТРАНСГРЕССИЯ И РЕДУКЦИЯ: ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И КУЛЬТУРОЛОГИЯ – № 1.

Зерников К.А. ИНТЕРНЕТ И ПОЛИТИКА – № 1.

Иващенко Я.С. ДИАЛОГ И МОНОЛОГ В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ – № 3.

Коньрева И. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ПЛАЧА В КУЛЬТУРЕ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ – № 3.

Латина С. В. КОНЦЕПТЫ «МАСКУЛИННОСТЬ» И «ФЕМИНИННОСТЬ» В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ИССЛЕДОВАНИЕ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ – № 1.

Малова И. Ю. ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ XXI ВЕКА – № 4.

Махлина С.Т. АФРИКАНСКИЙ ЖИЛОЙ ТРАДИЦИОННЫЙ ИНТЕРЬЕР – № 4.

Новиков Д. В. «ЛИШНИЕ ЛЮДИ» КАК НЕОБХОДИМЫЙ РЕСУРС SELF-EXPANSION OF CAPITAL – № 1.

Сова О. Н. СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАДИКАЛЬНОГО НОНКОНФОРМИЗМА В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ – № 2.

Филипова А. Г. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ И ЗАЩИТА ДЕТСТВА – № 1.

Филипова А.Г. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТСТВА: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ – № 4.

Чебанюк Т.А. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ, КУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ И КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ – № 2.

Шунейко С. А. ПЕРСОНАЖИ ТОРГОВОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ – № 3.

Шунейко С. А. ЗАЗЫВАЛА КАК РЕПРЕЗЕНТАТОР ОСОБЕННОСТЕЙ ТОРГОВОГО ПРОСТРАНСТВА – № 4.

Юдина В. И. ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В КУЛЬТУРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. – № 2.

Экономика

Баранов С. Е. РАЗРАБОТКА НОВЫХ ПРИНЦИПОВ И ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННЫМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИМИ СТРУКТУРАМИ – № 3.

Баранов С.Е. ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ – № 4.

Карловская Е.А. СЕРВИСИЗАЦИЯ В СЕКТОРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ – № 4.

Кудрякова Н.В. Пазюк К.Т. Смирнов Б.В. УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ УКЛАДОМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ИННОВАЦИЙ – № 2.

Маркова И. С. НАЦИОНАЛЬНАЯ ТУРИСТСКАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИСТЕМА – № 1.

Несмачных О. В. ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИННОВАЦИОННЫХ СТРУКТУРАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПАРТНЕРСТВА КЛАСТЕРНОГО ТИПА – № 3.

Прокопенко Н. В. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ ПРИ СЛИЯНИЯХ И ПОГЛОЩЕНИЯХ – № 3.

Прокопенко Н.В. АНАЛИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ – № 4.

Симоненко В. Н. ПРОБЛЕМЫ НАУКИ О ТРУДЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА – № 3.

Симоненко В.Н., Симоненко Н.Н. ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА – № 4.

Уксуменко А.А. Маркова И.С. ТУРИЗМ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ – № 2.

Шевченко Д.К. ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ – № 2.

ПОЛЕМИКА

Докучаев И. И. ПОЗИЦИИ И АМБИЦИИ (По поводу статьи **Д. В. Новикова** «ЛИШНИЕ ЛЮДИ» КАК НЕОБХОДИМЫЙ РЕСУРС SELF-EXPANSION OF CAPITAL) – № 2.

РЕЦЕНЗИИ

Балахнина В. Ю. Чибисова О. В. Взаимодействие молодежных субкультур. – LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING GMBH & CO. KG, SAARBRÜCKEN, 2011 – 220 С. – № 4.

Батракова Е. Б. БЕЛЕЦКАЯ И.Е., ЧИБИСОВА О.В. INVERSION COURSE: ЭЛЕКТРОННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ГОУВПО «КНАГТУ», 2011 – № 3.

Егурнова А. А. ШАРЛАИМОВА Г.Т., ЧИБИСОВА О.В. ОБРАЗОВАНИЕ БЕЗ ГРАНИЦ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ГОУВПО «КНАГТУ», 2010. – 95 С. – № 1.

Егурнова А.А. ШИНКОРУК М.В., НАЛИВАЙКО Т.Е. ПРАКТИКУМ ПО ОБЩИМ ОСНОВАМ ПЕДАГОГИКИ: УЧЕБ.-МЕТОД. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ГОУВПО «КНАГТУ», 2010. – 108 С. – № 2.

Егурнова А. А. ОСИПОВ Д.А. СТРОЕНИЕ АВТОМОБИЛЯ: УЧЕБ.-МЕТОД. ПОСОБИЕ. – LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING GMBH & CO. KG, SAARBRÜCKEN, 2011 – 67 С. – № 3.

Иванов Ант. А. ИВАЩЕНКО Я.С. СЕМИОТИКА ЕДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАНАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ): МОНОГР. – ВЛАДИВОСТОК: ИЗД-ВО ДАЛЬНЕВОСТ. ФЕДЕР. УН-ТА, 2010. – 290С. – № 2.

Костюрина Н.Ю. А. ПЕЛИПЕНКО «ИСКУССТВО В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ». – СПБ: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2010. - 315 С. – № 1.

Костюрина Н.Ю. Н.Г. КУЛИНИЧ «ДОСУГОВАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-1930-Е ГОДЫ». – ХАБАРОВСК, ИЗД-ВО ТОГУ, 2011. – 164 С. – № 4.

Мальшева Н. В. МОСКАЛЬЧУК, Г.Г. СТРУКТУРА ТЕКСТА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. ИЗД. 2 / Г.Г. МОСКАЛЬЧУК. – М.: ИЗД-ВО ЕДИТОРИАЛ УРСС, 2010. – 296 С. – № 1.

Мальшева Н.В. ТАРАНУХА, Н.А., ПЕРШИНА, Е.Ю. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ТРАНСПОРТНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ. ТОМ 1: БАЗОВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КУРС. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. – 2-Е ИЗД., ДОП. И ПЕРЕРАБ. – М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2011. – 272 С. – № 2.

Чибисова О. В. ЕГУРНОВА А.А., ШАРЛАИМОВА Г.Т. ОБУЧЕНИЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ГОУВПО «КНАГТУ», 2009. – 115 С. – № 3.

Шунейко А. А. РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ. – ХАБАРОВСК, ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2009 – 112 С.; РЕВИЧ И. М. БИРОБИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ – 2. – ХАБАРОВСК, ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ЧАСТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ», 2011 – 128 С. – № 4.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Васильченко А. С. СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ 2011 – № 2.

Васильченко А. С. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ (КНАГТУ, СЕКЦИИ: «ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР», «ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ») – № 3.

Докучаев И. И. МОИСЕЙ САМОЙЛОВИЧ КАГАН В МОЕЙ ЖИЗНИ (ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ) – № 2.

Докучаев И. И. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ" – № 4.

Егурнова А. А. ЗАЩИТА ВЫПУСКНЫХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР» (КНАГТУ) – № 3.

Костюрина Н.Ю. ПЕРВЫЕ ДЕМИЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ – № 1.

Тарасова Е. А. VII ФЕСТИВАЛЬ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА – № 1.